ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

Krasnica arkiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЕРВЫЙ (ДВАДЦАТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 88544.
Госиз. № 22067. Тир. 2.500.

Зак. № 1180.

General
Con't

Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией [1]).

I

Еще после международных социалистических конференций в Циммервальде (IX/1915 г.) и в Кинтале (IV/1916 г.), сплотивших революционные социалистические элементы международного рабочего движения и наметивших линию действий, которая шла в разрез с курсом официальных социалистических партий, царская дипломатия начинает уделять особенное внимание деятельности русской социалистической эмиграции.

Своеобразный политический кретинизм царской дипломатии, сочетаясь с неграмотностью ее в вопросах международного рабочего движения и углубляясь влияниями, шедшими из Парижа и Лондона, придавал специфический и несколько однообразный колорит всей посольской литературе, связанной с этим предметом.

Русская революция далеко не сразу привела к обновлению личного состава дипломатического ведомства. С другой стороны, в эпоху Временного Правительства из всех ведомств, именно дипломатическому, удается в наибольшей мере сохранить традиционные приемы работы. Поэтому и трактовка тех вопросов, о которых мы говорили выше, не претерпевает после революции принципиальных, существенных изменений.

Разумеется, поскольку вопросы войны и мира заострялись русскими рабочими массами и находившимися за границею русскими революционными центрами, с первых же дней революции борьба за мир ставилась на более реальную почву, информационная работа русской дипломатии в этом направлении должна была усилиться, при чем поневоле чинам дипломатического ведомства приходилось специализироваться, — правда, далеко не всегда удачно, — на изучении различных оттенков международного социалистического движения.

Первоисточником всех бед в глазах русских дипломатов являлся, разумеется, Берлин. Уловлению тех тайных нитей, которые мерещились им и которые, по их мнению, должны были протягиваться между Берлином — с одной стороны, и Берном, Женевой, Цюрихом и, далее, петербургскими рабочими кварталами — с другой, посвящена значительная часть дипломатических донесений первых месяцев революции.

---

[1]) Печатаемые ниже документы извлечены из хранящихся в Архиве Революции и Внешней политики по отделу Секретного Архива папок: 1) «Исходящие мин. ин. дел март—апрель 1917 г.», № 530; 2) «Исходящие м. и. д. май—июнь 1917 г.», № 531; 3) «Франция. Телеграммы. 1917 г.», № 510; 4) «Дания. Телеграммы. 1917 г.», № 517; 5) «Англия. Телеграммы. 1917 г.», № 511; 6) «Швеция. Телеграммы. 1917 г.», № 520; 7) «Берн. Телеграммы. 1917 г.», № 519; 8) «Ос. Д. Социалисты. 1917 г.», № 1325, папка № 360.

Произведенная в середине марта германскими социалистами в рейхстаге демонстрация наводит русского поверенного в делах в Лондоне вместе с автором передовицы «Таймса» на мысль о том, что она инсценирована германским правительством с целью ввести в заблуждение русское общественное мнение.

В телеграмме от 18 (31) марта за № 212 он сообщал министру: «Считаю долгом обратить внимание ваше на сегодняшнюю передовую статью «Таймса», переданную в Петроград министром. В ней содержится определенное указание на то, что демонстрация немецких социалистов в рейхстаге произведена была по уговору с канцлером с целью обмануть наши крайние элементы. Это указание кажется мне особенно благоприятно в наших истинных интересах настоящей минуты. *Набоков* [1])».

Опираясь на передовую «Лозаннской Газеты», поверенный в делах в Берне останавливается на той «усиленной пропаганде в пользу немедленного заключения мира с Германией, которую ведут в Швейцарии русские социалисты циммервальдского направления». «За этой пропагандой, — пишет он со слов той же газеты, — чувствуется влияние германских социалистов партии Каутского, искренность которых в смысле борьбы за социалистические принципы в данном случае подлежит большому сомнению. Положение, занятое германскими социалистами с самого начала войны, и, в особенности, характер их теперешней пропаганды дают основания опасаться, что они, сознательно или невольно, играют в руку германскому правительству» [2]).

В телеграмме из Берна от 27/III (9/IV) за № 269 сообщалось: «Находящиеся под влиянием Германии некоторые здешние газеты усиленно пропагандируют мысль, что русская демократия может окрепнуть лишь под условием скорейшего заключения мира. Эта газетная кампания, без сомнения, инспирируемая из Берлина, является дополнением маневра немецких газет, отстаивающих невмешательство в русские внутренние дела и вместе с тем высказывающих горячие благопожелания молодой России. *Ону*».

У того же поверенного в делах в Берне был также и материал более конкретного характера. В его телеграмме от 19/III 1917 г. читаем: «Сватковский сообщает: по сведениям литовского бюро в Лозанне, на-днях в Стокгольме образовался пацифистский комитет для установления сношений Германии с социал-демократией России. *Ону* [3]).»

В следующей по порядку телеграмме того же автора значится: «Еще до получения сообщения Сватковского я виделся с английским посланником, который указал мне, что среди русских крайних левых кругов в Цюрихе многие лица поддерживают непосредственные связи с Германией, а некоторые просто являются тайными немецкими эмиссарами. *Ону* [4])».

Урегулировать волну реэмиграции, отделив благонадежных оборонцев от крамольных интернационалистов, — такова была в ту пору нелегкая и, в конечном счете, неосуществимая задача, стоявшая перед дипломатическим ведомством. Дело реэмиграции вверялось при этом особым, образующимся на местах эмигрантским комитетам, действовавшим под контролем дипломатических чинов. Такой порядок устанавливался согласно циркулярной телеграммы министра ин. дел. от 18/III 1917 г. за № 1231 на имя всех посольств и миссий: «На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию, в силу акта амнистии, благоволите

[1]) Секр. тел. повер. в делах в Лондоне от 18 (31)III 1917 г. № 212.
[2]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 18 (31)III 1917 г. № 247.
[3]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 19/III (1/IV) 1917 г. № 249.
[4]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 19/III (1/IV) 1917 г. № 251.

образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. *Милюков*».

То же подтверждалось телеграммой за № 1444 от 1/IV, посланной бар. Нольде по тому же адресу: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы 1231. *Нольде*».

Волна всякого рода иностранных социалистических делегаций, шедшая из-за границы, усугубляла тяжесть положения. Собирающийся ехать в Россию итальянский депутат Моргари предпринимает эту поездку со специальною, по словам русского посла в Риме, целью — «пропаганды против войны». Отправляющемуся в Россию датскому социалисту Боргбьергу русский посланник в Копенгагене приписывал «постоянные сношения с германскими социалистами» [1]); и даже вопросы о приезде таких, не вызывавших сомнений в оборончестве, представителей французской социалистической партии, как Кашен, Лафон, Мутэ, Дюма и английской рабочей партии, как О'Грэди, Сандерс, Торн и даже таких маститых вождей оборончества, как Брантинг и Гюисманс, требовали предварительного обсуждения и особой работы по наведению соответствующих справок.

В качестве образчика такого рода справочной работы приведем не лишенную интереса справку о личности Брантинга, выданную русским посланником в Стокгольме. В секретной телеграмме его от 20/III (2/IV) 1917 г. за № 129 читаем: «К приезду Брантинга. Я полагаю, что Брантинг может в своем путешествии также руководствоваться желанием содействовать делу мира. Не исключена возможность, что об этом его просили корифеи социалистической партии в Германии и Австрии. Брантинг — человек безусловно высоких нравственных качеств, прямодушный, чуждый всяких крайностей. Но нужно иметь в соображении: [1]) что у него давнишние и крупные связи с германскими единомышленниками; 2) что он питает симпатии к германскому народу и искренно скорбит о нынешнем его ужасном положении; 3) что его шведский глубокий патриотизм заставляет его стремиться к водворению мира в Европе, так как от войны наживаются некоторые отрасли промышленности Швеции, но зато начинают страдать остальные рабочие классы и земледельцы; 4) что он очень мало знает наши русские обстоятельства и вопросы. Относительно последнего пункта я постарался его просветить, по возможности, доказав ему, между прочим, необходимость русской победы над нынешнею Прусскою Германиею для обеспечения свободы не только польскому народу, но и свободного и справедливого национального существования в составе Российской державы народам: литовскому, латышскому, эстонскому, армянскому. Я заметил, что весьма многое из того, что я говорил по этому поводу Брантингу...[2]) было для него совершенно новым. В общем, я сердечно приветствую путешествие Брантинга в Россию и рекомендовал бы его особому вниманию разумных и понимающих вопросы внешней политики членов нашей социал-демократической партии. *Неклюдов*».

Запретить нежелательным элементам въезд в Россию Временное Правительство, по обстоятельствам времени, часто оказывалось не в силах. Так, по поводу предполагавшегося приезда Боргбьерга Милюков запрашивал посланника в Копенгагене об имею-

---

[1]) Секр. тел. Буксгевдена из Копенгагена от 2(15)IV 1917 г. № 121.
[2]) Пропуск в оригинале.

щихся у него сведениях, характеризующих датского социалиста «преимущественно со стороны его отношений и симпатий к делу союзников».

Русский посланник в Стокгольме по тому же делу писал [1]):

«Брантинг, вернувшийся вчера, посетил меня и, между прочим, просил обратиться к вашему заступничеству в пользу датского депутата, главы социалистов, Боргбьерга, который 6 дней сидит в Хапаранде и которого не пускают через нашу границу, несмотря на то, что все бумаги его в полном порядке. Причина невыпуска — известные германофильские симпатии Боргбьерга. Брантинг убежден, что Боргбьерг не может никоим образом иметь воздействие на русских социалистов и что его недопущение в Россию произведет весьма неблагоприятное впечатление в Дании и других скандинавских странах; раз не боятся пустить Ленина, то нет причины не впускать Боргбьерга; последний довод кажется мне весьма основательным. *Неклюдов*».

Чтобы парализовать тот вред, какой мог проистечь от приезда многочисленных, хотя и не вызывавших сомнения в оборончестве социалистов Франции и Англии, имелось в виду уравновесить это организацией поездок в Россию представителей западно-европейских буржуазных партий.

Откликаясь на зародившийся в этом направлении в русском дипломатическом ведомстве план, российский поверенный в делах в Париже писал [2]):

«Ваша телеграмма передана Франклину Бульону, который объяснил мне, что он имел в виду не торжественную поездку парламентских групп, а лишь по 2 или 3 человека от каждой страны. Он, между прочим, уже заручился согласием Пишона и бывшего английского министра Монтегю. Подобной поездке он придавал бы большое значение, так как он считает ошибкой, что в Россию отправлены были только социалисты. Он вполне признает, что, с точки зрения необходимости вести войну до конца, Кашен и его спутники смотрят на дело весьма здраво, и что в этом отношении влияние их не может не оказать общему делу союзников огромную услугу. Но он опасается их влияния в вопросе присоединения к нам Константинополя и проливов, так как нет сомнения, по его мнению, что они являются убежденными противниками территориальных приращений. Поэтому он считает, что если бы они поехали в Петроград вместе с такими людьми, как Пишон и Монтегю, то это позволило бы нашему общественному мнению убедиться, что социалисты отнюдь не являются представителями мнения Франции и Англии, и что значительная часть здешнего общества усиленно настаивает на необходимости осуществить наши вековые вожделения, на что он намекал в своей телеграмме к вам. Кроме того, он считает весьма невыгодным для престижа умеренных партий союзных стран, если все дело будет устроено одними социалистами. *Севастопуло*».

Известно, что в это же время в английских дипломатических сферах возникает план организации совещаний премьеров союзных держав. Мероприятие это должно было вносить некоторые коррективы в подверженную колебаниям линию Временного Правительства.

Крайне заинтересованный в укреплении своих материальных рессурсов, петроградский кабинет живо откликается на английское предложение. Беседующий с временно заменяющим Ллойд-Джорджа лордом Сесилем русский поверенный в делах в Лондоне подчеркивает необходимость углубления англо-русских дружественных связей.

---

[1]) Секр. тел. Неклюдова из Стокгольма от 2(15)IV 1917 г. № 144.

[2]) Секр. тел. Севастопуло из Парижа от 5(18)IV 1917 г. № 291.

Содержание этой беседы излагается им в телеграмме на имя министра от 14 (27) апреля за № 275: «В результате моего вчерашнего разговора с Мильнером лорд Р. Сесиль, временно заменяющий Ллэйд-Джорджа, вызвал меня на откровенный обмен мнений по поводу инструкции, которую он дает великобританскому послу, возбудить вопрос о совещаниях премьеров союзных держав. Он показал мне текст петроградской резолюции, с которой я таким образом впервые познакомился. Я высказал ему тоже свое мнение, которое вчера заявил Мильнеру. Я воспользовался этим случаем, чтобы вполне откровенно сказать министру, что в настоящее время мною наблюдается в среде английского правительства несколько сдержанное отношение к России, и указать на ту опасность для будущих наших дружеских связей, скрепленных тремя почти годами общих усилий в борьбе с Германией, которая станет тем реальнее, чем более поводов будет у новой России сомневаться в полной готовности Англии всячески содействовать нашему правительству в разрешении неотложных и громадных задач настоящей минуты. Я напомнил ему, что то время, когда Англия развивала свою военную мощь и готовилась к тем решительным ударам, которые она наносит Германии теперь, Россия, преодолевая продажность и измену тогдашних вершителей ее судьбы, выдерживала и отражала натиск Германии по всему фронту. Я указал ему, что теперь настало время заложить основы прочному сближению и что задача английского правительства ныне облегчается тем, что оно встретило бы на этом пути полную и единодушную поддержку общественного мнения Англии. В частности, в вопросе о политических эмигрантах я сказал лорду Роберту, что вполне отдаю себе отчет в затруднительности для Англии исполнить наши пожелания и именно поэтому, в сознании тяжелых последствий, могущих возникнуть из недостаточно энергичных попыток к разрешению вопроса, я и прошу его приложить сейчас все старания к тому, чтобы, хотя бы с помощью Америки, добыть необходимый тоннаж. По поводу назначения Временным Правительством особого лица в связи с намеченными петроградским совещанием периодическими съездами премьеров, не имея от вас указаний касательно приемлемости этой идеи для нас в данную минуту, могу высказаться лишь предположительно. Из разговоров с Мильнером и Робертом Сесилем вывожу заключение, что здешнее правительство приветствовало бы приезд Родзянко, если бы Временное Правительство не сочло возможным уполномочить кого-либо из своей среды, и поэтому пожелало дать специальные широкие полномочия председателю Думы говорить от имени России. *Набоков*».

Не следует забывать, что заявление Временного Правительства об отказе от захватных целей в войне сделано было исключительно для внутреннего употребления и оставалось не сообщенным державам дипломатическим путем. Оно оставалось не сообщенным, разумеется, не в силу слабости дипломатических связей с Западом [1]). Дипломa-

[1]) Еще телеграммою от 30 марта (12 апреля) за № 242 поверенный в делах в Лондоне сообщал о предпринятых им шагах по укреплению дипломатических связей с Антантой:

«В беседах с государственными деятелями и издателями руководящих лондонских газет я в течение последних трех недель высказывал от своего личного имени мысль, что настало время прибавить к акту 5 сентября 1914 года заявление союзных держав, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не заключат мира с Гогенцоллернами. Как правительство, так и руководители главных газет сначала отнеслись к этой мысли несколько пугливо. Я, между прочим, указывал им, что президент Вильсон, когда решит призвать С.-А. С. Штаты к вооруженной борьбе, несомненно, должен будет в силу соображений как идейных, так и внутренне-политических провести

тическая связь министерства Милюкова с Западом была достаточно сильна, и даже лондонский кабинет, который, как казалось русской дипломатии, стал проявлять после первый дней революции признаки охлаждения к русским делам, не покидает ее своею помощью и своими советами.

Особенно энергичную помощь оказывала английская дипломатия своим русским коллегам в злободневном вопросе о наблюдении за передвижениями русских социалистов.

В секретной телеграмме от 23/III (5/IV) за № 654, посланной Бальфуром в зашифрованном виде на имя Бьюкенена и расшифрованной в министерстве ин. дел, читаем: «Сообщается из достоверного источника, что некоторые швейцарские социалисты, вместе с г-ном... [1]), национальным советником и главою бернской социалистической партии, ведут переговоры с целью добиться безопасного проезда через Германию в Россию рус-

---

грань между германским народом и преступными самодержавными правителями Германии. Газета «Дэйли Мэйль» имеет ежедневный заголовок в этом смысле, а сегодняшняя передовая статья «Дэйли Кроникль», на которую обращаю ваше особое внимание, приводит все те аргументы, которыми я старался убедить... ..еля [пропуск в оригинале]. Лично я глубоко верую в эту идею. Думаю, что инициатива должна исходить от Франции, но вместе с тем полагал бы очень желательным, чтобы вы уполномочили меня от имени России заявить английскому правительству, что в случае, если бы мысль о соглашении между союзниками по поводу невозможности заключить мир с Вильгельмом приняла конкретную форму, мы присоединимся к этому решению. *Набоков*».

К стараниям своего лондонского представительства министерство отнеслось скептически. В телеграмме министра от 1(14) апреля за № 1445 на имя Набокова читаем:

«Не могу разделить вашей мысли о целесообразности заявления со стороны союзных держав, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не заключат мира с Гогенцоллернами. Помимо принципиальной нежелательности увеличить число связывающих союзников обязательств, я считаю, что подобное соглашение могло бы явиться серьезным тормозом к заключению мира, если бы военные или иные события сломили в будущем силу сопротивления Германии, но не сопровождались династическим кризисом. С другой стороны, рекомендуемый шаг, в котором немцы не могут не усмотреть иностранного вмешательства в их внутренние дела, способен был бы, опасаюсь, привести к обратному результату и лишь упрочить положение германской династии. *Милюков*».

Вместе с тем в тот же день Милюков крепил узы, связующие Временное Правительство с Антантой, телеграммой за № 1447 на имя Извольского и Набокова, которая гласила:

«За последнее время в английской и французской печати стали появляться статьи, в которых подробно обсуждаются некоторые заявления отдельных членов Временного Правительства в связи с выступлением крайних левых партий в смысле будто бы нашего отказа от соглашения 1915 г. о Константинополе и проливах. Последняя декларация Временного Правительства в связи с выступлением об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». В виду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях. Кроме крайних социал-демократических органов, агитация которых в настоящее время в значительной мере ослаблена и подорвана означенной декларацией, вся серьезная печать и общественные круги России стоят на вышеуказанной нашей точке зрения, находящей себе также сочувственный отклик в армии. Благоволите, не делая официальных заявлений, руководствоваться этими соображениями в ваших объяснениях и беседах с представителями местной прессы и общественного мнения». («Конетантинополь и проливы», т. I, изд. НКИД. 1925, стр. 479.)

[1]) Пропуск в оригинале.

ских социалистов и... [1]), проживающих в Швейцарии. Впоследствии, в целях заключения скорейшего мира, им будет поручена пропаганда среди русского рабочего класса и среди солдат на фронте. Вышеуказанным способом германское правительство надеется ввезти в Россию шпионов и агентов-провокаторов... [1]). Комитет, организованный российскими эмигрантами, стремится и надеется быть в состоянии послать через Германию 1 партию. Среди них лица уже... [1]) и хорошо известные, как интернационалисты. Я информировал моего русского коллегу» [2]).

Дав вопросу надлежащую установку, великобританское министерство ин. дел получает через несколько дней от своего петербургского представителя следующий ответ:

«Я говорил по этому вопросу с министром ин. дел, который тоже слышал об этом, хотя и не мог установить имен русских социалистов и... [1]). На мой вопрос, что он намерен противопоставить этой опасности, он сказал, что единственное, что можно предпринять, — это опубликование их имен и сообщение, что они едут через Германию, что, по его мнению, будет достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию» [3]).

Некоторое время спустя Бальфур мог сообщить Бьюкенену более подробные сведения [4]): «Имена русских социалистов следующие: ... [1]) Троцкий... [1]) Мухин, Константин Романенко...[1]) занский, Григорий...[1]) ский...[5]) и двое детей. Информация была получена от ...[1]) что большое возбуждение возникло здесь среди социалистов, которые финансируются здесь...[1]) и, возможно, Германией со специальной целью облегчения возврата в Россию социалистов, которые должны противодействовать настоящему правительству и вести пропаганду за мир и которые вместе с тем станут во главе социалистического движения, направленного против...[1]), включая и Соединенные Штаты. Троцкий находится в союзе с вожаками этого движения, и на митинге в...[1]) он высказывался по принципиальным вопросам. Многие немцы принимают участие в подготовке их отъезда, и Троцкий, как сообщают, встречая помощь со стороны германских социалистов, все сделает, что от него зависит, чтобы продолжить осуществление своих революционных планов. Мы воздержимся от дальнейших суждений до получения от британского правительства инструкций...[1]), какие меры следует принять в отношении этой партии. Мы очень желали бы получить определенный ответ в возможно скором времени».

Соединенные усилия британской и русской дипломатии, как известно, не привели ни к чему.

Насколько было затруднительно в этом деле положение русской дипломатии, явствует уже из текста секретной телеграммы, посланной в те дни Милюковым дипломатическим представителям в Лондоне и Париже: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сем великобританскому (французскому) правительству» [6]).

Об остроте эмигрантского вопроса в Швейцарии свидетельствовала телеграмма Ону из Берна от 5(18) апреля за № 291: «В Швейцарии пока образовались две организации

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) Перевод с английского.

[3]) Секр. тел. Бьюкенена Бальфуру от 26/III (8/IV) 1917 г., расшифрованная в русском министерстве ин. дел. Перев. с английского.

[4]) Секр. тел. Бальфура Бьюкенену от 1(14)/IV 1917 г. № 709, расшифрованная в русском министерстве ин. дел. Перев. с английского.

[5]) В тексте пропуска приписка, сделанная в русском мин. ин. дел: «сестра Троцкого».

[6]) Отпуск секр. тел. Милюкова в Лондон и Париж от 5/IV 1917 г. № 1493.

для эвакуации эмигрантов: одна в Цюрихе носит скорее интернационалистический характер, другая в Берне — так называемые «обороновцы» [sic!], желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному Правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. В виду бедности многих эмигрантов, общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семействам и больным. *Ону*».

В телеграмме того же поверенного в делах от 7 (20) апреля за № 293 сообщалось:

«Среди эмигрантов упорно распространяются слухи, что Англия пропустит в Россию только «надежные элементы». Немало эмигрантов уже ликвидировали свои дела в Швейцарии и желают во что бы то ни стало ехать в Россию поскорее. Поэтому следует ожидать, что под влиянием указанного слуха они будут уезжать через Германию, подобно тому, как уехала группа Ленина. *Ону*» .

Не более утешительны были сведения, шедшие из Парижа. В телеграмме от 30/III (12/IV) за № 271 Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придется действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную... [1]). Раш [2]) в отсутствии и возвращается завтра; на завтра же у меня назначено свидание с некоторыми видными эмигрантами. Можно надеяться, что в начале будущей недели вопрос окончательно выяснится. Есть надежда найти небольшой пароход, который провез бы четыреста-пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 франков с человека до Архангельска. Как говорил мне гр. Нессельроде, было бы весьма желательно в некоторых случаях выдавать небольшие суммы эмигрантам для расплаты с долгами, за квартиру и пр. Таким образом, расходы по водворению до русской границы должны быть определены в 500 или 1000 франков с человека, смотря по тому, совершается ли путешествие через Архангельск или Норвегию. О числе же желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более, что неизвестно, сколько еще прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чем прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих свое поведение побуждениями политического характера. *Севастопуло*».

Между тем, еще 1 апреля (ст.ст.) 1917 г. телеграммою за № 142 Неклюдов предостерегал из Стокгольма:

«Вчера проехал и здесь остановился Ленин и еще несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) Присяжный поверенный, старый политический эмигрант, один из организаторов эмигрантского комитета в Париже.

швейцарского социалиста толка Циммервальда, Фрицом Платтеном, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через 2 недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретить в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире. Проезд и похвальбы Ленина с товарищами очень взволновали здешних латышских и эстонских бывших эмигрантов. Многие уверяют, что наши пораженцы, при проезде через Германию, имели кой-где свидания с тамошними социалистами, некоторые из коих проводили их до Мальме. Латыши и эстонцы утверждают, что Ленин обладает большим красноречием и замечательною ораторскою способностью, почему они боятся его влияния на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в пораженческом смысле. *Неклюдов*».

3 (16) апреля международная дипломатическая обструкция, направленная против возвращения вождя русских рабочих масс на родину, должна была кончиться, и тогда же, к великой досаде Foreign Office'a, по выходе с Финляндского вокзала он произносит свою первую речь на территории России.

В тот же день великобританским посольством в Петрограде была передана в министерство ин. дел памятная записка следующего содержания [1]):

«Посланник его величества в Стокгольме телеграфирует, что хотя и опровергалось то обстоятельство, что в Стокгольме имел место съезд для мирных переговоров немецких и русских социалистов, однако, является вполне определенным, что нечто подобное в этом роде было предложено. Германское правительство разрешило русскому социалисту Ленину проезд через Германию, и он оставил Стокгольм в последнюю пятницу вечером, направляясь в Петроград с целью предпринять самую энергичную пропаганду мира.

Перед отъездом из Швейцарии Ленин пригласил на съезд в Стокгольме английских, французских и немецких социалистов, при чем немцы приняли его предложение. Ленин заявил в Стокгольме, что он уверен, что через две приблизительно недели он будет в состоянии вернуться в Стокгольм во главе русской мирной делегации, что над Чхеидзе он легко возьмет верх и что популярность последнего, в сравнении с его, в Петрограде падает. Он хотел бы попытаться добиться мира для всех воюющих сторон, но если западные державы и особенно Англия (предмет особенной его враждебности) откажутся, Россия могла бы заключить сепаратный мир. Во время пребывания в Швеции Ленин излил свою горечь против Англии в газетной статье, в которой он заявляет, что скоро он опубликует доказательство того, что Англия сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать политической амнистии в России. К этому заявлению он прибавил, что в то время как германское правительство предоставило ему и его партии особые льготы во время их путешествия через Германию, английское правительство напрямик отказало ему в пропуске. Сэр Э. Хоуард узнал от эстонского социалиста — противника сепаратного мира, — что Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, и, в е с ь м а в е р о я т н о [2]), он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде.

Во время пребывания в Швейцарии он состоял в заговоре с индийскими революционерами. Петроград. Апрель 3 (16) 1917».

---

[1]) Записка хранится в секретном архиве министра в папке, носящей заголовок «Социалисты» и входящей в группу «особых дел» 1917 г. под № 360. В оригинале записка на английском языке.

[2]) Подчеркнуто в оригинале.

Тогда же в министерство ин. дел поступила записка и от французского посла, в которой также говорилось о проезде Ленина через Германию. На листе записки французского посла, сложенной товарищем министра ин. дел Нератовым вместе с цитированной телеграммой Неклюдова и с английской запиской, рукою того же Нератова была сделана помета: «Все сведения из 3 источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и пр. 3 апреля. *А. Нератов*».

Напомним, что к этому времени относится задержание Л. Д. Троцкого и ряда других эмигрантов в Галифаксе, произведенное, по словам Бьюкенена, местными властями «впредь до выяснения намерений Временного Правительства» [1]).

Потерпев фиаско в деле непосредственной борьбы с большевистской опасностью и уступив в этом вопросе место ведомству внутренних дел, дипломатическое ведомство продолжает свою работу в меру предоставляемых ему его компетенцией возможностей.

Особенное усердие проявлял поверенный в делах в Берне. Телеграммою от 1 апреля он сообщал [2]):

«Здесь производят очень невыгодное для нас впечатление инсинуации немецких газет о зависимости русского правительства от комитета рабочих, постоянном вмешательстве последнего в правительственные дела и упадке дисциплины в армии. Вся швейцарская пресса помещает известие, что во время беспорядков в Балтийском флоте убито около 500 офицеров и уничтожено два больших судна. *Ону*».

Специализировавшийся на наблюдении за чистотою междусоюзнических отношений, тот же поверенный в делах обращал затем внимание министерства на опасность, какая могла явиться от возможного дипломатического выступления со стороны Германии. В телеграмме от 14(27) апреля за № 320 он сообщал: «Дополнение к моей телеграмме № 318 [3]). Трудно определить, насколько основательно это сведение, но, во всяком случае, следует иметь в виду, что за последнее время здесь распространяется мнение, что германское правительство собирается предложить мир без аннексий; чтобы выступить с этим предложением, Германия будто бы выжидает только того момента, когда такое предложение сможет произвести наиболее сильный эффект и максимальное брожение умов в России. Английский посланник полагает, что ближайший политический маневр Германии будет именно заключаться в предложении такого мира без аннексий в надежде посеять известное шатание умов среди рабочих классов в странах Согласия и тем ускорить наступление мирных переговоров».

9/IV поверенный в делах в Берне [4]) сообщал о некоторых подробностях, связанных с отъездом В. И. Ленина:

«Деятельное участие в отъезде Ленина из Швейцарии принимал социалистический депутат Гримм, который конфиденциально обратился к министру ин. дел Гофману, прося его взять на себя переговоры с германской миссией об обмене русских эмигрантов на ин-

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата». Москва. Гиз, 1925 г., [illegible]

[2]) Секр. тел. Ону из Берна от 1(14)IV—1917 г. № 283.

[3]) В телеграмме от 13(26) апреля за № 318 Ону передавал со слов [illegible] швейцарца» доверительное сообщение Рихтгофена о том, что император Вильгельм собирается предпринять мирное выступление, предлагая за базу для переговоров о мире отказ от всяких аннексий и контрибуций и очищение Германией значительной полосы занятых ею территорий.

[4]) Секр. тел. Ону от 9(21)IV 1917 г. № 303

тернированных в России немцев, но получил отказ. Кто именно из швейцарцев служил затем посредником при переговорах Ленина с германскою миссией, установить очень трудно, но участие в них как самого Гримма, так и секретаря швейцарской социалистической фракции г. Платтена несомненно. Тов. министра г. Дюнан, которому я поставил вопрос, участвовали ли какие-либо швейцарские официальные лица в этих переговорах, категорически отрицает таковое участие. Что же касается англичан, то ни к английской миссии в Берне, ни к консульству в Цюрихе никто решительно из русских не обращался».

Тот же дипломат еще ранее, телеграммою от 7(20)апреля за № 289, сообщал следующее: «Швейцарский депутат социалист Гримм спешно выезжает через Германию в Стокгольм с тем, чтобы оттуда ехать в Россию. Так как миссия дает визу лишь на проезд через Францию и Англию, то Гримм ходатайствует о выдаче ему русской визы в Стокгольме. Цюрихский комитет эмигрантов сделал миссии письменное заявление, что Гримму поручено вести переговоры с министром Керенским о возвращении русских эмигрантов через Германию. Не подлежит никакому сомнению, что это лишь предлог. Гримм принимал самое деятельное участие в переговорах с германскими социалистами, после коих германское правительство разрешило проезд группе русских пацифистов, отъезд коих состоялся на прошлой неделе. Ходит упорный слух, что Гримм просил швейцарского министра ин. дел оказать ему содействие при переговорах с немцами, но получил отказ».

В течение первых чисел апреля министерством отдаются распоряжения: 1) «о невпуске в Россию Платтена, приехавшего в Швецию вместе с Лениным, которого он сопровождал через Германию [1])», и 2) об отказе в выдаче визы Гримму в случае обращения за нею последнего в посольства в Стокгольме и Копенгагене [2]).

13 апреля русские дипломатические представители за границей уведомляются о том, что возвращение эмигрантов через Германию вообще «признается невозможным» [3]).

Рассматриваемые дни были днями зенитного подъема той линии, которую проводил в иностранной политике Милюков, после чего начался закат дипломатической карьеры последнего.

Напомним, что 11/IV на страницах кадетского официоза цитировалось заявление, сделанное Милюковым на собрании членов кадетской партии в Москве, составленное в следующих выражениях [4]): «Декларация Временного Правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе как в согласии с нашими союзниками согласно лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян».

Через две-три недели Милюков будет вынужден выпустить из своих рук министерский портфель.

Действия нового главы дипломатического ведомства, естественно, будут отмечены первоначально рядом уступок. Ожидающий в Стокгольме уже в течение двух недель визы на въезд в Россию Роберт Гримм получает, наконец, хотя и с большим опозданием,

---

[1]) Секр. тел. Доливо-Добровольского в Стокгольм от 7/IV 1917 г. № 1530.
[2]) Секр. тел. его же от 12/IV 1917 г. № 1622 в Стокгольм и Копенгаген.
[3]) Секр. тел. Доливо-Добровольского посланнику в Гааге от 13/IV 1917 г. № 1655
[4]) См газ. «Речь» № 83, 11(24)/IV 1917 г.

просимое им разрешение. 7 /V в Стокгольм дается категорическое распоряжение: «Благоволите незамедлительно визировать паспорт на приезд в Россию Роберту Гримму» [1]).

Одиозная в глазах министерства фигура швейцарского социалиста пацифистского толка, с именем которого ассоциировались у министерства представления о дьявольских силах «пацифистской агитации», по приезде в Россию, благодаря ряду своих нетактичных шагов, связавших его с политикой германской правящей клики, дает министерству богатую пищу, которою оно спешит накормить идущие за коалицией круги «демократии».

23/V (5/VI) министерство ин. дел перехватывает секретную телеграмму, идущую из Берна в швейцарскую дипломатическую миссию в Петербурге [2]). Расшифрованный в русском министерстве текст телеграммы гласил:

«Федеральный советник Гофман уполномочивает вас сделать Гримму следующее устное сообщение: Германия не предпримет никакого наступления до того, пока не оказалось бы возможным соглашение с Россией. После повторных бесед с выдающимися личностями я убежден, что Германия ищет с Россией мира, почетного для обеих сторон, с тесными сношениями торговыми и экономическими, и финансовою поддержкою для восстановления России. Никакого вмешательства во внутренние русские дела, дружеское соглашение относительно Польши, Литвы и Курляндии, принимая в соображение соотношение народов. Возвращение занятых территорий, взамен возвращения Россиею занятых австрийских провинций. Я убежден, что Германия и ее союзники немедленно начали бы мирные переговоры по желанию союзников России. Относительно целей войны прочтите сообщение «Норддейтше Цейтунг», где, в согласии с Асквитом, утверждается относительно аннексий, что Германия не хотела бы никакого приращения территории с целью увеличения или расширения экономического или политического».

В то же время русский поверенный в делах в Париже извещался министром [3]): «Благоволите через специального курьера доставить поверенному в делах в Берне следующую телеграмму: «Из совершенно секретного источника нам удалось ознакомиться с телеграммою, отправленною федеральным советником Гофманом швейцарскому посланнику в Петрограде. Последнему поручалось передать словесно находящемуся здесь Гримму предлагаемые Германией России мирные условия. В целях разоблачения истинной роли Гримма, пользующегося в наших социалистических кругах широкою популярностью, я, по соглашению с Альбером Тома, признал полезным, чтобы телеграмма Гофмана была предана гласности в Стокгольме с указанием, что таковая добыта секретным путем в Берне. Об изложенном предупреждаю вас строго доверительно. В случае, если бы после опубликования сказанной телеграммы в Стокгольме к вам были обращены запросы по настоящему делу, вам следует отвечать уклончиво, отнюдь, однако, не отрицая подлинности телеграммы и стараясь, наоборот, создать впечатление, что таковая, действительно, могла быть получена в Берне. *Терещенко*».

С согласия английского и французского дипломатических представителей телеграмма Гофмана предается министерством гласности, виновник же торжества — высылке из пределов России.

Телеграммою от 4/VI 1917 г. за № 2614 министр ин. дел извещал российских представителей в Париже и Стокгольме: «Дело о высылке Гримма произвело большое впе-

[1]) Секр. тел. Доливо-Добровольского в Стокгольм от 7/V 1917 г. № 2061.

[2]) Телеграмма имеет следующий заголовок: «Политический департамент, г-ну Одье. Берн. 23/V (5/VI) 1917 г.».

[3]) Телеграмма отправлена была министерством ин. дел 31/V 1917 г. № 2496.

чатление. Сторонники Циммервальда смущены тем обстоятельством, что Гримм недостаточно резко осудил происки Германии, в вопросе же о роли Швейцарии занял недопустимую для интернационалиста позицию. Тем самым, раз швейцарское правительство сочло возможным обратиться к нему с предложением, исходящим от Германии, а он не мог отмежеваться в полной мере от своего правительства, получается, несмотря на все оттоворки, впечатление связи его, хотя бы косвенной, с Германией. Умеренная печать, радуясь его высылке, открыто называет его германским агентом. Социалистическая печать либо замалчивает инцидент, либо, не соглашаясь с необходимостью высылки, все же осуждает Гримма. Весьма знаменательным является вчерашнее заседание Всероссийского Съезда Сов. Раб. Деп., впервые собравшего в Петрограде представителей всех местных Сов. Раб. Деп. Несмотря на выступления большевиков, требовавших осуждения действий министров-социалистов в деле Гримма, прошла резолюция, выражавшая им одобрение большинством 640 против 120 голосов. Этим первым своим голосованием Всероссийский Съезд Сов. Раб. Деп. сразу твердо стал на национальную почву,— факт в высшей степени знаменательный и значение которого для будущего является исключительно важным. На него можно будет указывать каждый раз, когда за границей будут возникать слухи о стремлении России к сепаратному миру. В общем, можно рассчитывать, что разоблачение Гримма нанесло сильный удар Циммервальду и открыло глаза многим, слепо доверявшим ему организациям. *Терещенко*».

В связи с этим намечалось развитие недипломатической работы ведомства ин. дел, и Берн становился центром его внимания: «Нами организуется в Стокгольме контр-разведка, — сообщал министр ин. дел в начале июня поверенному в делах в Берне [1]), — имеющая целью обнаружение путей и средств, коими пользуются немцы для пропагандирования в России идей об окончании войны.

Особое внимание предполагается, между прочим, обратить: 1) на пропаганду через отпускаемых военнопленных и эмигрантов, 2) на переводы денег из Германии и нейтральных стран в Россию, часть коих, по всей видимости, предназначена на пропаганду. Представлялось бы крайне важным организовать подобную же разведку и в Швейцарии. Прошу вас сообщить заключение о том, считаете ли вы возможным взять на себя организацию сказанного, дела на каких основаниях, и какие средства оказались бы для сего необходимыми. *Терещенко*».

Дело образования контр-разведывательного органа оказалось далеко не простым. Ответ, полученный министерством из Берна, гласил [2]): «Весьма доверительно. От Мандельштама: В ответ на вашу телеграмму за № 2628 считаю долгом представить нижеследующие предварительные соображения относительно организации контр-разведки для обнаружения путей и средств, коими пользуются немцы для своей пропаганды в России: что касается русских военнопленных, то, как известно, в Швейцарию попадают только те из них, которые бежали из плена. Они являются к нашему военному агенту, заботами которого отправляются на родину. Допрос этих солдат касательно немецкой пропаганды в лагерях предпочтительно оставить в ведении военного агента и военных властей в России. Что же касается раскрытия интриг немцев среди русских эмигрантов в Швейцарии, то не исключена возможность содействовать обнаружению нитей германской пропаганды путем расширения круга деятельности моих обычных агентов и увеличением

---

[1]) Секр. тел. Терещенко поверенному в делах в Берне от 6/VI 1917 г. № 2628.
[2]) Секр. тел. Ону от 13 (26)/VI 1917 г. № 467.

числа их. Но вполне успешная организация такой контр-разведки предполагает также прочные связи в самой эмигрантской среде, коими я лично не обладаю. Я могу, однако, указать на лицо, имеющее там такие связи и способное оказать услуги в желательном направлении, а именно на директора здешнего агентства русской прессы, корреспондента «Речи» Викторова-Топорова, лично известного П. Н. Милюкову. В виду сказанного, прежде чем дать окончательное заключение по настоящему доверительному делу, считаю долгом просить вашего разрешения на обсуждение его с Г. Н. Викторовым. *Ону*».

Организация контр - разведки происходила, как видим, при преемнике Милюкова, на долю которого выпадала, таким образом, немалая тяжесть в деле продолжения традиций своего предшественника. Уход Милюкова из состава Временного Правительства расценивался Бьюкененом как определенная «потеря», ибо это был уход человека «с здоровыми взглядами по вопросу о войне». Утешением для английского дипломата должно было служить то обстоятельство, что в связи с этим вопрос о Константинополе и проливах терял свою остроту. Еще в беседе с Бьюкененом 23/IV Терещенко критиковал навязчивую идею своего предшественника об аннексии Константинополя, отмечая, правда, при этом существование у России жизненных интересов в Армении и Курдистане. Бьюкенен-мемуарист говорит об этом новом обстоятельстве как об определенном «выигрыше»; к Терещенко же, которого он считал «склонным к излишнему оптимизму», относился, как к лицу, вполне приемлемому, который сумеет, к тому же, играть роль «посредника между буржуазией и демократией» [1]).

Заметим кстати, что другой мемуарист, один из виднейших членов к.-д. партии, В. А. Маклаков, назначенный впоследствии Временным Правительством на должность русского посла в Париже, набрасывая характеристику демократического министра ин. дел, признает, что все, сделанные последним, уступки были скорее формальными уступками, чем «уступками по существу», — он признает даже, что, «когда его [Терещенко] обвиняли в саботировании политики советов, его обвинители были не совсем неправы» [2]).

В двадцатых числах мая обновленное министерство посылает по адресу оставшихся на местах старых членов инструкцию, составленную в духе, для последних достаточно понятном [3]).

«Временное Правительство постановило предписать российским заграничным установлениям руководствоваться в деле водворения политических эмигрантов следующими дополнительными указаниями:

1) Политические эмигранты, заявляющие о намерении возвратиться на родину через Германию, не должны рассчитывать на оказание им какого бы то ни было денежного пособия.

2) Заграничные установления отказывают таким лицам также и в выдаче и визе паспортов. Благоволите сообщить вышеизложенное постановление Временного Правительства консулам и о получении настоящей телеграммы телеграфируйте. *Доливо-Добровольский*».

Такой юридически и дипломатически небольшой вопрос, как вопрос о возвращении русских эмигрантов, являлся своеобразным барометром, отмеча-

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата», стр. 209.

[2]) «Revue de Paris», № 22. 1924. 15/XI, ст. В. А. Маклакова — «La Russie de 1900 à 1917», стр. 282.

[3]) Телеграмма Доливо-Добровольского российским посольствам и миссиям за границею от 27/V 1917 г. № 2446.

вшим те или иные реакции, протекавшие в недрах руководящих органов «революционной демократии».

В двадцатых числах июля, «в связи с чрезвычайными обстоятельствами и по соображениям настоящего времени», по требованию военного министра Керенского, «льготный порядок выдачи паспортов на въезд в Россию нашим политическим эмигрантам» отменяется созершенно [1]).

Это относится к моменту, граничащему с кануном первой вспышки гражданской войны, и появление такой исходящей от дипломатического ведомства директивы тогда будет вполне естественным и закономерным. Но и до того, в период относительного затишья, центральное дипломатическое ведомство продолжало свою незаметную, но не лишенную политического значения работу, прежде всего работу по формированию западно-европейского «общественного мнения».

Следует отметить, что вопрос об обработке этого общественного мнения возникает именно при Терещенко, который начинает снабжать своих представителей за границей систематическою информацией о внутреннем положении России.

Приведем несколько образчиков этой информационной литературы, из которой вырисовывается попутно общий политический облик ее автора.

Отмечая скрупулезно все факты, свидетельствовавшие об укреплении власти Временного Правительства, сообщая о предпринятой Керенским на фронт поездке, носящей триумфальный характер, в своей телеграмме от 19/V 1917 г. за № 2308 на имя посла в Париже, министр сообщал:

«Поездка Керенского на фронт носила триумфальный характер и дала уже заметные результаты. Начальники доносят, что приезд пришелся во-время и произвел перелом настроения в армии. Брусилов сообщает, что наступление его задержано преимущественно недочетами продовольствования, необходимостью пополнения. Щербачев доносит, что его армия приходит в порядок. Заметно также улучшение настроения на севере. Драгомиров сообщает, что XII-я армия, бывшая в состоянии разложения, возвращается к дисциплине, тоже V-я армия. В тылу, вследствие выступлений Керенского и его мер, ведется энергичная борьба с дезертирами с видным участием солдатских комитетов. Ловля дезертиров идет всюду, опасность от них железнодорожному движению почти устранена. В Киеве, где дезертиры оказали сопротивление, они были усмирены войсками и милицией. В Севастополе конфликт улажен, Колчак остается на посту. Настроение петроградского гарнизона продолжает быть апатичным, но наблюдается восстановление дисциплины, случаи отдачи чести. Хорошее впечатление произвело назначение помощником главнокомандующего Кузьмина, революционное прошлое которого позволяет ему ставить категорические требования солдатам. В Гельсингфорсе и Ревеле флот приходит в порядок, восстанавливаются отношения с офицерами. Исключением является Кронштадт, не признающий власти правительства, где матросы держат в заключении в тяжелых условиях 86 офицеров. Ожидается приезд Керенского для решения дальнейших мер в Кронштадте. В Петрограде большевики продолжают кампанию против правительства, ведут кампанию на заводах за перевыборы Совета Рабочих Депутатов, чему Совет противится. В последнее время заметно некоторое расхождение в настроениях Совета Рабочих Депутатов и Совета Крестьянских Депутатов. Это видно

[1]) Телеграмма Петряева росс. посольствам и миссиям за границею от 22/VII 1917 г. № 3309.

из различия текстов первых пунктов резолюций о войне Советов, сообщенных вам «Вестником». Недавно Совет Рабочих Депутатов предложил слиться в общий совет: крестьяне ответили, что согласны лишь на основе пропорциональности, что смутило Совет Рабочих Депутатов, в виду того, что крестьяне представляют 95% населения и поглотили бы рабочих. В виду толков о речи Чернова, заявившего, что пора прекратить призывы к армии штатских крикунов, что было понято как выпад против Керенского, я заявил в заседании правительства, что такие выступления в неудачной передаче и истолковании подрывают мою работу и возбуждают недоумение за границей. Чернов опроверг приписанный смысл и объяснил, что имел в виду безответственных штатских правых и левых, вмешивающихся в дела армии без понятия стратегии, но, во всяком случае, не представителей Правительства. По вопросу о мире продолжается кампания интернационалистов. Считаю правильным, не конкретизируя положительную часть нашей формулы, особенно настаивать на отрицательной части, имеющей в виду недопущение явных и скрытых аннексий Германии. *Терещенко*».

29 мая, несмотря на значительно осложнившееся положение внутри, в порядке такой же информации, Терещенко писал [1]):

«В настоящее время все яснее становится расхождение между группой, включающей меньшевиков и эсэров, и большевиками, к которым примыкает небольшая группа крайних интернационалистов из других партий. Большевики несколько усилились, так как к ним примыкают все элементы беспорядка, но зато происходит во всей стране постепенная их изоляция и обострение отношения к ним населения и других партий. С этой точки зрения чрезвычайно важен вопрос о Кронштадте, так как это организованный центр большевизма, откуда в армии и по всей России рассылаются агитаторы. В виду роста анархии, самосудов, неподчинения властям, в некоторых случаях захватов власти на местах самочинными организациями, а также преступных действий некоторых офицеров и солдат, призывающих армию открыто к неповиновению, правительство вступило на путь решительной борьбы с такими явлениями, что видно из ряда актов, вам ранее сообщенных. Вслед за ними последует новый ряд мер, при чем предположено возбудить судебное преследование против всех преступников и пользоваться гласностью процессов для указания общественному мнению на гибельность в настоящее время действий, дезорганизующих страну и грозящих всему делу революции. Оберегая полную свободу слова, правительство примет все доступные ему в пределах закона меры пресечения для каждого конкретного случая. В армии, как это указывает опубликованное донесение с румынского фронта, решительная борьба с неповиновением частей протекает успешно, и следует в особенности отметить ожесточенное отношение войск к зачинщикам противоправительственных выступлений. *Терещенко*».

Факт образования коалиционного правительства вселяет в министра максимум оптимизма, омрачаемого несколько лишь наблюдениями над фактами экономики. Телеграмма его от 1/VI 1917 г. за № 2522 на имя посла в Вашингтоне, предназначенная к осведомлению американских капиталистов, гласила:

«Образование коалиционного правительства совершенно изменило положение Временного Правительства, обеспечив ему поддержку Сов. Раб. Деп., представители которого в лице министров-социалистов вошли в состав власти. Благодаря этому исчезло двоевластие, бывшее при первом составе правительства.

[1]) Тел. Терещенко послу в Париже и посланнику в Стокгольме от 29/V 1917 г. за № 2471.

Общее распределение партий сейчас следующее: министерство поддерживают кадеты, народники, эсэры и меньшевики. Против правительства выступают одни большевики, несколько усилившиеся за последнее время в виду приезда некоторых эмигрантов, а также присоединения к ним элементов беспорядка. Однако надо отметить здоровую реакцию в стране против большевиков, постепенно охватывающую все партии.

На выборах в районные думы Петрограда первое место принадлежит блоку социалистов-народников и меньшевиков, кадеты занимают второе место, большевики—последнее. Во внутренней политике замечается в связи с распространением анархии, возрастающее сознание необходимости власти. Правительство, пользуясь этим настроением, переходит к решительным мерам, проводимым твердо при полном уважении к началам свободы. В вопросе Кронштадта такая политика правительства увенчалась успехом; там наступило успокоение; посланная правительством следственная комиссия приступила к расследованию дела арестованных офицеров.

Во внешней политике главными моментами являются известные вам из телеграмм декларации нового правительства, мое интервью с заявлением программы и недавно опубликованные ноты союзников, отвечавшие на нашу декларацию. Несмотря на протест большевиков и критику интернационалистов, общее отношение нашего общественного мнения к этим ответам сравнительно спокойное. Тем не менее приходится считаться с сильными интернационалистическими настроениями, и нередко нападки на союзников затрудняют нашу задачу. В частности, нужно отметить, что американская нота также подверглась критике в крайней левой печати. Направление внешней политики находится в тесной зависимости от состояния армии и возможности наступления. Поездки Керенского и принятые им меры произвели большое впечатление; можно считать, на фронте идет процесс оздоровления армии. Из принятых мною мер следует отметить закон, карающий дезертирство лишением права земли и каторжными работами. В борьбе с дезертирством принимают деятельное участие солдатские комитеты. Рядом с этим смещение генералов, расформирование полков, оказывающих неповиновение, привлечение к суду за воинские преступления. В общем, военный министр бодро смотрит на будущее армии. В некоторых частях фронта отмечается особенный патриотический подъем. Экономическое и финансовое положение продолжает быть тяжелым. Промышленный кризис, вызвавший отставку Коновалова, трудно разрешим вследствие чрезмерных ожиданий рабочих в отношении повышения платы. Намечается путь разрешения посредством урегулирования производства государством по примеру других воюющих стран.

Для нужд казны, находящейся вследствие больших эмиссий в трудном положении, предполагается обложение военной прибыли, а также повышение ставок прогрессивного, подоходного и введение поимущественного налогов.

Для вашего личного сведения считаю долгом сообщить: общие причины, вызвавшие уход Коновалова, не затрагивают вашего положения как товарища министра. Причины его ухода не чисто-политические, а финансово-политические, связанные с тяжелым экономическим положением, и начавшиеся против Коновалова решительные нападки из промышленной среды. По моим впечатлениям, экономический кризис, являющийся естественным последствием политического переворота, даст остро себя чувствовать еще два или три месяца. Поэтому временная приостановка промышленного расширения не должна останавливать наших шагов, направленных к привлечению иностранных капиталов и подготовительных шагов к будущему развитию. О финансовом положении вам посылается отдельная подробная телеграмма. Мне представляется, что в переговорах

нам оказывается косвенное противодействие английским финансовым представителем Левером [sic!], затрудняет также отсутствие точных указаний и неполная осведомленность Ону. Вчера приехала комиссия Рута, встреченная достаточно торжественно. Сегодня состоится представление Временному Правительству. Общественное мнение оставляет миссию почти без внимания. *Терещенко*».

Тем же оптимизмом проникнуто и сообщение Терещенко от 7/VI, где он, в частности, дает не лишенную пикантности характеристику роли министров-социалистов [1]):

«Самым важным явлением в общей политической обстановке следует считать образование в стране и в общественных организациях сильного и сплоченного большинства, на которое может опираться правительство. В смысле партийном большинство это состоит из большей части народнических групп и из большей части меньшевиков. Против выступают большевики, эсэры-интернационалисты и меньшевики-интернационалисты. Кадеты также поддерживают правительство, хотя не согласны со многими его мерами. Платформа, объединяющая правительственное большинство во внешней политике, заключает в себе требование мира при сохранении полного единения с союзниками, на основании самоопределения народов без захватов с чьей бы то ни было стороны, что исключает осуществление планов германского империализма, в отношении войны — реорганизация армии и готовность наступать, в экономической жизни — регулирование производства по примеру других воюющих государств, в аграрной области — подготовление организованного перехода земли к крестьянам, в отношении управления — в создании на местах самоуправления, а в центре—сильной власти. Все политические факты последнего времени указывают на усвоение большинством этой программы и на дружное ее отстаивание от покушений справа и слева. Таковы резолюции Советов Рабочих Депутатов и Крестьянских Депутатов, а также других организаций. Выборы в районные думы в Петрограде дали большинство сторонникам этой программы. В настоящее время обнаружилось, что голосования Съезда Советов Рабочих Депутатов и общее его настроение соответствует вполне этому направлению, что чрезвычайно важно, так как правительство может опираться на эту организацию, имеющую всероссийский характер и пользующуюся безусловным авторитетом. Посредниками между организованной в таком виде демократией и правительством являются министры-социалисты, в особенности Церетелли и Скобелев, весьма умело приноравливающие программу большинства к требованиям практической государственности; в частности по вопросам внешней политики все яснее сказывается разумное и практическое отношение наших социалистов к тем объективным фактам, с которыми нужно считаться при осуществлении революционных лозунгов. Можно надеяться, что дело Гримма сыграет известную роль в отрезвлении наших интернационалистических кругов и внушит им подобающую осторожность к происках Германии. Во внутренней политике министры-социалисты так же, как и все министерство, являются сторонниками сильной власти и решительных действий против дезорганизующих сил. Но нужно признать, что применение силы допускается революционным сознанием в крайних случаях, и потому, чтоб не разойтись с общественным настроением, правительство пытается во всех случаях находить мирный исход конфликтов. Однако участившиеся проявления чистой анархии, нередко в уголовных формах, создают настроение, при котором все яснее делается опасность их для страны и революции и необходимость

[1]) Секр. тел. Терещенко российским представителям в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Стокгольме от 7/VI 1917 г. № 2650.

твердого их пресечения. Таким образом, в общем, можно сказать, что происходит медленное укрепление власти как в области политической, так и в области управления. *Терещенко».*

Старания министров-социалистов, направленные к поддержанию гражданского мира во что бы то ни стало, неизменно разбивались, между тем, все выше вздымавшимися волнами классовой борьбы. 10 июня Терещенко вынужден был констатировать [1]):

«Из последних резолюций Съезда Советов Рабочих Депутатов, сообщенных «Вестником», видно, что Съезд во всех вопросах поддерживает правительство. Большой успех имело вчерашнее выступление Керенского, в котором он отвечал Ленину выдержками из радиограммы Леопольда Баварского. Последние дни настроение в Петрограде было довольно тревожным в виду, с одной стороны, усиленной агитации анархистов, с другой—слухов о готовящихся якобы контр-революционных выступлениях. Слухи эти были связаны с заявлениями членов Думы, казачьего съезда и т. п., что не отвечает фактам. Отношение Думы к событиям не изменилось, и решение, принятое по отношению к ней Советом Рабочих Депутатов, есть лишь констатирование положения, наступившего фактически вследствие революции. Казачий съезд отражает, несомненно, умеренное настроение казачества, всецело вместе с тем стоящего на почве подчинения правительству. Вчера агитация крайних элементов завершилась решением большевиков устроить сегодня манифестацию против «начинающейся контр-революции» с участием рабочих и некоторых войсковых частей. Попытка эта, носившая явно противоправительственный характер, встретила самый решительный отпор со стороны правительства, объявившего, что всякая попытка насилия будет пресекаться всею силою государственной власти. Совет Рабочих Депутатов, со своей стороны, после выхода большевиков, единогласно вынес постановление, решительно осуждающее предполагавшееся выступление, обратился с воззванием к населению и войскам не участвовать в демонстрации и запретил на три дня всякие манифестации. В результате большевики отменили свое решение. Событие это можно считать большим моральным успехом правительства и поддерживающего его большинства. *Терещенко».*

Когда через неделю (18/VI) намеченная большевистскою фракцией Съезда манифестация все-таки состоялась, и принятые ею размеры оказались грозно-симптоматичными, склонный к «излишнему оптимизму» министр счел возможным очередной своей информации за границу дать следующую редакцию [2]):

«Вчерашняя манифестация, несмотря на обилие большевистских плакатов, по общему мнению, разделяемому лидерами демократии, считается неудавшейся. Отношение населения было явно неприязненным. Умеренные социалисты в шествиях почти не участвовали. Сегодня известие с фронта возбуждает всюду бодрое настроение. На улицах организуются патриотические манифестации. На Невском качали французских офицеров. Во многих местах толпа арестовала лиц, говоривших против войны. Большое впечатление производит состоявшийся ночью арест анархистов на даче Дурново, освободивших перед этим из тюрьмы нескольких преступников, среди которых находился поручик Хаустов, обвиняемый за пропаганду неподчинения на фронте. Большинство освобожденных арестовано вместе с анархистами. Войска были крайне озлоблены против нарушителей порядка и с трудом сдерживались начальством. Съезд Сов. Раб. Деп. нахо-

[1]) Тел. Терещенко послам в Париже и Вашингтоне от 10/VI 1917 г. № 2702.
[2]) Тел. Терещенко в Париж и Вашингтон от 19/VI 1917 г. № 2815.

дится под впечатлением наступления и победы, при чем отмечается, что наступление начала VII-я армия, от имени которой якобы говорил на Съезде большевик Крыленко, заявляя, что она наступать не будет. В общем, положение благоприятно для проведения твердой политики, хотя можно ожидать некоторых эксцессов в виду агитации, которая ведется большевиками на окраинах. *Терещенко*».

21 июня тот же министр-оптимист писал [1]):

«Успешное наступление производит свое действие в стране. В Съезде Сов. Раб. Деп. и Сов. Крест. Деп. большой подъем. Отрицательное отношение большевиков и кучки меньшевиков-интернационалистов резко осуждается большинством. В некоторых группах — изменение настроения в благоприятном смысле. Так, эсэры вынесли постановление против всяких попыток дезорганизации в настоящий момент. Их лидер Чернов выступил на Съезде с несколькими речами, в которых энергично защищает необходимость наступления и борьбы с анархией. Поддержка Черновым наступления объясняется, между прочим, разочарованием его в возможности для немецких социалистов принять нашу программу; министры-социалисты за свои последние выступления подвергаются резким нападкам большевиков, называющих их социал-империалистами и приравнивающих их к Л. Джорджу и Плеханову. Сами большевики сейчас в трудном положении вследствие наступления и действий анархистов, компрометирующих их связью с уголовными преступниками и шпионами. Не выступая открыто против наступления, большевики стараются внушить недоверие к его целям. Во внутренней политике они заявляют, что сейчас против открытых выступлений. Они признают, что страна идет за эсэрами и меньшевиками, при чем считают, [что] органы последних, Сов. Раб. Деп. и Сов. Крест. Деп., представляют интересы не пролетариата, а мелкой буржуазии. Все надежды возлагают на петроградских рабочих, показавших им будто бы 18 июня свое сочувствие. Надеются достичь цели постепенным разоблачением деятельности правительства. За последние дни в некоторых заводах и частях войск происходила агитация за свержение правительства, при чем организация большевиков в ней не участвовала. Большинство войск в Петрограде относится к такой агитации отрицательно и всецело доверяет Сов. Раб. Деп. Некоторые части озлоблены против анархистов. Несмотря на такие благоприятные признаки, столкновения и эксцессы всегда возможны, так как масса не всегда сдерживается организациями и может быть увлечена темными силами. Правительство готово на все. Вполне сознавая предстоящие трудности, оно черпает силы в растущем патриотическом порыве населения и в сознании достигнутых уже успехов, несмотря на все пессимистические предсказания. *Терещенко*».

В цитированной информации любопытно, во всяком случае, признание автора в том, что оппозиционное движение в массах нарастало даже помимо агитации большевиков.

Дальнейшее развитие событий внутри страны приведет к тому, что бодрость духа и уверенный тон министра подвергнутся быстрому и окончательному полиняию.

Уже его сообщение от 26/VI гласило [2]):

«Общее положение сейчас неопределенное. Наступление наше продолжается, хотя встречает большие трудности в сопротивлении неприятеля, а также в организации на

[1]) Тел. министра ин. дел послам в Париже, Вашингтоне, Токио и посланнику в Стокгольме от 21/VI 1917 г. № 2849.

[2]) Секр. тел. послам в Токио, Вашингтоне, Париже и посланнику в Стокгольме от 26/VI 1917 г. № 2935.

новых началах армии. Главную цель его — стратегическую — удержать на нашем фронте неприятельские войска — и политическую — создать психологический перелом в нашем отношении к войне можно считать достигнутой. Активность наша на фронте в ближайшее время не ослабеет. Сейчас в Петрограде некоторое успокоение. Большевики несколько изменили свою тактику, отмежевываются от анархистов и даже осудили некоторые крайние выступления. вызванные большевистской пропагандой, как, например, избиение на фронте делегатов Сов. Раб. Деп. Однако большинство относится к этому с недоверием и считает, что крайние партии лишь выжидают минуту для выступления. Анархические элементы здесь и в Кронштадте сильно шумят по поводу ареста на даче Дурново, но, повидимому, чувствуют себя изолированными. В полках гарнизона настроение изменчивое. Однако достигнуты некоторые успехи. Маршевые роты отправляются на фронт, в том числе худший полк, пулеметный, отправляет 500 пулеметов. Правительство, кроме общих дел, занято сейчас срочными вопросами — украинским и финляндским. Для выяснения первого выезжает в Киев делегация министров с широкими полномочиями в составе Керенского, Церетелли и меня. Финляндский вопрос обострился вследствие отказа сейма в валютном вопросе дать нам заем. В виду неотложности платежей в Финляндии и тревожного настроения находящихся там войск вследствие отсутствия размена, можно ожидать больших осложнений. Итти на крайние средства, в роде установления принудительного русского курса, правительство не хочет, ибо это вызвало бы конфликт с Финляндией, и, может быть, восстание. Надеюсь уладить дело посредством финансовой комбинации с Америкой. Считаю нужным, чтобы вы были осведомлены в этом вопросе о том, что с нашей стороны делаются все попытки, вплоть до самых больших уступок, чтобы сохранить добрые отношения с Финляндией. Последняя же, к сожалению, проявляет крайнюю несговорчивость во всех делах, как будто провоцирует безвыходное положение. *Терещенко*».

Временное Правительство действительно стояло в это время перед крупными осложнениями в украинском вопросе и ждало, в связи с валютными делами, еще бо́льших осложнений в вопросе финляндском.

Весьма характерно намерение Терещенко «уладить дело посредством финансовой комбинации с Америкой».

Мысль о разрешении национального вопроса путем обращения к американскому капиталу, разумеется, была вполне естественна для министра, который был призван, по выражению Бьюкенена, быть «посредником между буржуазией и демократией». Эта роль посредника и примирителя интересов международного капитала и российской «революционной демократии» налагала отпечаток на всю организационную работу его в пределах вверенного ему ведомства.

При расходовании главной ведомственной энергии на работу по разоблачению циммервальдизма и борьбе с большевизмом ни о какой радикальной чистке затхлого дипломатического аппарата не могло быть и речи. Дипломатический центр продолжал быть носителем славных традиций царской «тайной» дипломатии, аппараты же дипломатических представительств на местах служили прямыми очагами для подымавшей за границею свою голову российской контр-революции. Известно, что в здании русского посольства в Париже резидировал орган заграничной агентуры министерства внутренних дел. Еще в телеграмме от 10 марта за № 205 Извольский, признавая те неудобства, какие, при сложившейся конъюнктуре, могли для нее проистечь от подобного рода сожительства, писал:

«... При нынешних обстоятельствах оставление сказанной агентуры в посольском здании более чем когда-либо нежелательно и компрометирует посольство в глазах французского правительства и общественного мнения. Поэтому, дабы предотвратить могущие возникнуть, вследствие хорошо известного вам характера деятельности агентуры, инциденты, я решил ныне же и не ожидая особых инструкций прекратить доступ в посольство личного ее состава и самое помещение, со всем находящимся в ней делопроизводством, запереть на ключ и опечатать печатями посольства и агентуры впредь до дальнейших ваших распоряжений. По заявлению исполняющего должность начальника агентуры в помещении ее не имеется никаких денежных сумм, ибо таковые хранятся в банке. *Извольский*».

В начале апреля министерством были получены сведения о продолжающемся контакте парижского дипломатического представительства с чинами старой охранки. Телеграммой от 4 апреля за № 1485 Милюков запрашивал Извольского:

«По полученным министерством сведениям, посольством в Париже было выдано бывшему агенту министерства внутренних дел Красильникову 50.000 франков. Благоволите сообщить обстоятельства этого дела. *Милюков*».

Извольский категорически отрицал полученные в министерстве сведения и решительно отклонял мысль о каком-либо касательстве его к денежным делам агентуры. Он отвечал телеграммою от 6 апреля за № 293 следующего содержания:

«Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 1485. Упомянутые в ней сведения—чистейшей вымысел. Посольство никогда никаких денежных выдач Красильникову не производило. Как вам известно из моей телеграммы № 205, в момент наложения печатей на помещение бывшей агентуры управляющий оною заявил, что в сказанном помещении не находилось никаких денежных сумм, ибо таковые хранятся в банке, при чем не указал их размера. Могу лишь присовокупить, что денежные дела агентуры, которая никогда не была мне подчинена, мне совершенно неизвестны, и что я не имел и не имею к оным никакого касательства. *Извольский*».

Известная доля истины в полученных министерством сведениях, безусловно, имелась. Это признавал сам Извольский в своей телеграмме от 16(29) апреля за № 338:

«Ссылаюсь на мою телеграмму № 283 [1]) и на вашу телеграмму № 1485. По наведенным справкам оказалось, что сумма около 50.000 была выдана Красильникову приблизительно месяц тому назад военным агентом графом Игнатьевым согласно особому поручению кредитной канцелярии. *Извольский*».

Командированный в мае месяце за границу для ликвидации заграничной агентуры департамента полиции С. Г. Сватиков, ознакомившись на месте с деятельностью и личным составом русских дипломатических представительств, приходил к определенному выводу о теснейшей связи заграничного дипломатического аппарата Временного Правительства со старым аппаратом охранки и гнездившимися в нем и вокруг него силами черной сотни. В своем специальном докладе [2]) Временному Правительству он предупреждал последнее о непосредственной, грозящей отсюда опасности.

Не приходится задумываться над вопросом о том, какие меры приняло правительство Керенского по указанному докладу, препровожденному в министерство ин. дел только 18 октября.

---

[1]) В оригинале очевидная ошибка: нужно не «283», а «293».

[2]) Печатается ниже.

Дело окончательной ликвидации русской заграничной политической агентуры, а вместе с тем старого аппарата русского дипломатического представительства за границей, а вместе с тем и авгиевых конюшен самого центрального дипломатического ведомства выпало на долю правительства, возглавлявшегося человеком, имя которого столь долгое время служило предметом складывавшихся в недрах министерства ин. дел легендарных сказаний и объектом для провокационной работы дипломатическо-охранических органов русского и международного империализма.

А. Попов.

II.

Доклад Временному Правительству комиссара Временного Правительства С. Г. Сватикова о контр-революционном движении за границей [1]).

Весьма секретно.

Приглашенный 18 марта с. г. министром-председателем, князем Г. Е. Львовым, для организации, на место уничтоженного департамента полиции, главного управления по делам милиции, я был занят в течение 2-х месяцев организационной работой по созданию этого нового учреждения. Однако вопросы обеспечения безопасности вновь установленного государственного строя, пришедшего на смену старого лже-конституционного порядка, занимали меня, по необходимости, с первого же момента вступления в управление вновь созидаемым ведомством. С первых же дней революции вновь установившемуся государственному строю стали угрожать анархические течения слева, и лишь постепенно, мало-по-малу, стали намечаться опасности, грозившие новому порядку вещей со стороны контр-революции.

Несомненно, что главной причиной, создающей реакцию, являются крайности революции, выразившиеся в росте повсеместной анархии, взрыве эгоистических классовых и национальных групповых вожделений, и многие другие обстоятельства. Несомненно также, что династия Романовых может считаться навсегда похороненной. Но ни в коем случае не следует закрывать глаза на рост общеполитической реакции в России, а также на несомненный рост и развитие контр-революционного и даже царистского движения, доходящего в некоторых местах до требований не только восстановить старый порядок, но и династию Романовых.

Командированный 17 мая с. г. за границу с особым поручением Временного Правительства, заключавшимся в том, чтобы расформировать в окончательном виде заграничную политическую агентуру департа-

---

[1]) Копия доклада С. Г. Сватикова хранится в Архиве Внешней Политики за № 1336 по Секретному Архиву министра, в папке, имеющей заголовок: «Особые дела 1917 г. 25—28. № 360» Доклад был прислан Сватиковым в министерство ин. дел при отношении на имя министра от 18/X 1917 г. за № 201.

мента полиции и произвести полное расследование ее деятельности, путем допроса штатных чинов и так называемых «секретных сотрудников» заграничной политической агентуры, я должен был также, по особому поручению г. министра-председателя, выяснить связь между работою старой охраны — с одной стороны, и наших контр-разведочных организаций — с другой стороны, и, далее, установить, как велика была помощь, оказываемая охране со стороны представителей дипломатического ведомства за границей. Благодаря столь широкому объему моей задачи, мне пришлось войти в обсуждение и заняться расследованием вопросов, касающихся развития контр-революционного движения за границею. Ряд сведений об этом движении был получен мною от представителей нашей военной контр-разведки за границей (в частности от графа Павла Игнатьева в Париже и генерала С. А. Голованъ в Берне), от представителей английской и французской контр-разведки, официозным путем из кругов министерства иностранных дел в Париже, от английских дипломатов и, наконец, от представителей русской политической эмиграции в Швеции, Норвегии, Англии, Франции, Италии и Швейцарии. Не все сведения, полученные мною, проверены в достаточной степени, но большинство этих негласных сведений является вполне достоверным.

Резюмируя эти сведения, необходимо сказать, что контр-революционное движение за границей, несомненно, существует и выражается в формах гораздо более крупных, чем этого можно было бы ожидать на первый взгляд. Контр-революционные центры существуют в Стокгольме, Лондоне, Ницце, Риме, Неаполе и особенно в Швейцарии. Контр-революционные организации находятся в настоящее время в периоде своего создания и взаимного сближения. В них принимают участие лица, занимавшие видное положение в среде бюрократии старого режима, а также, несомненно, многие лица, состоящие в настоящее время на службе Временного Правительства, но назначенные при старом режиме.

Первый пункт, в котором скопляются добровольно уехавшие или бежавшие от революции элементы, есть Стокгольм. Здесь эти лица, как и в Швейцарии, вступают в тесное общение с представителями международной шайки аферистов, работающей в Швеции, а через них и с несомненными германскими агентами. На это обстоятельство обратил мое внимание видный английский дипломат, узнавши в разговоре о характере моего поручения. Второй пункт, где происходит формирование контр-революционной организации, есть Лондон. Один из контр-революционных кружков группируется около представителей семьи Романовых, проживающих в этом городе. Этот кружок стоит, несомненно, в тесных сношениях с Россией через одно иностранное посольство как в Лондоне, так и в Петрограде, представляющее собой нейтральную, пограничную с Россией страну. Во всяком случае, я утверждаю, что Романовы и их друзья в Англии регулярно получают письма, минующие всякую цензуру, от многочисленных Романовых

из России. Один из планов реставрации Романовых в России, обсуждавшийся усиленно в лондонском контр-революционном кружке, заключался в возведении на престол великого князя Дмитрия Павловича, которого считали из всех Романовых наиболее пригодным для этой цели потому, что участие его в убийстве Распутина и наложенная на него за это Николаем II кара создали, по мнению лондонского кружка, великому князю Дмитрию Павловичу громадную популярность в среде народа и особенно в среде солдат. По негласным сведениям из означенного кружка, усиленную деятельность, в смысле пропаганды среди солдат и офицеров, проявлял весною и летом князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. В августе месяце, в момент корниловского выступления, в том же лондонском кружке появились надежды даже на реставрацию Николая II.

Очень сильным контр-революционным центром является Париж. Здесь, кроме бывших представителей правящего сословия старой России, принимают участие в контр-революционных кружках видные представители банковского мира и даже некоторые представители дипломатического ведомства. К последним, согласно доклада графа Павла Игнатьева, относятся: 1) секретарь посольства, в звании камергера, действительный статский советник Владимир Михайлович Г о р л о в и 2) состоящий при посольстве коллежский асессор граф Георгий Александрович Л и д е р с-В е й м а р н. Затем из кругов, близких к министерству иностранных дел в Париже и к французской контр-разведке, я получил указания, что французское общественное мнение возмущается оставлением на посту военного агента, после революции, графа Алексея И г н а т ь е в а, который для этого французского мнения является несомненным другом Романовых, контр-революционером и германофилом. По непроверенным данным, граф Алексей Игнатьев, собравший у себя в военной миссии достаточное количество ярых приверженцев старого режима, в настоящее время дает приют целому ряду гвардейских офицеров, изгнанных из России и сумевших получить командировки на разные места за границу. Обладая, по отзыву французов, неограниченными денежными средствами, граф Игнатьев употребляет их, по отзыву тех же французов, на материальную поддержку контр-революционеров. Русские контр-революционные круги в Париже имеют тесную связь с французскими реакционными кругами и, до основания своего органа на русском языке, ведут усиленную пропаганду в пользу Николая II в таких органах, как «Le Gaulois» и нек. др. Хотя граф Павел Игнатьев, заведывающий нашей контр-разведкой во Франции, и сообщил мне некоторые сведения о контр-революционной деятельности посольских кругов во Франции, однако я не могу не обратить внимания Временного Правительства на то, что правою его рукою, если не главным руководителем русской контр-разведки, состоит не кто иной, как таинственно скрывающийся в течение многих лет от французской полиции, руководивший до 1909 г. политическим сыском старого режима за границей, знаменитый Г а р-

т и н г, он же Л а н д е з е н (подлинная фамилия Абрам Гекельман). В своем секретном докладе представителю Временного Правительства при французских армиях генералу Занкевичу, начальник русского отдела союзнического бюро в Париже, полковник граф Павел Игнатьев, пишет о Гекельмане: «А. М. Гартинг, бывший девять лет тому назад начальником заграничной политической полиции. Последние девять лет, сколько мне известно, г. Гартинг жил за границей, занимаясь частными делами и никакого участия в государственной службе не принимал. В конце 1915 года я пригласил работать г. Гартинга по разведке. К весне 1916 г. им была создана прочная организация, которая сейчас еще усилилась, и, несмотря на некоторые аресты, которые ей пришлось выдержать в начале 1917 года, эта организация продолжает давать хорошие результаты исключительно по военной разведке». Принимая во внимание исключительно вредную, чисто провокаторскую и совершенно преступную деятельность Абрама Гекельмана-Гартинга, приговоренного французским судом к тюремному заключению, я считаю в высокой степени неосторожным поручение дела контр-разведки такому лицу, как Гартинг, который, несомненно, не задумается перед тем, чтобы продавать наши военные тайны германцам! У того же Павла Игнатьева служит французский агент русского заграничного политического сыска Б и т а р - М о н е н. Туда же усиленно домогается попасть бывший начальник заграничной политической агентуры в течение последних 7 лет, д. с. с. А. А. К р а с и л ь н и к о в. Такое заполнение совершенно доверительных мест, как контр-разведка, крупными агентами царского сыска за границей, в связи с очень опасным направлением, принятым нашею контр-разведкою в смысле возобновления политического розыска, под предлогом борьбы с анархизмом и пацифизмом, создает невольные опасения, что старая охранка возобновляет свою деятельность под новым именем. На основании сведений, сообщенных мне из эмигрантских кругов, я пришел к убеждению, что в подстрекательстве к неповиновению начальству и Временному Правительству нашей мятежной (первой) бригады в лагере ла-Куртин принимали участие не только анархистские и большевистские круги и их эмиссары, но также и германские агенты и агенты контр-революционных групп, поставившие своей целью, путем доведения до абсурда солдатских требований, вызвать кровавое столкновение русских солдат с войсками, верными Временному Правительству, и особенно с французскими войсками. Президент республики г. Пуанкарэ в разговоре со мною в особенную заслугу ставил генералу Занкевичу то обстоятельство, что он действовал осторожно по отношению к мятежникам, всячески устраняя возможность столкновения между русскими и французскими солдатами, и высказал предположение, что здесь имеется налицо не только русская анархистская, но и германская и русская царистская пропаганда. Как в русских военных лагерях Фельтен, Куртин, так и в тех госпиталях, где находились на излечении русские солдаты с французского и с салоник-

ского фронтов, распространялись рукописные прокламации монархического, а также юдофобского содержания, утверждавшие, что «Советы Собачьих Депутатов», а также самое Временное Правительство состоят из «жидов, проходимцев и тому подобной сволочи». На ряду с прокламациями, содержавшими в себе перечисление членов Совета Солдатских и Рабочих Депутатов с следующими краткими характеристиками: «Чхеидзе—грузин», «Церетелли—грузин», «Мартов—жид», «Плеханов—едва ли не жид» и т. д., при чем большинство членов Комитета с основанием и без основания зачислялись в евреи, распространялись также прокламации, что Керенский — жид, ибо мать его—жидовка, что Керенский домогается царской власти, что революционеры губят Россию, что Николай II невинно страждет за счастье народа и т. д. Нельзя не сказать, что юдофобские списки Совета Рабочих Депутатов имели некоторый успех в среде солдат. Подобные прокламации, распространявшиеся в госпитале Гиер и в Канн (южная Франция), были доставлены мне в Ницце. В этом последнем городе, среди лиц, уехавших сюда до и после революции, существует контр-революционный кружок, стоящий, по слухам, в связи с великой княгиней Анастасией Михайловной, проживающей то здесь, то в Швейцарии. Отношение этой особы к Германии и ее свидания с германцами в Швейцарии заслуживают самого внимательного обследования. Контр-революционный кружок существует также в Риме, при чем на средства этого кружка, помимо статей, помещаемых в некоторых периодических органах, в Италии изданы две брошюры: одна из них на итальянском языке, автор ее Владимир Френкель, название — «Русская Революция». «Разговор». Рим, 1917 г., 62 страницы, цена 1 лира; другая на французском языке под заглавием «Что есть свобода». «Вокруг Николая второго. Не состоявшийся протест». Рим, 1917 г., 45 стр. Одну из них итальянское правительство сочло нужным конфисковать. Российское посольство в Риме, состоящее в значительной степени из реакционеров, тесно связано с реакционными группами в России и за границей, совершенно отрицательно относится к Временному Правительству и к революции, считая их явлениями временными, скоро проходящими и питая надежду на скорое восстановление Романовых и на укрепление реакции. К числу реакционеров относятся военный агент князь Волконский, его помощник полковник Родзянко, состоящий при посольстве коллежский секретарь Бронислав Владиславович Янишевский, неаполитанский генеральный консул д. с. с. Оскар Оскарович фон-Визель. Из этих лиц полковник Родзянко нисколько не стеснялся в самых резких выражениях против русской революции. Янишевский, посылавшийся для временного исправления должности консула в разные города Италии, доносил из Неаполя на эмигранта с.-р. Вигдорчика, что тот состоит в дружбе «с социалистическим депутатом Лабриолой», а в Ренуе занимался сыском по отношению к эмигрантам, проживавшим на итальянской Ривьере, пользуясь услугами итальянской полиции; оба эти факта установлены

мною на основании подлинных дел архивов российского посольства в Риме и генерального консульства в Генуе. Полковник князь Волконский занимался травлею комитета политических эмигрантов, пытавшихся разоблачить дело злоупотреблений в военной миссии, именуя их в своих официальных рапортах, в манере старого режима, «комитетами бывших эмигрантов», создающими «митинговую атмосферу и поднимающими неприличный шум». Неаполитанский консул Визель обвиняется политическими эмигрантами в притеснениях, чинимых политической эмиграции, и в распространении противоправительственной, контр-революционной литературы, брошюры — «Великое царствование великого Николая II». Для характеристики этого лица считаю необходимым сказать, что, вопреки телеграмме посла, предписывавшей ему отдаться в полное распоряжение комиссара Временного Правительства и представить ему секретные дела, касавшиеся Максима Горького и др., Визель к комиссару не явился, дел не представил; не явился он и после письменного приказа о том комиссара; и только на пятый день с явною неохотой исполнил вторичное приказание посла. На службу контр-революционной организации поступил в Риме и весьма энергично работает разоблаченный агент-провокатор, бывший секретный сотрудник заграничной политической агентуры Яков Вакман. Там же в Италии мною было открыто на основании дел посольства, что бывший консул в Генуе, а ныне в Женеве, Горностаев, пытался организовать политический сыск на Ривьере среди политических эмигрантов. Телеграммою своею от 20 июля —2 августа министру-председателю, министру юстиции и министру иностранных дел я сообщил об этом Временному Правительству, высказываясь, что считаю совершенно недопустимым дальнейшее пребывание на службе сего чиновника. Министерство иностранных дело оставило Горностаева на службе и, минуя комиссара Сватикова, запросило посла Гирса, в чем комиссар конкретно обвиняет Горностаева. Горностаев в настоящее время продолжает состоять на службе.

Наиболее мрачную картину в смысле развития контр-революционного движения представляет собою Швейцария. По отзыву кругов, близких французскому министерству иностранных дел, в высокой степени подозрительной, в смысле сношений с германцами, представлялась деятельность покойного посланника Бахерахта, и в высокой степени подозрительной, в том же отношении, является деятельность вдовы покойного Бахерахта, относительно которой упоминал в докладе лично мне русский военный агент в Швейцарии генерал Головань. Согласно общему мнению кругов французского министерства иностранных дел, русского военного агента генерала Головань и русских политических эмигрантов в Швейцарии, совершенно нетерпимым представляется дальнейшее пребывание в Швейцарии Бибикова, который был в момент революции уполномоченным в делах в Швейцарии, был уволен телеграммою Милюкова, с приказанием выехать немедленно в Россию, но под формальным предлогом от явки

в Россию уклонился, продолжает жить в Берне, посещать миссию, оказывая громадное влияние на весь личный состав ее, еще столь недавно состоявший под его начальством, проникая в тайны дипломатической переписки. Означенный Бибиков, согласно официозному и совершенно доверительному заявлению французского министерства иностранных дел, переданному мне через посредство бывшего депутата Шарля Дюма, является человеком в высокой степени подозрительным по германскому шпионажу, вследствие сношений его с германцами и австрийцами. По отзыву русских эмигрантов и французского министерства иностранных дел, Бибиков является одним из главных организаторов контр-революционного движения. Относительно покойного Бахерахта бывший начальник заграничной политической агентуры признался мне (доклад Красильникова от 18—31 августа 1917 г. за № 11), что в нужных случаях он сносился с Бахерахтом, который имел свои собственные источники политического сыска за русскими революционерами в Швейцарии, докладывал эти сведения в Петроград, одновременно сообщая эти сведения Красильникову на случай возможных по сему запросов. Относительно Бибикова видный член русской колонии в Берне сообщает: «Революционный угар скоро рассеялся, началось отрезвление. Стали появляться слухи о нарастающем контр-революционном движении среди русских в Швейцарии. В начале неясные, они начали принимать все более и более определенную форму. Среди циркулирующих имен участников контр-революционного движения нередко назывались имена большинства чинов бернской миссии и женевского консульства. Считаю своим нравственным долгом отметить, что во всех этих слухах ни разу не упоминались имена поверенного в делах А. М. О н у, бывшего генерального консула во Франкфурте Д а м ь е и агента министерства торговли и промышленности в Швейцарии В. М. Ф е л ь к н е р а. Центром, вокруг которого объединяется контр-революционное движение, все слухи упорно называют бывшего поверенного в делах М. М. Бибикова и женевского консула Л. Н. Горностаева»... «Хотя я и не имею документальных данных об участии тех или иных лиц в контр-революционном движении, как законченной организации, но глубоко уверен, что контр-революция существует, что начинает поднимать свою голову и безусловно поддерживается представителями старого режима, оставшимися на своих местах в бернской миссии и женевском консульстве».

Согласно данным министерства иностранных дел в Париже, Бибиков и некий Б у б н о в, состоящий в российской миссии в Берне, поддерживают связи с княгиней Голицыной, которая была в начале войны в Мюнхене и состоит любовницей германского военного агента в Берне. Посему Шарль Дюма, от имени французского министерства иностранных дел, официозно заявил мне пожелание, чтобы гг. Бибиков и Бубнов были немедленно вызваны в Россию. Согласно донесениям секретного агента генерала Головань, «Бибиков находится

в сношениях с Германией. Ему помогает г-жа Бахерахт, которая была морганатическою супругою великого герцога гессенского. В его руках сосредоточено много денег, и он работает над восстановлением монархии в России»... «Среди помощников Бибикова, — по словам того же агента, — находится князь Воронецкий, живущий в местечке Les Avants sur Montreux и являющийся братом жены г. Юркевича, очень богатого человека, который его поддерживает. Воронецкий был атташе русского посольства в Париже и последнее время в Лондоне. Крайний монархист и крайний черносотенец, он помогает Бибикову. Часто появляется во французских кругах Монтре. Другим помощником Бибикова является Кюлеман, женатый на племяннице Шуберта, германского уполномоченного в делах в Берне. Через посредство m-me Бахерахт они работают над восстановлением монархии в России. Воронецкий сказал одному из своих друзей, что Бибиков и Сватковский в восторге от перевоза царя в Тобольск, потому что бегство оттуда будет гораздо легче, чем из Царского Села. В этом направлении уже предприняты серьезные шаги. Для сношений пользуются датским курьером, равно как и курьером одной из южноамериканских республик (Чили или Уругвая). На этих днях (конец августа) Бибиков имел свидание с Шубертом довольно долгое время, позади большого бернского госпиталя, около 8 часов вечера... Сватковский и Бибиков продолжают иметь прямые сношения с Дармштадтом. Сватковский получил на этих днях 88.000 франков через посредство некоего Кольбера, приехавшего из Базеля и отправившегося обратно в Германию с двумя большими запечатанными пакетами. Третий конверт был отдан Кольбером в германском посольстве в Берне. Большевистские листки проходят через Германию в германской вализе, без посредничества нейтральных»...

По сведениям того же агента, за границей создано общество, работающее втайне, под названием «Святая Русь». Цель его — реставрация Романовых и даже, если будет возможным, Николая II. По негласным сведениям, полученным мною в Берне, к тайному контр-революционному сообщничеству в Берне принадлежат служащие в миссии г. Лавров, русский консул в Давоссе — Голике, заведывающий русским отделом бюро помощи военнопленным А. Березников, женевский протоиерей отец Сергей Орлов, княгиня А. А. Голицына, княгиня Л. В. Голицына и др. По тем же сведениям, тайное контр-революционное сообщничество, с присутствием членов из других стран, имело уже два съезда в Уши (Лозанна), при чем на этих съездах обсуждались вопросы относительно устройства побега Николая II, создания в Швейцарии контр-революционного журнала и различные организационные вопросы, в частности вопрос о сношениях по телеграфу между Швейцарией, Россией, Францией и Англией. При этом должен высказать основательное подозрение, возникшее у меня, что контр-революционеры за границею, пользуясь официальными бланками для телеграфа и старыми, вышедшими из

употребления, а может быть, и новыми русскими правительственными шифрами, сносятся по телеграфу между собою в пределах Западной Европы, а также со своими единомышленниками в России. Что касается основательности высказанных моим осведомителем подозрений, то, по сообщению Шарля Дюма, официозно, от имени французского правительства, по сведениям французской контр-разведки, вдова покойного князя Голицына, крайняя реакционерка и чрезвычайно богатая женщина, оказывает большую денежную помощь контр-революционным группам, другая же княгиня Голицына, жившая в начале войны в Германии, является и прямою пособницею германцев и контр-революции. Бывший ставропольский губернатор А. Березников, крайний реакционер, занимался все время до революции доносами в русскую миссию на русских революционеров в Швейцарии, что доказывается изъятыми мною из архива российской миссии в Берне подлинными его письмами. Такими же доносами на эмигрантов и юдофобскими выпадками в официальных бумагах занимался также русский консул в Давоссе Голике, коего подлинные донесения (в количестве 4-х) изъяты мною из архива бернской миссии.

Что касается протоиерея Орлова в Женеве, то тамошний консул Горностаев донес миссии, что Орлов и после отречения Николая II продолжал поминать бывшего императора, и только гласный протест, заявленный в церкви прихожанами, вынудил отца Орлова отказаться от поминовения царствующего дома. Во всяком случае, все, с кем я беседовал в Швейцарии, единогласно считают священника Орлова одним из самых крайних и активных контр-революционеров. Что касается консула в Женеве Горностаева, то он и в Швейцарии продолжал заниматься сыском, как делал это в Италии, при чем имел своих собственных шпионов среди эмигрантов. Он состоял в сношениях с агентами Красильникова в Женеве. При осмотре секретных дел женевского консульства я обнаружил и изъял целый ряд бумаг, доказывающих шпионскую деятельность Горностаева на службе старого режима. Должен добавить, что Горностаев продолжал свою деятельность и после революции, при чем вошел в сношение с военным агентом в Швейцарии генералом Головань, работая теперь в области сыска, под предлогом борьбы с анархизмом и пацифизмом и создавая новую агентуру. Пребывание этого лица на службе является явным издевательством над русской революцией. Что касается военного агента генерала Г о л о в а н ь, то и на него местные слухи указывают как на участника контр-революционного сообщества. Не ручаясь за достоверность этих сведений, я имею достаточные данные, чтобы утверждать, что Головань, а равно и прикомандированный к нему О з н о б и ш и н, являются крайними реакционерами. Головань входил в сношения при посредстве Бибикова с агентами Красильникова в Швейцарии, например, с С а н в е л о в ы м, а письма Ознобишина к Красильникову доставлены мне комиссией Раппа в Париже. Письма эти характеризуют крайнюю интимность этих лиц. На опыте я убедился,

что не существует тайны, несмотря на шифрованные телеграммы. Так, например, во время пребывания моего в Берне, один из чинов посольства позволил себе обратиться ко мне с вопросом, касавшимся содержания весьма секретной телеграммы, отправленной мною через посредство миссии. На мое настойчивое требование объяснить, откуда он знает о содержании моей телеграммы, означенное лицо ответило мне, что узнало о ней от шифровавшего телеграмму секретаря миссии барона Мейндорфа. Затем, когда, возвратившись в Париж, я послал генерал-квартирмейстеру, через посредство посольства, запрос о предшествовавшей службе генерала Головань, в виду слухов о причастности его к контр-революционным кругам, то уже через 3 дня я увидел у себя в Париже генерала Головань с докладом и секретным досье по тому самому делу, которое могло подать повод к подозрениям против генерала Головань, между тем как я лично генерала Головань ни о чем по этому делу не запрашивал и объясняю его приезд тем, что он был предупрежден кем-то из парижского посольства о посланной мною телеграмме. Крайне неприятное впечатление произвела на меня попытка уполномоченного в делах в Швейцарии А. М. Ону, уже после отъезда моего в Париж, под формальным предлогом, к тому же совершенно неосновательным, воспрепятствовать деятельности лиц, уполномоченных мною, в виду кратковременности пребывания моего в Швейцарии, на производство дознания, вместо меня, по вопросам о германском шпионаже среди эмигрантов, о русских провокаторах в Швейцарии и о вспомогательной работе консулов в деле политического сыска. Если даже этот высоко-корректный и очень нерешительный чиновник осмелился сделать попытку саботировать дело революционного правосудия, то можно себе представить ясно, каково было отношение твердых черносотенцев к делу дознания о шпионаже в пользу старого режима. Яркий пример, какую защиту находили явные провокаторы и даже подозрительные по германскому шпионажу лица в крупных черносотенцах, оставшихся на видных постах, можно видеть в деле провокатора Штакельберга. Этот провокатор под кличкою «Пьер», состоявший на службе у Красильникова, был офицером русской армии, работал в бюро военной миссии у графа Алексея Игнатьева в Париже, неоднократно командировался на французский и английский фронты, при чем на все заявления офицеров графу Игнатьеву о подозрительности барона Штакельберга граф Игнатьев самым энергичным образом защищал Штакельберга, допуская его к самым секретным делам. Когда 7 августа н. с. получилось в Париже «Русское Слово», в коем Штакельберг был опубликован как провокатор, то полковник Колонтаев, не имея возможности лично предупредить графа Игнатьева, сообщил сведения, прочитанные им в газете, английскому военному агенту, который немедленно озаботился отозванием Штакельберга с фронта, справедливо рассуждая, что агент-провокатор старого режима свободно мог быть германским шпионом. Граф Игнатьев, вместо благодарности полковнику Колонтаеву, «по-

ставил ему на вид, что он не имел права обращаться к представителю иностранной державы помимо русского военного агента», и затем, в тоне явной защиты Штакельберга, предложил Колонтаеву немедленно представить ему, Игнатьеву, в письменной форме факты, на основании коих Колонтаевым возводятся «подобные обвинения» на поручика Штакельберга. Очевидно, граф Игнатьев, повидимому, знавший о том, что Штакельберг—провокатор и служит у Красильникова, усиленно хотел сохранить этого господина у себя в миссии даже и после того как стало известно, что Штакельберг—провокатор. При объяснениях с Игнатьевым Колонтаев спросил его, почему не было произведено дознание о подозрительном поведении Штакельберга, несмотря на неоднократные его заявления. На это полковник Игнатьев заявил повышенным тоном полковнику Колонтаеву, что тот не имел права высказывать подозрений и что он «не хочет и не допустит подобных обвинений Штакельберга, что провокаторство его не доказано официально и что, во всяком случае, провокаторство не есть доказательство шпионства, если бы таковое и было бы доказано официально». Я вполне согласен с полковником Колонтаевым, который 25 (13) августа за № 390 донес военному комиссару Е. И. Раппу следующее: «Я считаю по долгу присяги, данной мною Временному Правительству, невозможным и абсурдным поручать какие бы то ни было секретные дела заведомо преданным прежнему режиму лицам и оставлять их у власти для проведения в жизнь мероприятий революционного правительства». Если я не ошибаюсь, провокатор Штакельберг продолжает до сих пор находиться в Париже под дружескою защитою графа Алексея Игнатьева.

Не менее характерным для настроений наших посольских сфер я считаю дело о выдаче паспорта г-же Савинковой (Сомовой), жене бывшего управляющего военным министерством. В то время как жена последнего коллежского регистратора, посланного за границу департаментом полиции или иным ведомством при старом режиме, как жена человека, находящегося на государственной службе, может в любое время получить паспорт для свободного возвращения в Россию, жена управляющего военным министерством не могла получить паспорта только потому, что она — политическая эмигрантка, без предварительной посылки опросного листа в Петроград и предварительной проверки в контр-разведке, не принадлежит ли она к германскому шпионажу. Подобное отношение к представителям Временного Правительства я считаю крайней черносотенной наглостью и совершенно пустыми те формальные оговорки, что ограничение это применяется вследствие общих требований из Петрограда. Вторым примером является тот список международных шпионов, который был обнаружен мною у женевского консула Горностаева, в пачке секретных дел, при чем на букву А чуть ли не первым стояло имя бывшего в тот момент министром внутренних дел Авксентьева («Николая Дмитриевича, родившегося в Пензе в 1878 г.»). В этом же списке были имена и других видных

революционеров, оставшихся там, несмотря на произошедшую этим временем в России революцию. Я тот же час телеграфировал генерал-квартирмейстеру и министру внутренних дел о необходимости немедленно пересмотреть русский отдел международных контрольных списков, составленный такими господами, как Бибиков, Красильников и другие. О результатах мне ничего не известно. Третий пример крайне враждебного отношения со стороны посольства в Лондоне заключается в следующем: проживавший в Англии агент-провокатор Николай Селиванов делал доносы, обвиняя в германском шпионаже эмигранта Литвинова. Приехавши в Англию, я вскрыл преступную деятельность Селиванова и при этом открыл крайне подозрительную, в смысле германского шпионажа, деятельность самого Селиванова, о чем довел официально до сведения английской контрразведки; при этом оказалось, что Николай Селиванов отлично знает крепостное дело, настолько, что мог на память набрасывать план главнейших укреплений целого ряда крепостей. По просьбе Литвинова, который жаловался, что он нигде не может найти работы, потому что посольство, опирающееся на информацию Селиванова, дает о нем дурные отзывы, я произвел обследование его деятельности и выяснил, что Селиванов старался набросить тень на Литвинова с целью отвлечь таким образом внимание от своей подозрительной деятельности. Посему я выдал Литвинову соответственное удостоверение для посольства. Возвращаясь обратно в Россию, я получил жалобу Литвинова, что К. Д. Набоков не только не оказал ему никакого содействия, но и пытался отвергать какое бы то ни было значение выданного Литвинову удостоверения, придавая таким образом больше веры доносам разоблаченного провокатора, нежели удостоверению специально уполномоченного комиссара Временного Правительства.

Целый ряд лиц, русских и иностранцев, частным образом и официозно, указывал мне на недопустимость того положения, которое существует в смысле представительства России за границею — в дипломатическом, военном, финансовом и благотворительном отношениях. Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленною поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как «жиды, шайка жидов, завладевшая Россией, Советы Собачьих Депутатов» и т. п. выражения являются высоко-характерными для представителей России за границею. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное Правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой Россией. Представители России даже в области благотворительной продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжкой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покро-

вительством г-жи Извольской. Характерною чертою для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся, после короткого перерыва, преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова: так, например, группа эмигрантов-оборонцев, выпущенная после долгой переписки, по официальной просьбе Временного Правительства, обращенной к английскому, из Швейцарии, уполномоченному в делах Ону, с трудом проехала через Париж и была окончательно остановлена в Лондоне К. Д. Набоковым. Таким образом, в то время, когда ехавшим в Россию большевикам и даже проехавшим через Германию лицам оказано было полное содействие, представители оборонцев задерживаются и подвергаются притеснениям. На ряду с этим продолжается низкопоклонство по отношению к представителям Романовской семьи. Так, например, в церкви лондонского посольства для проживающих в Лондоне Романовых пред алтарем продолжали расстилать великолепный ковер и ставить золоченые кресла еще в июне месяце, что я сам видел, посетивши церковь. Не менее характерным является несомненный саботаж правосудия, коему, согласно указания эмигрантского комитета в Риме, содействовало римское посольство, не желавшее разоблачения злоупотреблений в русской военной миссии в Риме. Равным образом, цюрихский комитет эмигрантов принес мне жалобу — и по расследованию она оказалась справедливой — на то, что поверенный в делах в Швейцарии Ону не пожелал переслать мне телеграмму цюрихского комитета по делу возвращения эмигрантов в Россию. Тот же самый Ону не пожелал засвидетельствовать мою подпись, отлично ему известную, на уполномочии, выданном мною эмигранту Декабреву на предмет производства в Швейцарии допросов русских провокаторов.

Таким образом, оставление неприкосновенными всех черносотенцев за границею ведет не только к ущербу для революции, но и вообще для России как государства. В делах о многомиллионных заказах на государственную оборону процветают хищения, следствие о которых тормозится изо всех сил. Имя революции и имя России дискредитируется официальными представителями Временного Правительства за границею из старых черносотенцев. Новых назначений почти совершенно нет. Русская заграница совершенно забыта и Временным Правительством и русским общественным мнением. Контр-революционные организации, подготовляющие реставрацию монархии и Романовых, замышляющие убийство правительственных лиц обновленной России, ведущие усиленную пропаганду против демократии и революции, крепнут и процветают за границею. Великою ошибкою является поэтому решение Временного Правительства отправлять за границу явных черносотенцев и сторонников царизма, ибо это укрепит и обогатит роялистическую эмиграцию. Юридически возмутительный акт Гельсингфорсского Совета С. и Р. Д. был продиктован правильным политическим пониманием вредности высылки за границу активных пред-

ставителей черной сотни. Я считаю своим долгом просить Временное Правительство и представителей демократии в нем обратить самое серьезное внимание на русское контр-революционное движение за границею и на необходимость укрепления позиции демократии в русском заграничном представительстве. Практические меры к борьбе с контр-революцией и к изменению русского представительства за границею излагаются мною в особой секретной докладной записке [1]).

---

[1]) При документе означенной записки не сохранилось.

Конференция союзников в Петрограде в 1917 году.

Положение России ко времени созыва названной конференции всего ярче может быть изображено на точном языке цифр.

За первые $2^1/_2$ года мировой войны из населения России было извлечено 14.375.000 военнообязанных, что составляло 47,4% всех трудоспособных мужчин [1]).

В декабре 1916 года в армии состояло 7.450.000 человек, в том числе: 5.500.000—в строевых частях и 1.950.000—в тыловых учреждениях и организациях. Кроме того, в запасных войсках внутренних округов числилось 1.500.000 человек [2]).

По сведениям главного штаба, потери русской армии к 1 февраля 1917 года выражались в следующих цифрах: убитых, раненых, контуженных и отравленных газами—47.005 офицеров и 3.151.588 нижних чинов; пленных и без вести пропавших—16.609 офицеров и 2.823.753 нижних чинов; всего 63.074 офицера и 5.975.341 нижних чинов [3]).

Экономическое положение России было крайне тяжелое.

В деревнях уменьшение рабочей силы имело последствием значительный и притом все возраставший недосев, который на третий год войны составлял уже около $^1/_3$ посевной площади.

В промышленности к концу 1916 года 73,3% рабочих работали исключительно на оборону и только 26,7% были заняты в других отраслях [4]).

В результате цены на предметы первой необходимости настолько возросли, что удовлетворение даже самых скромных потребностей стало доступно лишь состоятельным людям.

Общее обеднение России за время мировой войны видно из того, что «народное потребление сократилось в первый год на 25%, во второй — на 43% и в третий — на 52%» [5]).

На ряду с указанными материальными невзгодами, порожденными затянувшейся войной, в сознание крестьян и рабочих все более проникала мысль о ненужности ее для трудового народа. К этому в солдатской среде присоединялось глубокое недоверие к высшему командному составу, который в предшествовавших военных действиях выказал свою полную неспособность вести армию к победе.

---

[1]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». Москва. 1925. Таблица 6. Издание Центрального Статистического Управления.

[2]) Военно-Ученый Архив, дело № 703. «Справка управления дежурного генерала, от 21 декабря 1916 года».

[3]) Военно-Ученый Архив, дело № 1073, л. 83.

[4]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». Москва. 1925. Таблица 60.

[5]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.». Москва. 1925.

В результате, к 1917 году, страна и армия, утомленная войной, были охвачены стихийной жаждой мира во что бы то ни стало.

При таком настроении народных и солдатских масс продолжение войны становилось фактически невозможным, и царскому правительству оставалось лишь заключить сепаратный мир, к чему стремились также и центральные державы.

О возможных условиях этого мира, в рассматриваемый исторический момент, германский генерал-адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях говорит [1]):

«Мы должны были дружески разрешить сербский вопрос, признав десять принятых царем в 1914 г. пунктов ультиматума и передав остальные два пункта на решение третейского суда так, чтобы в общем получился русский успех без австрийской неудачи. Мы могли для стратегического обеспечения Восточной Пруссии потребовать линию Нарева и за это предложить русским соответствующий кусок Восточной Галиции, за что австрийцы, в случае надобности, могли себя вознаградить в Ново-Базарском санджаке и в Албании. При нашем посредстве русские военные суда получили бы право прохода через Дарданеллы, а если бы Россия согласилась заключить с нами союз, то, сверх того, она могла получить остров в Эгейском море. От Багдадской дороги мы бы отказались, или же приняли бы русских в долю. Мы предоставили бы им Персию и приняли бы на себя уплату русских долгов Франции. Условия могли быть еще более благоприятными, если бы, при посредстве России, нам удалось заключить мир с Японией.

Относительно Константинополя русские должны были понять, что мы не могли совсем оставить турок, но мы должны были обещать постепенно изменить свою турецкую политику. О личных потребностях (Aufwendungen) великих князей и т. д. можно было позаботиться. Австрию можно было склонить к такому миру, а затем и Италия была бы вынуждена на соглашение».

Из приведенных слов Тирпица видно, что Германия была готова предложить побежденной ею России такие условия мира, какие последняя едва ли получила бы даже при полном успехе Антанты.

В пользу сепаратного мира на Николая II влияли некоторые представители правых, особенно Штюрмер, Маклаков и Протопопов, которые, в случае продолжения войны, предвидели неизбежность уступок Государственной Думе в виде реформ, ограничивающих самодержавие. К заключению мира склонялась и императрица Александра Федоровна, что, конечно, объяснялось отнюдь не заботами о благе народа, а династическими соображениями [2]).

На продолжении войны «до победного конца» настаивала могущественная торгово-промышленная буржуазия, которая была тесно связана с англо-французским капиталом, опасалась в будущем германской конкуренции и непомерно обогащалась от военных подрядов и поставок [3]).

Представителем этой буржуазии являлся прогрессивный блок Государственной Думы, который, кроме того, учитывал факт, что, в случае заключения царским правительством выгодного мира с Германией, пришлось бы надолго оставить надежду на образо-

---

[1]) «Erinnerungen von Alfred Tirpitz». Leipzig. 1920, S. 270.

[2]) Архив Окт. Революции. Фонд Чрезвычайной Следственной Комиссии. Следственная часть, д. № 10, т. 5, стр. 186 (182). Показание жандармского полковника Пиранга.

[3]) По этому вопросу документальные данные помещены в труде Маниковского: «Боевое снабжение русской армии в 1914—18 гг.».

вание ответственного министерства. Против заключения мира были также газетчики, зависевшие от названной буржуазии и наживавшие в военное время большие деньги.

Наконец, продолжали брящать оружием высшие военные начальники со своими штабами, для коих война представляла выгодное и безопасное предприятие.

В конце 1916 года германское правительство обратилось к державам Антанты с общим призывом начать мирные переговоры. На это Николай II ответил приказом по армии и флоту от 12 декабря, в котором объявил, что время для заключения мира еще не наступило, так как: «достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено».

Этот приказ, представлявший важный политический документ, был составлен и поднесен к подписи царю, без ведома председателя Совета Министров и министра иностранных дел, генералом Гурко, исполнявшим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего, за отсутствием заболевшего Алексеева.

Гурко весьма гордился своим поступком, так как принадлежал к числу сторонников того мнения, что долг чести побуждает Россию не покидать своих союзников, а участвовать в войне до конца.

По этому поводу уместно привести следующие слова Бисмарка [1]): «В борьбе за существование между великими державами, выполняемость всех договоров условная. Ни одну великую нацию нельзя побудить принести свое существование в жертву на алтарь союзнической верности».

Переходя от описанного состояния России к положению дел на французском фронте, мы видим, что оно было в это время весьма благоприятное: союзники имели 2.251 батальон против 1.333 немецких батальонов: орудий у них было 17.213 (из коих 9.642 тяжелых), а у немцев всего 9.900 орудий, в том числе тяжелых 5.510); число аэропланов у союзников равнялось 1.877, у немцев же—760 [2]).

Такова была общая обстановка, создавшаяся к 1 февраля 1917 года, когда собралось в Петрограде очередное совещание представителей союзных главнокомандующих.

В этом совещании приняли участие: со стороны России — вышеупомянутый генерал Гурко и начальник морского генерального штаба адмирал Русин; от Франции — генерал де Кастельно; от Англии — генерал Вильсон; от Италии — генерал граф Руджиери-Ладерки.

На обсуждение было поставлено 8 общих вопросов, касающихся ведения войны. По существу, совещание пришло к заключению, что операции 1917 года должны иметь решающий характер, а потому наступательные действия как на западном, так и на восточном фронтах будут вестись с максимумом средств.

Несомненно, военные представители союзников хорошо понимали, что тогдашняя русская армия была неспособна к переходу в общее решительное наступление, которое неизбежно должно было привести ее к катастрофе; но союзники уже привыкли смотреть на русские войска как на пушечное мясо, услужливо нагромождаемое, по мере надобности, для отвлечения внимания немцев от западного фронта.

Однако на сей раз расчеты Антанты не оправдались. Русские рабочие и крестьяне не пожелали более проливать свою кровь за чуждые им империалистические интересы, а предпочли обратить оружие против собственной буржуазии. *Е. Мартынов.*

[1]) Bismark. «Gedanken und Erinnerungen», Stuttgart, 1898, B. II, S. 249.

[2]) Зайончковский. «Кампания 1917 года», 1923, стр. 32.

Заседание военного совещания 1 февраля 1917 г. [1]).

I.

Присутствующие: генерал Гурко, генерал де Кастельно, генерал Вильсон, генерал граф Руджиери-Ладерки, адмирал Русин, начальник морского генерального штаба.

РАССМОТРЕНИЕ ОБЩИХ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

1 вопрос.

Должны ли операции 1917 года иметь решающий характер? Или же, наоборот, следует отказаться от достижения решительных результатов в течение 1917 года?

Генерал Гурко заявляет, что в принципе вопрос не допускает двух решений, но что решение, которое должно быть принято, зависит от средств, которыми союзники будут располагать. Если в их распоряжении в нужное время будут необходимые средства, то операции 1917 года должны иметь решающий характер.

Генерал де Кастельно указывает, что прежде всего необходимо выяснить, что́ подразумевается под словами решающий характер: подразумевается ли под этим, что война должна быть окончена в течение 1917 года, или же лишь, что она должна принять такой оборот, при котором победа союзников будет вне всякого сомнения. По его мнению, под словами решающий характер должно подразумеваться последнее толкование.

Мнение это разделяется всеми другими делегатами.

Генерал Гурко предлагает поэтому формулировать заключение по первому вопросу нижеследующим образом:

Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств.

Генерал де Кастельно просит добавить к этому заключению нижеследующие слова:

«с целью создать такое положение, при котором в положительном успехе союзников не могло бы быть никакого сомнения».

Согласно с сим делегатами принимается нижеследующее решение:

Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения.

---

[1]) Заголовок оригинала (Военно-Ист. Арх. Дело штаба верх. главнокомандующего, № 73. Петроградская конференция).

2 вопрос.

Если решение придать операциям 1917 года решающий характер будет установлено, то явится ли возможность предпринимать совместное наступление союзников достаточно своевременно, дабы воспрепятствовать неприятелю взять в свои руки инициативу действий?

Генерал Гурко. Надо думать, что неприятель приложит все старания, чтобы вырвать в 1917 году инициативу из рук союзников; предстоит, следовательно, решить следующий вопрос: должны ли мы торопиться с нашими приготовлениями и начать операции, хотя бы не закончив их, дабы быть уверенными в сохранении за собою этой инициативы; или же, наоборот, мы должны прежде всего закончить свои приготовления, хотя бы с риском дать неприятелю возможность нас опередить.

Генерал де Кастельно замечает, что этот вопрос должен рассматриваться отдельно для каждого фронта. На западном фронте французские армии будут готовы для наступления начиная с 15 февраля, согласно решениям, принятым на конференции в Шантильи. К этому времени Франция еще не соберет максимум своих средств, однако и тогда она будет находиться в гораздо более выгодном положении, чем она была в начале наступления на Сомме, так как в то время часть ее сил и средств была прикована под Верденом.

Поэтому, при малейшей серьезной попытке к наступлению со стороны неприятеля на западном фронте французские армии будут в состоянии опередить действия неприятеля.

Генерал Вильсон заявляет, что в таком же положении находится на западном фронте и британская армия.

Генерал граф Руджиери-Ладерки заявляет, что если неприятель не начнет наступления на итальянском фронте ранее 15 февраля, то итальянские армии будут также в состоянии начать операции с этого срока; тем не менее их наступательные действия не будут в состоянии достичь своего полного развития ранее 15 апреля нового стиля.

Генерал Гурко разъясняет, что, с одной стороны, русская армия находится в состоянии реорганизации, в целях дать дивизиям новое устройство, а с другой, что никакие серьезные операции не могут иметь места в России ранее весны. Как раз к этому времени должна окончиться выполняемая ныне реорганизация.

Весна, таким образом, является сроком, начиная с коего русские армии будут в состоянии предпринять большие наступления.

Генерал де Кастельно замечает, что было и должно остаться в силе принятое решение, что если один из союзников будет атакован, то другие союзники должны возможно скорее выступить с максимумом своих средств.

Генерал граф Руджиери-Ладерки. Не надо упускать из виду, что чем больше проходит времени, тем более мы можем улуч-

шать свои вооружения, но что и неприятель воспользуется этим временем для своего усиления; поэтому мы не имеем никакой выгоды откладывать срок наступления.

Генерал де Кастельно замечает, что для придания операциям 1917 года решающего характера необходимо начать их насколько возможно раньше, дабы иметь достаточно времени, чтобы достичь намеченной выше цели.

Принятое решение: делегаты единогласно приходят к заключению о необходимости ответить положительно на 2-й вопрос.

3 вопрос.

Если, наоборот, попытка новых инициатив со стороны неприятеля возможна, то не представляется ли необходимым наметить второстепенные, но достаточно важные операции, в целях удержания в руках союзников инициативы операций до момента возможности общего наступления?

Этот вопрос отпадает вследствие решения, принятого в ответ на 2-й вопрос.

4 вопрос.

Должно ли служить целью общего наступления союзников нанесение противнику решительного удара путем удара по его центрам сопротивления или же, наоборот, предпочтительнее атаковать его там, где он может оказать меньшее сопротивление?

Генерал Гурко. Центральные империи, напрягая все свои усилия на главных театрах военных действий, одновременно пытались наносить удары там, где союзники могли противопоставить им лишь малые силы (Бельгия, Сербия, Румыния). Должны ли мы следовать их примеру?

В действительности, вопрос касается лишь операций против Болгарии, предвиденных на конференции в Шантильи.

Не повлияли ли события, возникшие после этой конференции, на взгляды главнокомандующих?

Генерал де Кастельно замечает, что решения, принятые в Шантильи 15 ноября, соответствовали тогдашнему положению на румынском фронте. В Шантильи подымался вопрос об операциях против Болгарии не весною 1917 года, а в гораздо более близкий период с целью оказания помощи Румынии.

Ныне условия изменились. Ныне действия на русско-румынском фронте должны рассматриваться лишь как составная часть общих операций на главных фронтах.

Генерал Гурко. Во всяком случае, действия против Болгарии могут быть предприняты с надеждою на достаточный успех лишь при условии, если они будут ведены одновременно с севера и с юга, но нельзя упускать из вида, что салоникская армия, может быть, не в состоянии вести подобную кампанию.

Поэтому нельзя придерживаться решений, принятых конференцией в Шантильи по вопросу, касающемуся операций против Болгарии.

Генерал де Кастельно напоминает, что, согласно решению, принятому в Шантильи, союзники должны атаковать все вместе и возможно ранее.

Генерал Гурко предлагает установить, что решения, принятые конференцией в Шантильи, касающиеся операций на Балканах, потеряли свое значение вследствие последовавшего коренного изменения в стратегическом положении на этом театре.

Генерал граф Руджиери-Ладерки спрашивает, что́ надлежит понимать под словами «центры сопротивления» и следует ли под этим подразумевать самые основные базисы неприятельского сопротивления, для захвата которых надлежит сосредоточить максимум сил и средств. В этом случае мы поступили бы обратно тому, что́ предпринимал наш противник во многих случаях. Или, может быть, вопрос касается просто выбора на каждом фронте определенного сектора, где неприятельское сопротивление наиболее сильно, в целях атаковать такие секторы.

Генерал Гурко констатирует, что действительно неприятель до сего времени всегда старался наносить удары в тех пунктах, где союзники были наиболее слабыми. Союзники со своей стороны могли бы действовать подобным же образом, но этим лишь задержат развитие решительных операций.

Генерал граф Руджиери-Ладерки просит более точно определить, сохраняют ли отдельные союзники-главнокомандующие свободу выбора зон наступления на своих фронтах.

Генерал де Кастельно. Вопрос не подлежит сомнению: главнокомандующие должны сохранить за собою всю свободу действий; каждый из союзников недостаточно знаком с особенностями всех фронтов, чтобы иметь возможность правильно судить о выборе соответствующих зон наступления.

С общего согласия, под словами «центр неприятельского сопротивления» признано понятие: «главные фронты»; делегаты единогласно постановляют необходимость атаковать неприятеля на этих главных фронтах.

5 вопрос.

Какова важность балканского театра при современном положении вещей? Надлежит ли преследовать план изоляции Турции совместным действием русско-румынской и салоникской армий против Болгарии?

Должны ли решения конференции в Шантильи по этому вопросу быть оставлены в силе или должны быть соответственно изменены?

Если будет признано невозможным предпринять энергичные наступательные операции против Болгарии на македонском фронте, то какова будет задача салоникской армии?

Должна ли она, отказавшись от наступлений, ограничиться удерживанием наличных неприятельских сил на этом театре и препятствуя ему наложить руку на Грецию? Необходимо ли в этом случае удержать Монастырь, Валону?

Положение румынской армии.

Генерал Гурко. Операции на Балканах возможны лишь в случае совместных наступательных действий на салоникском фронте и на Серете. Необходимо поэтому выяснить сначала, должна ли и может ли салоникская армия быть приведена в такое состояние, чтобы действовать наступательно?

Генерал де Кастельно. Салоникская армия достигла приблизительно максимума силы, которую мы можем ей придать, принимая во внимание ограниченность транспортных средств, коими мы располагаем.

В силу сего эта армия получила приказание прочно укрепиться на занимаемых ею позициях на случай неприятельского наступления, а равно быть готовой атаковать с целью удержать наличного противника перед собою.

В случае, если неприятель начнет снимать свои войска с македонского фронта в крупных размерах, то салоникская армия должна тотчас же воспользоваться этим благоприятным положением для достижения серьезного стратегического успеха, прежде всего перерезая железнодорожный путь из Белграда в Константинополь. Таковы задачи, поставленные этой армии.

Генерал Гурко считает необходимым подчеркнуть, что русское верховное командование не имеет в виду в данное время предпринимать наступление против Болгарии. Россия не видит исключительного интереса в операции непосредственно против Константинополя, так как этот город падет сам собою в тот день, когда будет нанесен решительный удар главным ее противникам.

Она не преследует эгоистичных целей в военных операциях на Балканах. Зато она желает, чтобы салоникский фронт был энергично защищаем, дабы этим воспрепятствовать сообщениям греков с болгарами, что в общих интересах союзников.

Генерал де Кастельно снова указывает на характер задачи, поставленной салоникской армии; о том, чтобы союзники покинули Салоники — нет и речи.

Генерал Вильсон. Необходимо точно уяснить себе при настоящем положении вещей, что даже если бы немцы послали еще новые значительные силы в Македонию против генерала Саррайля, мы не можем доставить последнему новых дивизий: этого не допускают транспортные средства.

Генерал Гурко замечает, что атака неприятеля против салоникской армии становится все менее вероятной.

В прошлом ноябре месяце можно было думать, что немцы вместо того, чтобы продолжать свое движение к Серету, направят свои усилия на салоникскую армию.

Ничего подобного не случилось до сего времени; когда же начнутся большие операции на главных фронтах, то возможно, что немцы не только не пошлют новых дивизий в Македонию, но даже оттянут таковые из Македонии.

Этот вопрос уже теперь, следовательно, теряет много своей остроты.

Генерал де Кастельно дополняет ранее сделанные им указания и заявляет, что салоникская армия сохранит свое положение и что силы этой армии будут постоянно поддерживаться в полном комплекте.

При этих условиях Монастырь может быть энергично защищен, и владение этим городом будет обеспечено всеми возможными средствами.

Генерал Гурко. Совершенно необходимо, чтобы союзники держали салоникскую армию постоянно в полном составе.

Вопрос о пополнении сербской армии начинает внушать все бо́льшие опасения; эта армия ослабевает не только лишь в отношении численного состава, но и в моральном отношении.

Необходимо поэтому найти способы пополнения сербской армии. С этой целью Россия уполномочила сербских офицеров объезжать лагери военнопленных для вербовки добровольцев; этим она дала возможность получить контингенты для пополнения; необходимо, чтобы и Италия приняла аналогичные меры.

Генерал граф Руджиери-Ладерки признает, что с военной точки зрения было бы очень полезно поддерживать в полном комплекте сербские дивизии в Македонии, но он не может высказаться по вопросу набора добровольцев среди австрийских военнопленных славян, находящихся в Италии, так как этот вопрос относится исключительно к компетенции его правительства.

Генерал Гурко. Я предлагаю вследствие этого следующее решение: военные делегаты настоятельно просят правительства России и Италии согласиться, чтобы сербские офицеры получили возможность облегчить набор добровольцев среди военнопленных юго-славян, содержащихся на территориях названных государств.

Это решение принимается.

Генерал Гурко переходит затем к вопросу о сообщениях между Монастырем и Валоной (Санти-Кваранта):

Будет ли признано лучшим оста́вить эту страну в нынешнем состоянии в отношении сообщений или же лучше создать в ней дорожную сеть и в первую голову улучшить сообщение между Монастырем и Валоной (Санти-Кваранта)?

Генерал де Кастельно напоминает, что этот вопрос уже был затронут конференцией в Риме, на которой было решено приспособить возможно скорее дорогу Валона (Санти-Кваранта) — Монастырь для автомобильного движения.

Генерал Гурко. Устройство хорошего сообщения между Валоной (Санти-Кваранта) — Монастырь крайне важно тем, что путь

этот обеспечит прямое сообщение между Италией и салоникской армией. Кризис тоннажа потеряет при создании такой дороги свою остроту.

Генерал граф Руджиери-Ладерки. Намечаемая работа, несмотря на все желание, не может быть выполнена скоро; она потребует неминуемо несколько месяцев.

Генерал Гурко. Мы обязаны предвидеть все случайности. Если кампания 1917 года не даст ожидаемых нами результатов, то может случиться, что Германия постарается использовать зиму 1917—1918 гг. для операций в Македонии, как она уже воспользовалась зимою 1916—1917 гг. для операций в Румынии и зимою 1915—1916 гг. для операций в Сербии. Не следует поэтому считать, что работы по сооружению указанной дороги будут напрасными, потому что они не будут закончены в короткий срок. Хорошая дорога из Валоны в Монастырь окажет нам будущей зимою большие услуги, если вышеизложенное предположение осуществилось бы.

Генерал де Кастельно указывает, что постройка дороги была решена и что следует держаться этого решения.

Генерал Гурко переходит к вопросу о состоянии румынской армии. Эта армия находится в печальном состоянии и нужно считать, что потребуется более трех месяцев (считая с 15 декабря) для ее реорганизации. Самые приемы, избранные для ее реорганизации, скрывают в себе некоторые недочеты.

С другой стороны, реорганизация румынской армии чрезвычайно затруднит ведение наступательных операций в Румынии, так как тогда придется одновременно обеспечивать снабжение войск как реорганизуемых, так и находящихся на фронте.

Мы предложили румынам эвакуировать их войсковые части на юг России, но они воспротивились этому и согласились на перемещение в эту зону лишь части тыловых учреждений и складов, что являлось совершенно необходимою мерою в виду затруднений в снабжении.

Генерал де Кастельно. Вы все же признаете, что реорганизация румынской армии необходима?

Генерал Гурко. Конечно.

Принятое решение: делегаты признают, что при современной обстановке балканский театр утратил свое значение, и что поэтому необходимость осуществления плана изоляции Турции совместными действиями русско-румынской и салоникской армий против Болгарии отпадает.

В соответствии с этим решения, принятые в Шантильи, должны быть изменены нижеследующим образом:

Салоникская армия будет поддерживаться в числе дивизий, ныне входящих в ее состав; войсковые части будут поддерживаться в полном штатном составе.

Эта армия будет иметь задачей:

а) Энергично противостоять всякой наступательной попытке противника и, в частности, обеспечивать в пределах возможного обладание Монастырем.

б) Приковывать находящиеся перед ней силы противника и не допускать сообщений греков с болгарами.

в) В случае, если неприятель начнет уводить значительные силы из Македонии, то армии надлежит перейти в наступление, с целью использовать такую благоприятную обстановку, стремясь при этом, главным образом, перерезать железнодорожное сообщение Белград — Константинополь.

Далее, делегаты устанавливают, что хотя обстоятельства, изложенные в депеше сербского престолонаследника, и должны быть приняты во внимание, но, при создавшейся обстановке, наступательные операции в Македонии осуществимы лишь при обстоятельствах, изложенных в § б.

Разработка дороги Санти-Кваранта — Монастырь будет продолжаться согласно условиям, намеченным конференцией в Риме.

Румынская армия будет реорганизована в том количестве дивизий, какое будет признано возможным создать и содержать.

6 вопрос.

Каковы мнения правительств и верховных командований союзников относительно намерений противника? Необходимо учитывать возможность действий противника на русском фронте в направлении на Москву или Петроград, так как таковые могли бы предоставить неприятелю преимущества, в виду чрезвычайной длины русского фронта сравнительно с количеством войск, его защищающих, и затруднений в перевозке на север, в случае необходимости, сил, сосредоточенных на румынском фронте.

Генерал Гурко. Этот вопрос предложен конференции, потому что некоторые сведения, недавно полученные в ставке, дают основание предполагать, будто немцы намереваются направить в 1917 году главный удар на русский фронт.

В виду того, что делегаты уже постановили считать балканский театр войны потерявшим свое значение, верховное русское командование приобрело бо́льшую свободу действий в отношении группировок сил, соответствующих обстановке, то они в этом вопросе могут лишь подтвердить принятые обязательства взаимной поддержки. К тому же возбужденный вопрос будет разбираться еще раз в 7-м вопросе.

7 вопрос.

Удержание в силе обязательства взаимной поддержки заключается в том, что в случае, если одна из держав будет атакована, то другие немедленно придут ей на помощь всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, или наступлениями своих армий, или же посылкой подкреплений атакованной державе.

Генерал де Кастельно снова подтверждает обещание взаимной поддержки, принятое в Шантильи, но при этом замечает,

что в течение верденского сражения Франция не просила у союзников применения этого параграфа, выработанного предыдущей конференцией.

Весьма важно, без особо серьезных мотивов, не принуждать армии, сохранившие свободу действий, начинать слишком рано наступательные операции и тем самым терять значительную часть преимуществ, какими она могла бы воспользоваться при свободном выборе момента для наступления. Однако, если положение России станет затруднительным, то она может быть уверена, что Франция придет ей немедленно на помощь всеми своими средствами.

Генерал Вильсон поддерживает это заявление и замечает, что в случае, если поддержка, о которой идет речь, потребуется, то необходимо предоставить союзникам, помощи коих просят, известный промежуток времени, дабы они могли принять нужные меры; само собою разумеется, что этот промежуток не должен быть слишком продолжительным.

Генерал де Кастельно считает, что было бы важно установить сроки начала общего наступления.

Делегаты уже признали важность для союзников предвосхитить инициативу у противника в предстоящую кампанию; поэтому следует выяснить, в какое время русское верховное командование считает возможным начать наступление.

Генерал Гурко разъясняет, что в настоящую войну зимою в России невозможно предпринимать серьезных операций и, с другой стороны, предпринятая реорганизация в русских армиях не окончится ранее весны. Поэтому русские армии могут начать крупные наступления лишь к 1 мая (нового стиля); до этого же времени они должны будут ограничиваться лишь второстепенными наступательными задачами в целях удержания, в случае необходимости, на восточном фронте находящиеся там неприятельские силы. Эти второстепенные наступления подготовляются в данное время в соответствии с возможностями, предвиденными на конференции в Шантильи.

Вопрос, подлежащий решению, должен быть, следовательно, поставлен нижеследующим образом:

Стремясь не быть опереженными своими противниками, следует, однако, выяснить, представляется ли действительно для союзников необходимым начать наступление на западных фронтах с февраля месяца, т.-е. в то время, когда русские армии смогут лишь вести второстепенные операции, или же, наоборот, предпочтительнее, чтобы франко-британские и итальянские армии, будучи готовыми к наступлению, если обстоятельства принудят их к таковому, а главным образом, в целях обеспечения себе возможности опередить неприятеля, отложат свои наступления до того времени, когда их можно будет согласовать с крупными операциями на восточном фронте?

Генерал де Кастельно, после заявления генерала Гурко, спрашивает, что́ будет делать Италия, если Франция перейдет в на-

ступление в то время, когда русские армии со своей стороны будут в состоянии предпринимать лишь второстепенные операции.

Генерал граф Руджиери-Ладерки заявляет, что, согласно решению, принятому в Шантильи, Италия будет готова через три недели после 15 февраля. Однако программа ее вооружения, в том виде, в каком она намечена на весну, не будет закончена к этому сроку, а завершится лишь во второй половине апреля.

Таким образом, если обстоятельства принудят ее к действиям ранее этого срока, то ее усилия будут соответствовать тем средствам, коими она будет располагать.

Вопрос, поставленный таким образом, решено разрешить окончательно позднее, с тем, чтобы дать возможность делегатам снестись со своими верховными командованиями.

Кроме того, делегаты выражают пожелание, чтобы заинтересованные правительства пришли к соглашению касательно совместных военных операций на кавказском фронте и в Месопотамии.

Меры, кои необходимо будет принять по отношению нейтральных стран и в особенности скандинавских, будут рассмотрены после того, как они будут разобраны на политической конференции.

8 вопрос.

Необходимость объединения средств, которыми располагают союзники. Важность принятого на последней конференции в Париже решения поддержать Россию, предоставив ей всеми возможными мерами необходимый материал для успешной кампании. Для успешного ведения большого наступления русская армия нуждается в определенном минимуме технических средств, коими она до сего времени не располагает. Исходя из какого принципа, будет установлено количество боевого материала, который будет передан России? Будет ли признано возможным, в целях достижения наилучшего успеха, распределить необходимый материал так, чтобы обеспечить каждой из союзных армий известный минимум?

В этом случае этот минимум не должен ли быть пропорционален количеству действующих войск и важности каждого фронта как по его длине, так и по задачам, на него возложенным?

В какой срок материал, предназначенный для отправки в Россию, может туда прибыть?

Этот вопрос не может быть рассматриваем ранее, чем делегаты не будут иметь в руках данные комиссии по снабжению, тем не менее делегаты решают приступить теперь же к предварительному обмену мнений.

Генерал Гурко заявляет, что в этом вопросе могут быть два мнения: или дать союзникам избыток своего производства, или же дать каждой армии необходимый ей минимум, а излишек средств распределить согласно плану, который будет для сего выработан. Если союз-

ники желают дать России возможность усилить свою армию и обеспечить ей возможность выдержать продолжительную войну, они должны ей обеспечить необходимый минимум боевого материала.

Генерал де Кастельно. Мы вынуждены считаться с фактической обстановкой, как она сложилась. Представляется недопустимым обнажать французский фронт в пользу русского.

Генерал Гурко. Мы того же мнения; речь идет лишь о новом производстве.

Генерал де Кастельно. Что касается вопроса о новом производстве, то, не зная подробностей вопроса, я тем не менее полагаю, что меры в этом направлении уже приняты. Франция уже теперь делится пополам с Россией производством своих мортир калибра 72 *мм*.

Генерал Вильсон. Невозможно разбирать этот вопрос, не изучив одновременно вопроса о перевозке морем и железными дорогами в России.

Генерал Гурко. Это весьма важный пункт, и России необходима помощь для приобретения железнодорожного материала в Соединенных Штатах и в Канаде.

То, в чем Россия главным образом нуждается в данное время, это:

а) с одной стороны, в железнодорожном материале для обеспечения перевозок и вывоза из портов, главным образом из Владивостока;

б) с другой стороны, в полевой артиллерии, требующейся вследствие увеличения фронта, вызванного событиями, происшедшими в Румынии.

Румынская армия держит лишь 24 *км*; таким образом, фронт русских армий увеличился на 500 *км*. Необходимо выяснить, могут ли союзники дать нам потребную артиллерию?

Генерал де Кастельно. Вопрос о полевой артиллерии не удастся разрешить, если дело идет о новейших типах ее. Необходимо поэтому использовать материал менее новый, но тем не менее все же вполне пригодный к службе. Франция предоставила в распоряжение России большое количество 90 *мм* орудий, которыми она сама пользуется в больших размерах на западном фронте.

Орудия 90 *мм* более выносливы, чем 75 *мм*, обращение с ними не требует особо подготовленного состава прислуги, снаряд их очень действителен, и лишь скорость стрельбы не так велика, как у 75 *мм* пушки. Но ведь на практике пришлось уменьшить скорость стрельбы и из орудий 75 *мм* для сбережения орудий. Разница, следовательно, в общем, не так велика, как это кажется с первого раза.

Генерал Гурко заявляет, что западный фронт был всегда несравненно богаче снабжен артиллерией, чем русский фронт, и что даже пассивные части западного фронта имеют значительно больше орудий, чем активные районы русского фронта. Между тем, ныне русский фронт увеличился на $^1/_3$ своего протяжения.

Генерал де Кастельно. Не решая, впрочем, суждений по сему поводу, комиссии по снабжению необходимо, однако, иметь в виду, что распределение средств между различными фронтами нельзя подчинять отвлеченным математическим суждениям; это распределение должно прежде всего соответствовать значению намечаемых операций, при чем союзники не должны забывать, что все их фронты вместе взятые представляют собою единое и общее поле сражения.

II.

Заключение военного совещания.

1 вопрос. — Операции 1917 года будут иметь решающий характер, т.-е. наступательные действия на разных фронтах будут вестись с максимумом средств, коими будут располагать союзные армии и с целью добиться решительных результатов.

2 и 3 вопросы. — На каждом из главных фронтов коалиции к 15 февраля будут приняты все меры в целях воспрепятствовать противнику захватить инициативу операций.

Если, с целью обеспечить за собою эту инициативу, один из союзников будет вынужден выступить ранее весны, то другие союзники выступят, в свою очередь, в срок, не превышающий 3-х недель, при этом они используют максимум имеющихся в их распоряжении средств, учитывая климатические особенности каждого фронта.

4 вопрос. — Если тому не будут противодействовать обстоятельства, общее наступление со всеми имеющимися в распоряжении союзников средствами будет произведено на всех фронтах между 1 апреля и 1 мая, при чем последняя дата признается предельной всеми союзниками, если, однако, климатические условия не создадут непреодолимых условий.

5 вопрос. — При настоящей обстановке балканский театр войны, с точки зрения общего успеха операций, уже не представляет той важности, какая была за ним признаваема ранее.

Следовательно, более нет надобности стремиться к приведению в исполнение проекта изоляции Турции совместным действием русско-румынской и салоникской армий против Болгарии. В силу сего салоникская армия, постоянно поддерживаемая в ныне наличном числе дивизий и полном числе рядов, должна иметь задачей:

a) энергично противостоять всякой атаке неприятеля и, в частности, обеспечение обладания Монастырем;

b) удерживать находящиеся перед нею силы неприятеля; препятствовать сообщениям греков с болгарами;

c) в случае увода неприятелем из Македонии значительных сил, перейти в наступление с целью воспользоваться благоприятной обстановкой и стараясь, прежде всего, отрезать железную дорогу из Белграда в Константинополь.

В виду невозможности при теперешней обстановке усилить салоникскую армию, наступательные операции в Македонии возможны лишь в случае, если осуществится предположение, изложенное в выше отмеченном § b.

Задачи, которые возлагаются на салоникскую армию, выдвигают необходимость содержать салоникскую армию в полном комплекте. Дабы это решение могло быть применено к сербской армии, необходимо, чтобы русское и итальянское правительства приняли все меры к облегчению быстрой вербовки юго-славян из военнопленных, находящихся в их распоряжении.

Улучшение пути Валона — Монастырь будет производиться сколь возможно спешно, в порядке, намеченном в конференции в Риме.

Румынская армия будет реорганизована в числе дивизий, каковое будет признано возможным создать и содержать.

6 и 7 вопросы. — Делегаты присоединяются к решению взаимной поддержки, принятому конференцией в Шантильи 15 ноября 1916 г., а именно: если одна из держав будет атакована, то другие придут ей немедленно на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами или, косвенно, переходом в самостоятельное наступление в кратчайший срок (в срок, который не должен превышать 3-х недель, выше назначенный для перехода в наступление), или же, непосредственно, путем посылки подкреплений на другие союзные фронты, если сообщения между ними не представляют особых затруднений.

Делегаты высказывают пожелания, чтобы заинтересованные правительства согласовали военные операции на кавказском фронте и в Месопотамии.

Меры, кои необходимо будет принять по отношению к нейтральным странам, в особенности к скандинавским, будут рассмотрены после того как вопрос этот будет рассмотрен на политической конференции.

III.

Постановления политического характера.

1. Конференция, констатируя недостаточность связи, обнаружившейся в прошлом и продолжающей обнаруживаться после римской конференции, между посланниками союзных держав в Афинах, постановляет, что следует принять необходимые меры для обеспечения между ними вполне согласованных действий.

2. Ссылаясь на римские постановления, конференция постановляет, что когда специальные делегаты, на коих возложен контроль, засвидетельствуют полное выполнение требований, предъявленных к Греции, тогда ослабление блокады позволит дать известное количество запасов жизненных припасов, не превышающее необходимого количества таковых запасов для снабжения ими страны на срок в два или три дня, и чтобы количество портов, через которые можно будет

производить ввоз, было строго ограничено для обеспечения действительного контроля.

3. Принимая во внимание, что в числе пленных, взятых у врага, большое количество принадлежащих к различным угнетенным народностям сочувствует делу союзников и было бы готово защищать его, конференция постановляет пригласить правительства использовать все проявления доброй воли, которые могли бы быть призваны обнаружиться в этом направлении.

4. Конференция постановляет, что есть основание просить у Японии бо́льшей помощи в виде артиллерийского материала, снарядов, артиллерийских офицеров и прислуги.

5. Конференция признала необходимость создания центрального органа четырех держав, представленных на этой конференции, для более быстрого соглашения по вопросам, касающимся высшего направления войны.

С этой целью конференция полагает, что этот орган должен бы составляться при помощи регулярных и частных собраний председателей советов министров. Председатель совета мог бы быть заменен другим членом правительства или политическим делегатом, специально для этого уполномоченным.

Конференция высказывает пожелание, чтобы, поскольку возможно, на собраниях этого совета принимали участие те же самые лица.

Пожелание.

Конференция, удостоверяя с сожалением прогрессивное ослабление сербской армии вследствие понесенных ею значительных потерь, которые не могли быть пополнены из-за недостатка резервов, выражает пожелание:

1) чтобы по мере того как это будет допускаться военными требованиями, армия эта уводилась с фронта в возможно широких размерах;

2) чтобы она была усилена при помощи взятых у врага пленных славян, добрая воля коих могла бы быть использована в этих целях.

Верно: генерального штаба подполковник *(Барановский)*.

Из дневника А. Н. Куропаткина.

Дневник Куропаткина уже давно известен читателям «Красного Архива» (см. тт. II и VIII). Печатаемые теперь отрывки не являются, конечно, тем первоклассным историческим источником, каким были записи дневника начала 900-х годов, перед японской войной. К 1917 году Куропаткин давно уже сошел с «ответственнейших» постов царской России. Политики он более не вершил, как о стратеге о нем больше никто не говорил — и даже назначение его, в империалистскую войну, скромным корпусным командиром вызвало опасения Александры Федоровны; Николаю пришлось почти оправдываться. Попытка командовать одним из фронтов прошла совсем бесцветно — и под конец войны — и империи — Куропаткин должен был удовольствоваться совсем скромным — для старого боевого генерала — положением «туркестанского» генерал-губернатора, за тысячи верст от фронта. Здесь его задания были больше полицейские, чем военные, с «сартами» (как называли русские чиновники узбеков) и киргизами воевать было куда легче, нежели с немцами, и, повесив несколько десятков человек, неудавшийся победитель микадо блестяще разгромил среднеазиатскую революцию 1916 года. Он был уже совсем спокоен, — когда революция вдруг явилась в Среднюю Азию из Петербурга.

Первое, о чем захлопотал старый служака (Куропаткину было уже под семьдесят), это, чтобы революция прошла, по крайней мере, без нарушения внешних форм и чинопочитания. И если не самими петербургскими событиями — они перед Куропаткиным открылись лишь постепенно — то официальными петербургскими телеграммами о событиях он был вполне удовлетворен. «Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров», с удовольствием заносит в дневник туркестанский генерал-губернатор: что отрекшийся император так же мало мог назначать министров, как отставленный министр назначать чиновников, это хранителям легальности — не одному Куропаткину, а и Родзянке и даже Гучкову — как-то не пришло в голову. «Войска перешли к новому порядку управления Россией без нарушения присяги». Войска скоро показали Куропаткину, что они этой стороной дела весьма мало интересуются. Но пока все шло почти гладко — и 8 марта (ст. ст.) старый генерал даже поймал себя «на радостном настроении: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту».

Тучки на горизонте уже показывались. «И в Ташкенте уже сорганизовался Совет Рабочих, выделивший из себя Исполнительный Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов...» (!). Старому царскому слуге революция все еще мерещилась в образе бомб и вся-

кого рода «покушений» — красный террор он наверное не имел в виду в мартовские дни 1917 года — и он никак не мог еще освоиться с мыслью, что «покушаться» пришла очередь не революции, а ее противникам.

Но революция шла своими, не предусматривавшимися военным уставом, путями. Уже в той записи, где констатируется неприличная генерал-адъютантская радость по случаю падения Николая, говорится о «восстановлении» дисциплины в войсках. Того, что разумеется само собой, не восстанавливают. И тем труднее было «восстанавливать», что на место старого уже рождалось новое. На параде, которым ознаменовалась присяга Временному Правительству, «порядок поддерживался учениками, р а б о ч и м и и одиночными н и ж н и м и ч и н а м и образцово».

Революция, которой ждали в виде «анархии» и «террористических актов», шла регулярным строем. И 31 марта перед Куропаткиным взорвалась совершенно неожиданная бомба: ему было объявлено, что он арестован. Поводом было распределение генерал-губернатором оружия среди русского населения области «для защиты» от узбеков и киргизов. Оснований «защищаться» с царско-полицейской точки зрения было более, чем достаточно: «Каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимали совершившейся перемены, считали, что наступило безначалие и собирались выбрать своего хана» (!). А в Фергане дело пошло чуть ли не еще дальше: «сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четыреххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки». Как же тут было не запастись винтовками? Нет оснований думать, что Куропаткин, за пять месяцев до Корнилова, замышлял контр-революционное восстание. Но он до такой степени явно не понимал происходящего, что уже одно это, при наличии его во главе власти края, грозило неисчислимыми бедами. Ташкентский Совет Солдатских Депутатов был тысячу раз прав, независимо от формальной правильности или неправильности выдвинутого против Куропаткина обвинения, когда он решил изолировать усмирителя революции 1916 года вместе со всеми его приспешниками.

Доказывая опасность равноправия «туземцев» с русскими — т.-е. подавляющего большинства с ничтожным меньшинством — Куропаткин обмолвливается несколькими, чрезвычайно ценными, для туркестанского генерал-губернатора и одного из завоевателей Средней Азии, признаниями: «Большинство голосов будет у туземцев», пишет он, «и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни». А прочитав у Спиридовича программу социал-демократической партии, произведшую на старого генерала до комизма сильное впечатление, особенно, если вспомнить, что это было не в 1905, а в 1917 году, — он вздохнул: «мы счастливых мелких собственников в Фергане обратили в батраков».

Впрочем, если Куропаткин не был контр-революционным заговорщиком, то контр-революционером в своей политике он был несомненно, и у его ареста были не только идеологические, а и прямо деловые основания. Неприличная генерал-адъютанту радость по поводу революции нисколько не мешала ему водить дружбу в Средней Азии с ярыми реакционерами. Относительно Бухары, приехав в Петербург, он советовал Терещенке опираться на старо-бухарцев — т.-е. чиновников и купечество — против младо-бухарцев, т.-е. бухарской интеллигенции. «Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее». А что такое старо-бухарцы, это мы узнаем из другого места днев-

ника: «Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младо-бухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер». На таких людей можно было положиться!

Само собою разумеется, что Петербург очень скоро освободил Куропаткина из-под ареста — и мы уже сейчас видели бывшего туркестанского генерал-губернатора в разговоре с министрами Временного Правительства. Эти петербургские разговоры Куропаткина дают самые интересные, пожалуй, страницы «дневника». Старого генерала встретили с почетом: Керенский принял его, «назначив особые для сего часы, а не в общий прием». С места в карьер он пообещал «быстро реабилитировать» Куропаткина «от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения междунациональной розни». Очень любопытно, что это обещание было дано, повидимому, раньше какого бы то ни было расследования дела. Но еще любопытнее, что по части национальной политики в Средней Азии собеседники говорили на одном языке и великолепно понимали друг друга. «Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением (!), туземцам не следует предоставлять и полноту прав». Ободренный этим Куропаткин и заговорил потом с Терещенкой о старо-бухарцах. Вообще, Керенский, считавшийся знатоком средне-азиатских дел, поразил даже Куропаткина своей отсталостью по этой части. В Бухаре он предлагал начать с «уничтожения рабства». Пришлось напомнить, что эти лавры уже предвосхищены у вождя российской «демократии» Александром II, в 1870-х годах.

Но родственные души Куропаткин в изобилии находил в министерских кабинетах «Петрограда», даже когда он беседовал и не о среднеазиатских делах. Сам премьер, князь Львов (дело было в апреле) начал не то с жалобы, не то с извинения, «что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, как щепки носимся на волнах». Это образное сравнение столь поразило Куропаткина, что он записал его в свой дневник дважды. А 1 мая, в пролетарский праздник, он долго беседовал со своим прежним, по японской войне, подчиненным, Корниловым, у которого теперь его бывшему начальнику пришлось просить корпуса. Но разговор был не столько о военных делах, сколько о политике, и этой части разговора автор дневника дал такое резюме: «два врага, один впереди настоящий, другой в виде солдатской деспотии позади, в виде разных Советов».

Против этого последнего «врага» храбрые генералы, с которыми беседовал бывший маньчжурский главнокомандующий, предлагали радикальные средства: «сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов». Характерно, что такие разговоры велись еще в м а е. Но храбрых генералов плохо слушали, ясно представляя себе, что ставить ставку на то, кто кого «силою уничтожит», крайне рискованно. Пробовали «мягкие» средства, — но они оказывались явно негодными. О близости «демократов» и православия много писали в связи с «Комучем» 1918 года — но близость началась гораздо раньше: уже в мае 1917 года протопресвитер Шавельский, глава военного духовенства (было такое, читатель!), «посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников». Но увы! «Проповедников принимали неохотно» — хотя, будто бы, послушав, «просили приехать еще раз». Самое ужасное для охранителей порядка, что сообщали проповедники, это о начавшемся братанье на фронте. Против этого никакое христианское братолюбие помочь не могло.

В конце концов приходилось хвататься за соломинку и утешать себя тем, что, будто бы, «за последнее время евреи во всей России очень поправели. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят».

На этом пассаже, о национальной вражде большевиков и евреев на почве дележа куропаткинской «России», можно покончить характеристику дневника. Он очень подтверждает ту характеристику, какую когда-то Витте слышал от Абазы: «умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря». Не обиделись бы только писаря?

М. Покровский.

Переворот [1]).

6 марта (1917 г.), г. Ташкент.

1 марта в 7 ч. вечера, в заседании по выработке нового положения, я получил депешу начальника Ташкентской железной дороги, инженера Мазуровского, о том, что вместо предписанного роспуска Госуд. Думы Родзянко образовал Исполнительный Комитет Госуд. Думы, взял управление делами в руки Исполнительного Комитета (арестовал министров) и предписал инженеру Бубликову временно взять в свое управление мин. путей сообщения. Почта и телеграф одновременно перешли в руки нового правительства. К 4, 5 марта выяснилось: отречение государя от престола, отказ Михаила Александровича принять престол до созыва Учредительного Собрания и определения им формы правления для России. Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров (избранного Исполнительным Комитетом Государственной Думы). Этим актом министерство Львова явилось законным. Министром военным назначен Гучков. По получении решения государя объявлено в приказе по краю [2]) требование полного подчинения новому правительству.

Порядок до сих пор нигде не нарушался. Войска перешли к новому порядку управления Россиею б е з н а р у ш е н и я п р и с я г и. Мне, старому служаке, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни России, все же было бы непосильно изменить присяге, но, конечно, мое решение касалось бы только меня лично, войскам же и населению надлежало признать новое правительство даже и в том случае, если бы царская власть была бы свергнута насильственным путем. Ныне я могу с спокойною совестью работать на пользу родины, пока то будет соответствовать видам нового правительства.

Задача очень затрудняется тем, что в Петрограде большую, быть может, даже решающую силу забрал Совет представителей рабочих и нижних чинов. Отголоски, и очень опасные, этого нароста на новом правительственном организме дошли и до нас. И в Ташкенте уже организовался Совет рабочих, выделивший из себя Исполнительный

[1]) Дневники А. Н. Куропаткина хранятся в Архиве Октябрьской Революции, отдел «Падение старого режима», фонд XI, д. № 36.

[2]) В подлиннике дальше зачеркнуто: от 4 марта.

Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов, особенно опасных в Азии, где мы, русские, составляем треть среди 10 милл. туземного населения. Непрерывно влияю на начальствующих лиц, говорю с войсками, удерживаю их от всяких беспорядков. Опасно, если Совет рабочих в Петрограде не удовольствуется программою нового правительства, а предъявит требование о переходе теперь же к народоправию, что может сопровождаться общим развалом и поражением на фронте. Это требование быстро будет передано и в Туркестанский край и вызовет беспорядки. Без воли нового правительства я не допущу изменения программы этого правительства.

Вчера при особо торжественной обстановке объявил войскам и подтвердил начальствующим лицам 3 марта отданное приказание во всем повиноваться новому правительству.

Весь гарнизон, военное училище, школа прапорщиков, старший класс кадетского корпуса, несколько тысяч публики и представителей туземного населения собрались на Соборной площади. Сказал им речь о перевороте и приказал прочитать: а) манифест об отречении государя, б) акт об отречении Михаила Александровича, в) мой приказ по краю от 4 марта о повиновении всем новому правительству, с переименованием всех министров, г) депешу ко мне о перевороте князя Львова. После этого я прочел приказ верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Провозглашение здравицы Николаю Николаевичу, Львову, Родзянко, Гучкову. Потребовал торжественного обещания по трем пунктам: 1) обещание повиноваться новому правительству свободной России, 2) обещание все силы, средства и даже жизнь положить для достижения полной победы на фронте, 3) обещание поддерживать везде и всегда полный порядок и стоять за него (иначе страцал голодом). На все мои требования тысячи грудей ответили троекратно «обещаем». Я провозгласил затем ура! за процветание свободной России, за победы нашей славной армии, за всех чинов ташкентского гарнизона и всех жителей г. Ташкента. Городской голова Малицкий после небольшой речи, где он, между прочим, назвал бывшее правительство изменниками, провозгласил здравицу за мое имя.

Кричали громко.

Пока строились на молитву, я беседовал с туземной депутацией. Передал им коротко то, что передавал и войскам, и потребовал прежде всего полного порядка и спокойствия. Обещали и то и другое. Я высказал и им веру, что при новом строе жизни в России им будет тоже жить легче прежнего.

Обходил и массу публики, принимали приветливо. Порядок поддерживался учениками, рабочими и одиночными нижними чинами образцово.

Войска прошли отлично и разошлись по домам с песнями. Общее настроение было серьезное, но спокойное и приподнятое.

8 марта.

Чувствую себя помолодевшим и, ловя себя на радостном настроении, несколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу; до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты , и тогда страшная резня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; победа, глубоко уверен в том, нам обеспечена.

Многовластие на Руси.

12 марта.

Гучков прислал очень теплую и хорошую депешу, одобряющую все мои действия и утверждающую меня на будущую деятельность. Высылают мне комиссара Временного Правительства, члена Государственной Думы князя Васильчикова (сына генерал-адъютанта).

Сдерживаю до сих пор население Ташкента от всяких опасных выступлений. Сдерживаю и весь край. Пока нигде не пролито крови, но обстановка до сих пор тревожная. Главная причина: многовластие на Руси.

В Петрограде: Исполнительный Комитет Думы ведет себя отлично. Сдал свою власть министрам. Но рядом с Комитетом Министров действует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, предводимый Чхеидзе. Это и есть второе правительство. Чхеидзе располагает телеграфом общим и искровым и передает свои приказания Исполнительному Комитету в Ташкент и, значит, и в других пунктах.

Программа Чхеидзе простая: не дожидаться решения Учредительного Собрания, объявить в России демократическую республику. Борьба в Петрограде с Чхеидзе уже ведется, ибо он деморализует войска.

31 марта.

Мне объявлено, что я нахожусь под домашним арестом. Командующим войсками Совет Солдатских Депутатов назначил полк. Черкесса, коменданта г. Ташкента. Вместе со мною подвергнуты домашнему аресту: начальник штаба округа г.-м. Сиверс, кристалльный человек, и ген. Ерофеев, бывший очень резким, даже грубым с войсками. Причина ареста — надо было взять власть в свои руки. Повод: посылка для вооружения русского населения ружей. Никаких документов не смотрели. Решение было составлено заранее. Всеми делами руководил солдат еврей Бройда [1]), юрист. Разумные члены Исполнительного Комитета противились этому решению, видели значительную часть

[1]) Так в оригинале. Следует: Бройдо.

документов, убедились в полной основательности сделанных распоряжений, но ничего сделать не могли: революционная волна докатилась и до меня. Целый месяц я боролся, чтобы провести новый строй свободной России без потрясений, без пролития крови и добился больших результатов: в пяти областях Туркестанского края не было пролито ни капли крови за весь март месяц.

Дело с ружьями обстояло так: вследствие недостатка в ружьях, военное министерство потребовало в 1915 году высылки в армию всех ружей, находившихся в Туркестанском крае на вооружение населения. В 1915 и 1916 годах было взято свыше 18 тысяч ружей, и русское население пережило беспорядки и восстание в Семиреченской Области безоружным. Усиленно просило о возвращении ружей. Усиленно просила о том же администрация, но ружей не было. Только в конце прошлого года и начале настоящего, когда мы сформировали для Кавказа 8 стрелковых батальонов, удалось в 1916 и 1917 годах вернуть 8.000 ружей. Не возвращено еще до 10.000 ружей. Опасаясь, как бы ружья, выданные в слишком большом количестве, не дали русскому населению средства мстить киргизам, мною, несмотря на усиленные просьбы давать одно ружье на один двор или на два двора, приказано было рассчитать отправку ружей лишь по одной винтовке на десять дворов с целью охраны населения от разбойных нападений туземного населения. Надеюсь, что в семимиллионной массе оно останется спокойным, но отдельные выступления не только возможны, но, по моему мнению, неизбежны. Независимо сего, указано, чтобы высылаемое оружие до поры до времени хранилось у воинских властей и выдавалось только, когда в этом будет настоятельная надобность. По полученным ныне мною из всех уездов депешам, только в редких случаях это оружие было выдано. Более всего выдано ружей в Пишпекском уезде, затем в Пржевальском и Дераkентельском. Эти уезды и наиболее пострадали. Там жители отказывались выходить на свои поля, часто в отдаленные, если не были вооружены даже одним ружьем на довольно большую партию рабочих.

Последнее мое распоряжение о высылке ружей, уже по получении части сведений от военных губернаторов, было сделано циркулярно по штабу округа от 2 февраля, за месяц до перехода к новому строю. В ведомостях было проставлено число дворов, душ мужского и женского пола. Против каждого селения значилась цифра потребного оружия. Так, напр., по Сыр-Дарьинской области на 34.000 или 32.000 мужчин (кроме 10 тысяч детей и 30 тысяч женщин) предназначено было выслать одну тысячу с небольшим винтовок, не принимая в расчет новоселов.

В марте месяце никаких распоряжений по высылке оружия я не делал за одним исключением: 17 марта я получил депешу из Уро-тюбе, подписанную председателем совета Киселевым, в которой он сообщает, что на общем сходе всех жителей Уро-тюбе решено было просить меня увеличить воинскую

команду с 56 чел. до 100 и дать ружья для вооружения населения. Я приказал исполнить то и другое, ибо действительно Уро-тюбе, как и значилось в депеше, лежит вне железных дорог, и окрестное туземное население наиболее воинственно: в 1866 году (год моего приезда в Туркестан) штурм Уро-тюбе нашими войсками был наиболее тяжелым: из нашего батальона были убиты мой товарищ Кончиц и адъютант батальона пор. Плешков. Послал 200 ружей. Это было тем более необходимо, что одновременно ко мне поступили сведения о возможных выступлениях туземцев в Джизакском, Самаркандском уездах и в Голодной степи Ходжитского уезда. Из Джизака сообщили мне об этой тревоге два члена Исполнительного Комитета и пом. уездного начальника. Там сбежали в Джизак все лесники. Из Самаркандского уезда приехал тоже выбранный председателем Областного совета по продовольствию. В Голодной степи киргизы зарезали семью, оттуда просили спешной присылки военного караула, что и было исполнено посылкою 27 солдат с подпоручиком Кочергиным. Этого оказалось мало, и пришлось послать еще 120 чел., ибо все станции были в тревоге. Эти 200 ружей в Уро-тюбе хранились у начальника караульной команды и никому не выдавались. Они-то и послужили обвинением меня в провокации и натравлении одной группы населения на другую с целью вызвать беспорядки. Якобы охрана посылалась также малая, ибо Куропаткину было все равно, в чьи руки попадут эти ружья: русские или туземные, только бы они начали стрелять.

Независимо тревожных сведений из трех уездов Самаркандской области, тревожные сведения получались из Семиреченской области о скоплении киргиз на оз. Балахата. Туда посылались команды и пристава из Пржевальского уезда, где можно было опасаться на почве взаимного озлобления больших беспорядков. По Закаспийской области были донесения о сборе иомудов на колодцах Ортокуя между Хивой и Закаспийской областью. Получились тревожные сведения и из Ферганы. Начальник гарнизона Полонский прислал нарочного хорунжего Александрова с донесением, что со стороны Афганистана, через Дарваз и Кулеб, афганцы собираются вторгнуться в Фергану, и просил присылки войск и сбора разбросанной Кушкинской дружины ополчения. Приказал послать в г. Скобелев Уссурийскую казачью сотню из Кызыл-Арвата. Александров представил донесение, что каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимают совершившейся перемены, считают, что наступило безначалие и собираются выбрать своего хана. Хорунжий Александров сообщил также, что сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четыреххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки. Особенно горячие выступления их еще митингового характера были в Андижане, где их собралось 3600 человек. И вот при такой-то общей обстановке, по мнению солдатских депутатов, надо было оставить русское население без охраны даже на их полях. Характерно, что в марте ко мне пришла

депеша из Пензы от Совета Солдатских Депутатов, подписанная солдатом-гражданином Капыловым. В ней он, по полномочию находящихся в их полку семиреченцев и сыр-дарьинцев, сообщает, что до них дошли слухи о готовящемся нападении на русских киргиз, и спрашивает, какие приняты мною меры к защите русских?

Как снисходительно я относился к преступлению бунтовавших туземцев, видно из того, что из 340 приговоров к смертной казни, ко мне поступивших, я отменил 320 приговоров, заменив смертную казнь часто легкими наказаниями.

7 марта я ходатайствовал, чтобы, вообще, окончить все возбужденные по восстанию дела.

По многочисленным указаниям, циркулярным и отдельным, начальственным лицам я постоянно напоминал о необходимости братской жизни в свободной России русских и туземцев и поощрял образование согласительных комиссий и комитетов для примирения киргиз с русскими и полюбовного решения поземельных вопросов, в виду амнистии, разрешавшей киргизам возвращение на отнятые у них земли.

6 апреля.

Третьего дня пришел из Петрограда приказ: не протестовать моему отъезду в Петроград. Вчера готовы были 5 экземпляров моей обвинительной записки и приложений к ней. Один экземпляр послан прокурору Меллеру, другой — Черкессу для Исполнительных Комитетов. Просил, рассмотрев, гласно, путем печати признать ошибочность возведения на меня глупого обвинения: «в провокаторстве международной розни»... Исполнят ли, не знаю.

Выяснилось с несомненностью, что в трех основных областях, а также Закаспийской и Бухаре, всего в прошлом и за три месяца сего года роздано 165 рублей, главным образом, по требованию комитетов, для вооружния милиции. Завтра уезжаю в Петроград.

Бройда принимает все меры, чтобы я ни с кем не виделся, опасаясь взрыва возмущения против него и его соучастников в Комитете Солдатских Депутатов. Во всем городе, во всех слоях подавленное настроение. Тучи собираются. Солдатская деспотия, наступившая в Ташкенте, всем грозит опасностью, перерывом мирной деятельности. Дом ген.-губернатора готовят для краевого съезда.

..... мнения о возможности обойтись без аннексий и контрибуций [1]). Немцы тоже резко заявили, что, победив, воспользуются и аннексиями и контрибуциями. Мы одни ломаем дурака!! Думаю, что главная надежда этих, повидимому, бескорыстных патриотов заключается в том, чтобы ускорить окончание войны.

---

[1]) В подлиннике отсутствуют л.л. 73—76, где находится начало помещаемой здесь статьи. *(Прим. ред.)*

Все же вчера на Невском, когда манифестанты за правительство встретили малую манифестацию против правительства и начали срывать плакаты, ленинцы и, вероятно, большевики рабочие открыли стрельбу и убили нескольких солдат.

29 апреля[1]).

Был сегодня у министров юстиции и земледелия: Керенского и Шингарева. Оба назначили особые для сего часы, а не в общий прием.

Керенский обещал быстро реабилитировать меня от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения междунациональной розни. Высказал мнение о необходимости заметку о реабилитации поместить и в ташкентских газетах. Я ему очертил положение Туркестана в начале апреля. Высказал, что с европейским населеним новые власти и Исполнит[ельные] Комитеты справятся: силы нашлись. С туземным населением труднее, сложнее; авторитет новых властей туземцы не признают. Кто тянет к старым, кто к федерации и обособленности Туркестана. Указал на необходимость не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет у туземцев, и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни. Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением, туземцам не следует предоставлять и полноту прав. Относительно общего положения Керенский настроен довольно бодро. Считает, что революция нам далась «б е з у м н о д е ш е в о». Что трения необходимы и неизбежны, но устранятся. Успокоение даже наступает и в Кронштадте. Что на днях их кабинет пополнится новыми силами (социал-демократич.), что это укрепит его значение. Засилье солдат ему тоже не нравится, но и тут по его мнению есть улучшение. Керенский высказал мнение, что следовало, как только вспыхнула революция [2]), двинуть войска вперед, пока у них еще был революционный пыл от сознания свободы, даже, если бы не все было к наступлению готово. Как бы признает, что ныне наступательная сила нашей армии очень уменьшилась

У Шингарева просидел около часа. Впечатление благоприятное. Очень внимательно расспрашивал по вопросам, которые касались министерства земледелия.

25 апреля[1]).

Сейчас представлялся министру-председателю князю Львову. Принял в своем домашнем кабинете очень сердечно. Не виделись с японской войны. Помню, в Манчжурии много работали с ним, как с представителем земских организаций. Он тогда поверял мне свои планы

[1]) В подлиннике не выдержана хронологическая последовательность записей.
[2]) Далее зачеркнуто: надо было.

об образовании общеземской организации и добился этого. Я оказывал ему всевозможную помощь и очень сочувствовал его начинаниям. Расспрашивал про Туркестан. Успокоил его за европейское население: там сознательные элементы нашлись и найдутся еще. В их руках свобода не перейдет в анархию. Труднее с 7 милл. туземцев. Огромная масса темна. При полном равноправии заберет в свои руки городское хозяйство и всю страну. Пойдем не вперед, а назад. Относительно войска указал на солдатскую деспотию и опасность этого положения. Кн. Львов сказал мне, что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, «как щепки, носимся на волнах». Все же выразил надежду, что все успокоится. Общее впечатление разговора с кн. Львовым — благоприятное.

Видел в тот же день начальника главного штаба Минута и помощника начальника генер. штаба — Потапова. Оба озабочены. Минут говорит, что, если бы не война, вышел бы в отставку.

В главном штабе все же наружный порядок. Писаря стали вольные, но это естественно.

По улицам честь отдают лучше и чаще, чем две недели тому назад. И среди солдат ныне много элементов, которые, бог даст, не допустят полного разрушения дисциплины, не допустят, значит, развала великой нашей родины.

Звонил мне по телефону А. И. Гучков, но меня не было дома.

Кажется, забыл записать, что кн. Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдет. Она опередила их планы и скомкала их. Стали щепками, носящимися по произволу революционной волны.

1 мая.

Вчера в 3 ч. пополудни был у меня и долго сидел Корнилов, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. Встретились тепло. Давно его знаю. Очень смелый, решительный, доблестный человек. Смелую поездку переодетым совершил в Афганистан; под Мукденом геройски вывел несколько тысяч отставших у Императорских могил и неизбежно попавших бы иначе в плен. В эту войну геройски командовал 48 див. Попал в плен и бежал оттуда. Объявил мне, что он отказался от начальствования войсками Петроградского военного округа, ибо не мог прийти к соглашению с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов. Они вырывают власть у него из рук и мешают восстановить дисциплину. Он шел на то, чтобы при штабе находилось несколько членов Совета для совместного обсуждения разных вопросов. Они же требовали, чтобы все приказы Корнилов издавал не только за своею подписью, но и за подписью председателей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. На это Корнилов не согласился. Ему дают VIII армию, а Каледина переводят в V армию. Было предположено дать

Корнилову Северный фронт, оставив в подчинении и Петроградский военный округ. Тогда предполагалось, что войска Петроградского гарнизона, переформированные в строевые части, будут подтянуты к побережью и Риге для обороны подступов к Петрограду. Алексеев не согласился на эту комбинацию и выдвинул на Северный фронт своим кандидатом Абрама Драгомирова. Когда Гучков этому противился, то Алексеев выразил желание подать в отставку. Говорил, что сила стратегического дарования Корнилова неизвестна. Корнилов едет в армию с верою в успех, но ожидает огромные трудности от падения дисциплины в войсках и принужденного положения офицеров. Я просил Корнилова дать мне в его армии корпус войск. Он обещал. Просил его поговорить об этом и с Брусиловым. Я высказал свою мечту иметь в корпусе три дивизии с тем, чтобы одна была в резерве. Понимаю всю трудность командования в настоящее время: два врага — один впереди, настоящий; другой, в виде солдатской деспотии, позади, в виде разных Советов. Но тяжко в минуты грозной для России опасности сидеть без дела, а не находиться в передовой линии. Написал с просьбой о корпусе и М. В. Алексееву.

Вчера обедал у Влад. Дмитр. Набокова, управляющего делами Временного Правительства. Знаю Набокова с его детства. Женат на Елене Ивановне, урожденной Рукавишниковой. Ее мать крестила моего сына. С отцом ее, Иваном Васильевичем, были приятелями. Вместе охотились и ловили рыбу, у Набокова — большая, дружная семья, 5 детей, не очень здоровых видом. Они богаты. На днях подписались на 500 тысяч руб. на заем свободы. Набоков не очень спокойно относится к происходящему. Говорит, что совсем не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаил нашел в себе мужество принять престол. Тогда разрухи и безначалия не было бы. Теперь нет власти. Уходит Гучков, заменить его некем; уйдут и другие. Керенского прочат в морские министры. На мое недоумение по этому вопросу Набоков ответил, что надо поднять во флоте дисциплину. Максимов в Балтийском флоте бог знает что делает и рушит наш флот. На побегушках у матросов. Чудного Непенина и 200 офицеров убили. Потребовали, чтобы и сухопутные офицеры сняли погоны. Терроризируют в Гельсингфорсе финляндцев. На днях матросы явились, чтобы свалить памятник Александру II. Финны вынули ножи, окружили памятник и не допустили матросов выполнить их дикое намерение.

Коалиционное министерство может и не состояться. Представители Совета Солдатских и Рабочих Депутатов предпочитают иметь контрольную и «подстегивающую» власть, чем разделять ответственность. Предполагают привлечь в министерство Плеханова и что-то вроде Пальчевского, большого промышленного деятеля.

Набоков утверждает, что, в случае дальнейшей разрухи и попыток заключить сепаратный мир, у наших союзников состоялось соглашение с Японией и, кажется, с Китаем напасть на нас в Азии.

Сведения с фронта у нас благоприятны. По словам Набокова, Брусилов стал неузнаваем, нервничает, ходит мрачный и собирается просить об увольнении. Другие главнокомандующие, в том числе Гурко, тоже хотят уходить. Поливанов с своею комиссиею только подливает масло в огонь. Все толкует о правах солдат, в защиту офицеров ничего. Дух офицерства подавленный.

Вчера в трамвае рядом со мною сидела женщина с мальчиком на руках. Малютка потянулся к моим погонам. Мать остановила. Я тогда сказал: пусть трогает, может быть, сам носить будет. Стоявший против нас мужчина в штатском платье с изможденным лицом ответил: бог даст, к тому времени как ребенок подрастет и погон никто носить не будет, не будет армии, невозможны станут и ужасы, нами ныне переживаемые. Затем он рассказал, что был $1^1/_2$ года в плену, выпущен по доброте врача, признавшего его душевно-больным; что все немцы, за малым исключением, жестоки, думают только о себе, что боятся своих офицеров бесконечно и что голодают. Ему приходилось из присланных ему сухарей совать сухарик в руку голодному немецкому часовому.

7 мая.

Вчера вечером после всенощной службы в церкви протопресвитера слушал речи ко мне отца Георгия Шавельского. Этот чистый человек и чудный пастырь тоже был в подозрении и 2 дня был арестован. Теперь его, кажется, восстанавливают в звании протопресвитера. Он посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников. Они ему передали о состоянии армии, между прочим, следующее.

В V армии хуже всех расстроен 19 корпус (Веселовского). Ему труднее других приходилось. Хуже других частей в этом корпусе 38 дивизия, бывшая ...[1]), считавшаяся наиболее надежною. 13 корпус значительно лучше, 14 корпус отличный духом и дисциплиною. В XII армии хуже всех 109 дивизия. Ее вынуждены были вывести в резерв, ибо она склонна была открыть дорогу немцам. Заменили ее кавал. дивизиею. Во II армии (штаб в Несвиже) есть тоже здоровые и слабые части. В XII армии наиболее сильна духом и дисциплиной 44-я дивизия Циховича. Особенно упоминают Переволоцкий полк, лучший по дисциплине. Проповедников принимали неохотно, но собирались слушать от полка до 2.000 человек. Отрадно, что, выслушав, всюду просили приехать еще раз. Офицеры отсутствовали, на что указывали и солдаты. По мнению Шавельского, офицеры во многих случаях недостаточно работают, чтобы влиять на нижних чинов. Держатся в стороне. Два лагеря. Братания на фронте доходили до позорных явлений: на одном из участков фронта наши солдаты поставляли хлеб в германские окопы. Когда доставка хлеба прекратилась, немцы пригрозили разбить русские окопы, привели свою угрозу в исполнение, и наша часть малодушно возобновила отсылку хлеба немцам.

[1]) Неразобрано.

Василий Федорович Новицкий, бывший помощник военного министра. Долго сидел у меня. Смещен Керенским, огорчен. Едет на фронт. Несколько недоумевает относительно полезности первых мер, принятых Керенским. Он взял себе в помощники двух только что произведенных полковников: Якубовича и кн. Туманова, а еще более удивлен назначением поручика Кузьмина помощником главнокомандующего Петроградского военного округа. Опасается, что эти три лица не будут иметь авторитета в старшем начальствующем персонале. Керенский издал второй приказ, дающий возможность попасть в офицеры и без образовательного ценза после 4 лет пребывания на войне. Керенский продолжает повторять в своих речах, что он «добьется железной дисциплины» в армии. Меры к тому еще не выяснились и ему самому. 9 мая хочет ехать на юго-западный фронт.

Новицкий справедливо возмущается Поливановскою комиссиею. Работает к разложению армии. Совет Солдатских Депутатов предписывает комиссии свои решения и всё к поднятию прав солдат и к принижению офицерского состава.

Адмирал Коломейцев. Начальствовал Наровской флотилией на Северном фронте. Отличный моряк, знающий, строгий, но заботливый. Держал свои суда в отличном порядке. В бытность мою главком Северным фронтом несколько раз плавал на его судах. Сегодня Коломейцев рассказывал мне, что в Пскове генерал Рузский опубликовал отречение государя только 5 марта. Назначили войска на парад. Коломейцев добивался, чтобы все были одеты по форме. Некоторые матросы все же вышли с красными бантами. У двух, трех снял собственноручно, за что был арестован. Сидя сегодня долго у меня, очень огорчался развалу Балтийского флота. По его словам, флот этот к бою уже непригоден. Максимов никуда не годится. Матросы называют его «адмирал-подлиза». По словам Коломейцева, убийства офицеров в Свеаборге и Гельсингфорсе происходили по подкупу, на немецкие деньги.

По его словам, в Кронштадте до сих пор томятся 85 офицеров с бритыми головами, которые чистят отхожие места, метут улицы и пр.

Сегодня юнкер кавалерийского училища, член Совета Солдатских и Рабочих Депутатов утверждал, что настроение членов Совета очень патриотическое. Скоро дадут приказ фронтам наступать и сами хотят подать пример. Просят, чтобы запасные части Петрограда скорее формировали в полки.

12 апреля. [*sic!*].

За последнее время евреи во всей России очень поправели. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят.

Керенский взял к себе в помощники двух молодых полковников, а помощником главнокомандующего Петроградским округом сде-

лал поручика Кузьмина. В одном из посещенных им полков Керенский произвел единолично полковника в генерал-майоры. Подписал, не дождавшись заключений командующих армиями, «Декларацию прав солдатам». Там есть пункт об неотдании чести солдатами офицерам. Полк. Якубович ездил в заседание Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и просил, в одолжение Керенскому, устроить так, чтобы и без обязательства нижние чины честь отдавали. Идут разговоры, чтобы офицеры первые отдавали честь нижним чинам. В Поливановской комиссии, холопски ухаживая за солдатами, Якубович и еврей Цейль, ныне Покатов, предлагают, чтобы солдатам было предоставлено право награждать офицеров, а именно солдатским Георгием. Этим принизится не только положение офицера, но и значение офицерского Георгия.

Вчера встретил командовавшего у меня на фронте XII, а затем VI армиею Горбатовского. Говорил о развале армии с глубоким возмущением, но средства помочь горю предлагал невероятные: сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

13 мая.

Был у министра иностранных дел Михаила Ивановича Терещенко сегодня от $11^1/_2$ до 12 часов. Он просил ознакомить его с Туркестаном. Прочел ему, в сущности, в сжатом виде лекцию о современном состоянии каждой из пяти областей, входящих в состав Туркестанского края, и о положении Бухары. О Хиве сказал очень мало. На вопрос Терещенко, что же нам делать, ибо приходится отзывать комиссара Временного Правительства Щепкина, по его просьбе, ибо ташкентский Комитет Солдатских и Рабочих Депутатов не соглашается признать эту власть и требует отмены распоряжения комиссаров о назначении уездными комиссарами Тризну и Иванова, я задал такой вопрос: какие задачи правительство ставит себе относительно Туркестана? Должны ли 7 областей, его составляющих (считая Хиву и Бухару), с 10—11 милл. населения, составлять и в будущем часть России, неразрывно с нею связанную, или по отношению 10—$10^1/_2$ милл. туземного населения будет во всей широте применен принцип «самоопределения народности»? Но в этом последнем случае Россия может потерять Туркестан. Терещенко ответил определенно, что Туркестан должен в будущем составить часть России. Тогда я указал главное средство достигнуть этой цели: в Ташкенте, как в зеркале, отражается все, что творится в Петрограде. Было у вас двоевластие — такое было и еще есть и теперь в Ташкенте. Из Петрограда пошел развал нашей армии. Этот развал докатился и до Туркестана. У вас создалась солдатская деспотия, такая же явилась и в Ташкенте. Теперь вы избавились временно от двоевластия и хотите «железной дисциплины» в армии. Если вы этого достигнете, несомненно, удастся восстановить дисциплину и в Ташкенте. Без

этого результата положение Туркестана необходимо признать тревожным. Несомненно, необходима твердая власть, которая, по полномочию правительства, могла бы п р и к а з ы в а т ь. После долгого обсуждения разных способов Терещенко остановился на мысли о необходимости отозвать Щепкина и одного из комиссаров и вместо них послать двух более левых. Посылая их, прибавить им представителей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов для приведения Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к порядку и уважению распоряжений правительства. Эту последнюю меру я ему рекомендовал.

Кроме того, рекомендовал относиться с большим доверием к выбранным комиссарам самим населением. (Прислали из Петрограда самаркандского комиссара, даже не запросив меня).

Относительно Бухары посоветовал образовать мусульманский высший совет или комитет, дав там представительство как старобухарцам, так и младо-бухарцам. Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее.

Высказал мнение, что Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области, что наши революционные силы еще не справятся с задачами обратить эти провинции в республики. У нас и своих забот очень много. Если наше туземное население стало под русским владычеством более обеспечено, стало много богаче бухарского или хивинского, это, конечно, составляет предмет зависти бухарцев и предмет недовольства своим правительством, но, с другой стороны, наши подданные туземцы упрекают русских, что они развратили их молодежь, что часть младо-сартов отошла от старой веры, пьянствует, безобразничает в публичных домах, играет в карты, не уважает старших. Что число краж и преступлений возросло, и — больше, чем в Бухаре. Поэтому, старо-сарты Туркестана, горячие приверженцы старого уклада жизни и шариата, завидуют, что в Бухаре имеется к а з и к а л я н с огромною духовною властью, которой подчиняется эмир, что этому кази-каляну, кроме духовной части, подчинено все школьное дело и подчинен «раис», блюститель нравов, наблюдатель за исполнением законов (шариата). Наши туземцы старо-сарты мечтают о создании и у нас [1]) таких же должностей — кази-каляна и раиса. Мечтают, кроме того, создать в Ташкенте высший духовный совет из представителей от 5 областей с подчинением ему всей духовной части, учебной части и судебной части всего мусульманского населения Туркестана. Разработана, кроме того, целая программа требований со стороны мусульман, отстраняющих русскую власть. Запросы сложны, противоречивы для разных групп туземного, не только русского, населения. Проведение их в жизнь встречает огромные трудности. Удовлетворение их отодвинет Туркестан в культурном отношении назад, ибо все русские города попадут в руки туземцев. Выход мною уже принятый: не давать равных прав туземцам при выборах с европейцами.

[1]) Так в подлиннике.

Терещенко соглашался с этими мыслями. Хочет их доложить в Совете Министров. Признает положение серьезным. Говорил, что они теперь борются за сильную власть у правительства и за понижение значения Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Что Керенский и его поездка на фронт — их последняя ставка.

Мало говорит, но что говорит,—продумано. Производит хорошее впечатление. Славные блестящие умные глаза. В общем, вид утомленный.

У начальника ген. штаба Романовского.

Встретились сердечно. Сын Романовского — героя Ходжента, Уро-тюбе, Джизака и Ирджора; в 1866 году я служил под его начальством, приехав в Ташкент в 1866 году подпоручиком Оренбургского стрелкового батальона (ныне Туркестанский стрелковый полк). Сын его — георгиевский кавалер. Он был начальником штаба 9-го корпуса, соседнего гренадерскому, говорил много лестного по поводу приведения мною в порядок гренадерского корпуса.

Я рассказал ему о военных нуждах Туркестана, записал об постепенном расформировании 1-го Сиб. запасного полка. Он ответил мне, что надо под тем или иным поводом вызвать Бройду и что теперь надо даже назначать маршевые роты с осторожностью, чтобы не натолкнуться на отказ ехать на фронт. Настроение его нервное. Работает, но не видит близкого исхода безначалию. Тоже надеется на Керенского.

У начальника главного штаба Архангельского.

Хорошее впечатление. Редкий работник. Витмер — его тесть. Он много говорил Архангельскому хорошего на мой счет. Архангельского очень тревожит положение Туркестана. Он говорил, что от мусульманского населения поступают просьбы вернуть меня, Куропаткина, в Туркестан. Я ответил, что по нынешним временам это может состояться только после моей реабилитации и с согласия Петроградского и Ташкентского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

[С полк. Энгельгартом.

Явился ко мне. Вспомнил, что после ранения под Ляояном я дал ему боевой орден. Работал со мною в Херсу. Относительно своего командования войсками Петроградского военного округа в первые дни революции сказал, что он был хозяином положения только первые 6 часов. Затем фактическая власть перешла в Совету Солдатских и Рабочих Депутатов, и он не мог предотвратить издание приказа № 1. Настроен пессимистически. Считает, что необходимо скорее употребить силу, расстрелы. Что ему стыдно встречаться на улице с офицерами-иностранцами. Керенский — последняя ставка, в которую он не верит. Итти вперед не хотят. Впереди — смерть, а позади — дележ земли, безнаказанность. На Кавказе войска разбегаются. В Персии наши войска будто бы отступают.

Клемм сказал мне сегодня, что французы понесли очень большие потери и к порыву вперед мало пригодны. Очень большие потери были причиною замены Ниволя Петеном. Англичане еще держатся. Все ждут нашего усилия. Союзники нервничают. Наше «братание» их возмущает. Энгельгарт тоже сказал мне, что на французском фронте наши стрелки бригады Лохвицкого также пробовали брататься, но французы окружили бригаду своими войсками, выяснили виновных и расстреляли 118 нижних чинов и 5 наших офицеров.

У полк. Якубовича.

Принял меня в кабинете военного министра на Мойке. Толстый, смелый, умный, нахальный. Повидимому, есть характер и будет иметь большое влияние на дела. Тоже очень озабочен Туркестаном. Согласен со мною, что для оздоровления Туркестана надо прежде всего оздоровить Петроград. Надеется достигнуть этого при помощи Керенского. О мерах, кои для сего надо принять, еще ясного представления себе не составил. Тоже говорил, что надо меня возвратить в Туркестан. Я передал ему, что просился у Корнилова получить корпус войск и о том же написал Алексееву.

У полк. Туган-мирзы-Барановского, управляющего канцелярией военного министерства.

Очень неблагоприятное впечатление. Растерян. Винит во всем корпус офицеров. Разбил его на 5 групп, одна хуже другой. В первой считает просто негодяев, во второй — подлиз к солдатам, в третьей—представители старого режима, готовые его защищать, в четвертой — очень многочисленной — выжидающих и бездействующих, и только в 5-й группе, к которой причисляет и себя, сознательных революционеров, на коих, по его мнению, и вся надежда. Смотрит на будущее мрачно. Жалуется на офицерство в Петрограде. В главном штабе объединились и вмешиваются во все назначения. Писаря там ведут себя более сдержанно. По словам Барановского, надо взять воинскую часть, окружить главный штаб и всех выдворить оттуда, уволить от службы и заменить другими.

В канцелярии считает, что им заведен порядок.

Военный совет, по его словам, будет преобразован, как бы по образцу Госуд. Совета, где будут чины по назначению и чины по выбору войск.

В канцелярии встретил большую группу офицеров всех чинов Поливановской комиссии. Сказал им, что восстановление дисциплины в войсках надо начинать с восстановления отдания чести офицерам солдатами.

Интересное мнение мне сообщил сегодня Энгельгарт. По его словам, падение дисциплины, братание, нежелание воевать охватило более всего пехотные части. Кавалерия тоже затронута, но не так, как

пехота. Тверда вполне осталась вся артиллерия. Ей пехота иногда грозит, если артиллеристы начинают стрелять по солдатам, выходящим для братания.

14 мая.

Виделся с Александром Ивановичем Гучковым и сегодня обедал у него. Он просил откровенно высказать мое мнение прежде всего по войску. Ответил в общем: вы в Петрограде и затем во всей России произвели революцию с целью обеспечить победу. Разложив армию, вы пока сделали обратное: обратили армию в значительной ее части в толпу вооруженных людей, для победы против немцев мало способную. Для победы надо, чтобы начальник командовал, а не просил. Для победы надо, чтобы солдат (независимо любви и уважения) б о я л с я офицера, а теперь офицер б о и т с я солдата, подделывается к нему, просит его исполнить солдатский долг. Первым этапом к разложению армии был приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петроградского округа. Вторым — привлечение армии к политической жизни; третьим — образование разных комитетов с митинговым характером. На этих комитетах, как бы улицею, решались вопросы и о начальствующих лицах. Четвертым — неотдавание чести офицерам. Отсюда пошло и высаживание офицеров в вагонах с занимаемых ими мест, пускание им дыма в лицо, хождение по улице в растерзанном виде, наполнение трамваев, сидение, когда раненые офицеры стоят, и пр. Пятым — проповедь о братании на фронте. Шестым — мир без аннексий и контрибуций и пр. [1]), 7-е — отменою и для военного времени смертной казни. Гучков признал правильность диагноза и разрушительную силу этих распоряжений. Он сказал, что телеграф был в руках Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Все посылаемые им депеши цензурovались. По мнению Гучкова, Россия идет к катастрофе одновременно четырьмя путями: 1) развалом армии; 2) банкротством, — мы живем печатанием бумажек. Предполагаемые нам ссуды Америкою приостановлены. Подвижной состав Америкою дан не будет; 3) голодовкою (расстройство транспорта при имеющихся еще запасах); 4) безначалием и смутою внутри. Гучков не видит просвета. По его словам, министерство, в котором он служил, — «слякоть». Один еще был работник — Милюков. Керенский, по его словам, ничего не достигнет. Взятая им на себя задача совершенно не по его силам. Я утешал Гучкова, что не все еще потеряно, что в армии не все роды оружия расстроены, артиллерия тверда, конница тоже. В пехоте есть очень твердые корпуса и дивизии и полки. В солдатской среде главная масса темна, невежественна, непатриотична, с преобладанием звериных инстинктов, если их разбудят, но при дисциплине склонны, по своим прирожденным славянину и татарину качествам, к геройским

[1]) Я прибавил, что «декларация прав» ухудшает положение. Что, кроме того, обсуждается вопрос, чтобы нижние чины и награждали офицеров (солдатскими георгиями). *(Прим. А. Н. Куропаткина).*

делам. Они же при ином руководстве способны залить Россию кровью. Левый фланг этой массы — преступники, на все готовые. Они очень опасны. Меньшинство солдат — сознательные. На них вся надежда. Они при содействии офицеров могут дать победу, закрепив хотя отчасти дисциплину. Но и от этой группы сознательных солдат надо отделить тоже на фланг сознательных — «ленинцев», вообще большевиков разных оттенков, а также анархистов и провокаторов. Они тоже опасны и даже опаснее, чем группа порочных.

Вид Гучкова мрачный, недовольный. Но при всем его пессимизме он сообщил мне, что поступления в городские, земские и казенные суммы, почти прекратившиеся в марте и первой половине апреля, начали ныне поступать успешнее.

15 мая.

Сейчас сидел у меня отст. полковник Джурабек, сын правителя городов Шара и Китоба храброго Джурабека. Мы в 1871 году взяли Шар и Китоб, отдали их бухарскому эмиру, а двух правителей, Джурабека и Баба-бека, поселили в Ташкенте, дав русские чины и пенсии. Теперь посетивший меня сын его — один из крупнейших землевладельцев Ташкента. Хорошо говорит по-русски. Хитрый, но недалекий и коварный. Туземцы не любят его, но ввиду его богатства и поддержки, оказываемой ему бывшими генерал-губернаторами (у Самсонова он был в доме свой человек, раньше был адъютантом при генерал-губернаторе), Джурабек пользуется влиянием и попадает во все депутации для выражения чувств туземного населения.

Джурабек рассказал мне, что в Ташкенте обострился земельный вопрос, что русские крестьяне стали захватывать земли многоземельных туземцев, что от мусульман была послана в Петроград кн. Львову большая депеша с просьбой: а) прекратить самовольство крестьян, б) прекратить переселение русских крестьян, ибо свободных земель в Туркестане нет, в) расформировать переселенческое управление. Там указывалось, что следовало бы русским даже вернуть занятые ими земли, но они на этом не настаивают.

До 40 представителей Туркестана принимали участие на мусульманском съезде в Москве, где собралось до 800 представителей мусульман со всей России. Съезд происходил в большом порядке. Голосовали за будущую форму устройства России. Татары и мусульмане Евр. России высказались за демократическую республику, но представители Кавказа, Туркестана и Сибири за ф е д е р а т и в н у ю республику. По словам Джурабека, за федеративную республику подано 445 голосов. Равно большинством голосов было решено открыть женщину и установить отказ от многоженства. Шариат не упразднен. Джурабек сказал, что ни открыть женщину, ни перейти к одной жене Туркестан не согласится. Заседали в доме, устроенном богатым бакинским мусульманином, забыл его фамилию.

Джурабек и один из сартов Туркестана участвовали и как члены крестьянского съезда. Съезд ему не понравился. Нет порядка. Много солдат; много говорили лишнего. Раздел земель мусульманам не понравился. Социализация земли тоже им непонятна и несимпатична. Они сторонники частной собственности. Идеи коммунизма и анархизма мусульманам противны.

Относительно Ташкента Джурабек высказал, что там больше порядка, чем в Петрограде, солдаты более дисциплинированы, но ждут голода: цена пуда пшеницы дошла до 40 рублей.

Говорил мне о желании мусульманского населения моего возвращения в Туркестан.

Забыл прибавить, что на мусульманском съезде большой раскол произошел по вопросу о равноправии наследования детей мусульманского женского пола.

Вчера наш резидент в Бухаре Алекс. Яковл. Миллер подробно рассказывал мне о беспорядках в Бухаре, вызвавших его отъезд в Петроград. По его словам, дело в Бухаре по установлении нового строя свободной России шло очень хорошо. Манифест эмира о реформах был обнародован. Он, Миллер, дружно работал с Исполн. Комитетом Новой-Бухары. Просился переехать в Старую Бухару для наблюдения за реформами. Жаловался, что в Петрограде три недели задержали ответ на его депешу о манифесте (Клемм говорил, что Милюков внес этот вопрос на рассмотрение Совета Министров). Керенский, которого считали знатоком азиатских дел, высказался за расширение рамок манифеста, указывал на необходимость уничтожения рабства. Клемму пришлось поправить указанием, что рабство в Бухаре давно уничтожено. Младо-бухарская партия в Бухаре, по словам Миллера, ничтожная: 15—30 человек. Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младобухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер. Забили тревогу, вызвали войска из Самарканда и Каттокургана. С ними приехал анархист Чертов и еще несколько большевиков. Чуть дело не дошло до драки. Бухарский комитет стоял за Миллера. Приезжие требовали его смены. Приехавший из Ташкента Рождественский и Давлетшин ничего в действиях Миллера неправильного не нашли, но все же «для успокоения населения» предложили ему отправиться в Петроград. Эмир держит себя пассивно, но сделает то, что ему прикажут. Просился на Кавказ или Ялту лечиться, но Миллер ему отсоветовал. Переехал в Кермине. Там спокойнее. Кушбек и раис сменены [1]).

Окончил чтением труд А. Спиридовича: «Революционное движение в России», выпуск I, Российская Социал-Демократическая партия, изд. 1914 г. Очень поучительная книга. Поражает упорство, энергия, самоотвержение деятелей этой партии. Отлично

[1]) Об этих событиях подробнее говорится в печатаемых ниже материалах о Бухаре в 1917 г. *(Прим. ред.)*

обрисована эволюция в планах партии: отказ от хождения в народ, перенос деятельности в города, фабрики для подготовки фабрично-заводских рабочих к активной деятельности. Отказ от землепашцев. Следующим этапом было перенесение пропаганды в войска по отношению к нижним чинам. К сожалению, не было пройдено последнего этапа: образование революционного офицерства. Пройдя и этот этап, революция могла бы пройти сверху, что для России, где массы совершенно темны, было бы соответственнее. Тогда и армия не разложилась бы, дисциплина не ослабла бы, и мы были бы вполне обеспечены победою над врагами внешними, и не существовало бы опасений за анархию внутри страны. Теперь мы на рубеже: пойдет ли назад «солдатская деспотия» или пойдет еще вперед. В первом случае обеспечение победы, в последнем — поражение, презрение союзников и врагов, анархия и, быть может, вооруженное вмешательство других держав. Пошли боже сил Керенскому помочь этому отступлению солдатской деспотии [1]).

---

[1]) Далее несколько страниц дневника занято конспективным изложением книги Спиридовича.

Бухара в 1917 году.

Публикуемые ниже документы [1]) относятся к начальному периоду революционного движения в Бухаре — вассальном государстве царской России в Средней Азии. Они не дают исчерпывающей картины событий и освещают, главным образом, взаимоотношения бывших царских «резидентов» при дворе эмира бухарского — господ Миллера, Введенского, Чиркина, Шульги и др. с самим эмиром и представителями местной либеральной буржуазии («младо-бухарцами» — «джедидами»), Временным Правительством России в 1917 г. и местными Советами Рабочих и Солдатских Депутатов.

Документы дают общую характеристику взаимоотношений различных политических течений в Бухаре в первой половине 1917 г. — до Октября — и, в общем, довольно ярко иллюстрируют систему феодального строя в этом государстве в его столкновении с русской буржуазной революцией.

Особенно четко в документах выявлена роль царских резидентов, которые либеральными фразами прикрывали свою реакционную сущность, будучи на самом деле сторонниками сохранения феодального режима эмира в его более или менее полной неприкосновенности.

Точно также материалы сообщают любопытные данные для характеристики национальной политики Временного Правительства, являясь вообще весьма ценным источником для истории революционного движения в Бухаре, которое лишь недавно стало объектом серьезного научного исследования (см. работу тов. Файзуллы Ходжаева «О младо-бухарцах» в «Историке-Марксисте» т. I, 1926 г. и его же книгу «К истории революции в Бухаре». Узбек. Гиз, Ташкент, 1926 г.).

Освещаемые документами вопросы заслуживают самого серьезного внимания, так как в наши дни колониальных революций события в Бухаре могут дать весьма поучительные выводы о политической линии борющихся классовых сил в революциях в отсталых государственных образованиях в роде Бухары.

А. Шестаков.

---

[1]) Подлинники печатаемых документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики — фонд бывш. министерства иностранных дел, «Секретный Архив», 1917 г папка № 1753: «Бухара. Телеграммы политических агентов и резидентов». Документы печатаются по новой орфографии; формулировка заголовков принадлежит подлиннику; неясности и пропуски в тексте оговорены в подстрочных примечаниях.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати И. И. Тоболин. *Ред.*

1. Телеграмма политического агента в Бухаре.

9 марта 1917 г., № 3503.

Срочная.

Сегодня торжественно принял представителя бухарского правительства Ходжа Низам-уд-Дина диванбеги, вручившего мне, по приказанию его высочества эмира, ответную ноту, с просьбой представить Временному Правительству могущественной России заверения в искренней и непоколебимой дружбе и уверенность, что Бухара попрежнему будет находиться под высоким покровительством России, которое все бухарское население считает величайшим для себя благом, давшим ему мир, спокойствие и безопасность от врагов. Бухарское правительство, торжественно подтверждая ненарушимость заключенного с Россией договора, молит бога о даровании своей высокой покровительнице победы над врагом и всепреданнейше желает процветания и развития великой России на благо и пользу покровительствуемого ею Бухарского ханства.

Подробности почтой.

Копия туркестанскому генерал-губернатору. *Миллер.*

2. Телеграмма генерал-губернатора в Туркестане.

10 марта 1917 г.

Его высочество эмир бухарский телеграфирует мне:

Приняв сегодня, по случаю наступления весны и мусульманского нового года, политического агента со всем штатом, приношу вашему высокопревосходительству мои искренние поздравления с наступлением также весны в жизни России и от души радуюсь тому спокойствию, с коим совершилось это важное событие. Преисполненный, как всегда, желанием блага и счастья России и ее народу, покорнейше прошу вас довести до сведения Временного Правительства о таковых моих чувствах и пожелать от моего имени прежде всего окончательной победы России в борьбе с коварным врагом и полного успеха в делах на благо и счастье великой России и покровительствуемой ею Бухары.

Куропаткин.

3. Телеграмма эмира бухарского министру иностранных дел.

10 марта 1917 г.

Прошу вас, господин министр, принять мою глубокую благодарность за любезное поздравление по случаю наступления нашего нового года. Со своей стороны прошу вас от моего имени и от имени моего народа твердо верить в незыблемость тесных уз дружбы, связывающих Бухару с Россией, и непоколебимо верю в блестящую бу-

дущность Российской державы, яркий свет прогресса коей озарит и покровительствуемую ею Бухару. Я приказал в сегодняшний великий день, 10 марта, совершить моления в мечетях Бухары о даровании победы русскому оружию и о ниспослании господом богом полного счастья России при новом демократическом правительстве, обеспечивающем полное свободное развитие всем национальностям и народам.

Сеид-Алим, эмир бухарский.

4. Телеграмма российского резидента [1]) в Бухаре на имя министра иностранных дел.

17 марта 1917 г., № 3939.

Реформы в Бухаре — назревший вопрос, требующий своего разрешения в полном соответствии с видами нашего правительства. Для планомерного, без ущерба нашим политическим и экономическим интересам в стране, проведения этих реформ в жизнь необходимо, чтобы они не противоречили шариату и религиозным воззрениям массы туземного мусульманского населения, — чтобы они не нарушали автономии Бухары и чтобы осуществление реформ производилось всецело под нашим непосредственным контролем и руководством. Доложенные условия устранят вредное для нас иноземное влияние на бухарцев и обеспечат мирное проведение реформ в Бухарском ханстве. Главнейшие реформы суть: облегчение и равномерное распределение податей и повинностей, установление бюджета, контроль, в особенности над местными губернаторами-беками, цивильный лист эмира, городское самоуправление столицы и, где возможно, в других городах ханства, улучшение образования, устройство больших просветительных учреждений, увеличение наших почтово-телеграфных контор и наших культурных предприятий и развитие дорог. Немало в этом направлении уже сделано, но многое еще остается сделать в целях планомерного и настойчивого проведения реформ, требующего постоянного общения с бухарским правительством и представителями населения. В целях предупреждения каких-либо нежелательных для этого дела недоразумений и инцидентов, полагал бы целесообразным временно перенести пребывание политического агентства из Новой Бухары в Старую Бухару. Продовольственный комитет со своим представителем Введенским останется в Новой Бухаре. Испрашиваю указаний.

Копия туркестанскому генерал-губернатору. *Миллер.*

---

[1]) В телеграмме политического агента в Бухаре от 13 марта 1917 г. говорится: «Принимая во внимание неверное толкование массой русского населения титула: «политический агент» и вызываемое этим недоверие ....не будет ли признано возможным заменить «политический агент» титулом «российский резидент в Бухаре». *(Прим. ред.)*.

5. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

18 марта 1917 г., № 128.

Телеграмма за № 1176 получена.

Еще до получения этой телеграммы послал министру и генерал-губернатору телеграмму за № 3939 о реформах. Эмир готов во всем следовать в этом вопросе нашим указаниям. Я уже сказал ему, что почин должен исходить от него, с чем он вполне согласился. Он уменьшает наказание уголовным преступникам, а прочим дает амнистию. Приняты меры к устройству типографии и изданию русской и бухарской газет. Приступаем к устройству самоуправления в Старой Бухаре. Обсуждаем уже доложенные мною основные реформы. Сегодня вечером в Арке, в присутствии эмира и кушбеги, состоится совещание о реформах со мною и Шульгой. Среди бухарских евреев, передовых купцов и шиитов существует течение окончательного присоединения Бухары к России. Пока здесь все спокойно.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

6. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

20 марта 1917 г., № 129.

С р о ч н а я.

Прошу доложить министру.

Вчера вечером обсуждал вопрос о широких реформах с кушбеги, который считает необходимым ввести самоуправление в городе Старой Бухаре на выборных началах, точно установить размеры содержания чиновничества, с организацией правильного контроля, провести выборное начало в судебных установлениях, заняться устройством школ, возможно быстрым насаждением общего образования. Текст манифеста эмира к народу вырабатывается. Кушбеги настоятельно подчеркнул необходимость проведения реформ, основанных на строгих основах шариата, так как малейшее отклонение от таковых повлечет неизбежность категорического протеста многочисленных мулл и неизбежно будет истолковано, как наше враждебное исламу вмешательство и повлечет за собой волнение. Со своей стороны позволю настоятельно подчеркнуть разумность и ценность для наших интересов этой точки зрения, ибо обострение бухарского вопроса в данный момент и наше активное вмешательство вплоть до присоединения Бухары незамедлительно и несомненно вызовет выступление Афганистана, твердо занявшего позицию защитника ислама против неверных, и в виду крайней косности и фанатизма местного населения превратит нас в глазах почти всего населения во врагов ислама. Во всяком случае, считаю крайне опасным присоединение ныне же Бухары и полагаю, что благожелательность к нам эмира и кушбеги служит

гарантией возможности проведения при осторожности и уважении к шариату самых широких реформ в ханстве, масса населения коего по своему духу и обычаям во многом чрезвычайно демократична.

Копия в Ташкент.

Миллер.

7. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

20 марта 1917 г., № 132.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 131.

Текст проекта манифеста эмира к народу:

№ 1. «Во имя бога милостивого и милосердного. В непрестанных заботах наших о благе и счастье всех верноподданных наших решили мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления и к искоренению злоупотреблений и неправильностей оного на выборных началах согласно желанию народа. Напоминая всем верноподданным нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний, полезных для бухарского народа. Прежде всего нами будут положены незыблемые основания справедливого отправления правосудия и взимания караджа, зякота и других налогов и обращено серьезное внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли, в особенности с могущественной Россией. Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль, будет определено содержание с воспрещением каких-либо вознаграждений за служебные действия. Нами будут затем приняты все меры к развитию и поощрению в стране полезных наук и знаний в точном согласии с повелениями шариата. В заботах о здравии и благоденствии подданных наших, проживающих в столице нашей, решили мы предоставить населению избрать совет достойных, уважаемых народом людей, каковые и озаботятся оздоровлением и благоустройством столицы ханства. Считаем также отныне необходимым учредить государственное казначейство и установить бюджет нашего ханства с точным исчислением приходов и расходов на государственные надобности. Полагая, что все верноподданные наши должны быть точно и своевременно осведомляемы о всех начинаниях и распоряжениях наших на благо и счастье бухарского государства, приказали мы устроить в столице нашей Бухаре типографию, первой задачей коей будет издание особых, по мере надобностей, известий, для общественного пользования и для приобретения бухарцами полезных сведений. В ознаменование торжественного сего события, в тесном единении с великой покровительницей нашей Россией, повелеваем ныне отпустить на свободу, с согласия и одобрения народа, заключенных в тюрьмах».

Миллер.

8. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

22 марта 1917 г., № 135.

Прошу доложить министру.

Под влиянием слухов о предстоящих реформах, в Бухаре замечается некоторое брожение среди весьма многочисленных мулл, усматривающих причину предстоящих реформ в интригах шиитов и в происках весьма ничтожного по числу кружка местных либералов. В виду сего спешно просим кушбеги незамедлительно лично и через кази-каляна разъяснить выдающимся муллам, что непреклонное решение произвести реформы исходит от самого бухарского правительства и будет выполнено на точном основании шариата. Считаю долгом вновь упомянуть крайнюю необходимость в обращениях бухарского правительства к народу неизменно указывать на шариат, как на главное основание всех будущих реформ; малейшее уклонение от сего повлечет тотчас же самое враждебное отношение в широких невежественных массах, могущих усмотреть в реформах покушение неверных на изменение основ шариата. На первых порах, при разработке проекта о реформах комиссиями, считал бы необходимым совершенно удержать комиссии от обсуждения каких бы то ни было вопросов, затрагивающих интересы мулл, и лишь приступить к таковым вопросам впоследствии, после возникновения в городе крепкой власти на выборных началах. Насколько удалось выяснить, это мое мнение совершенно совпадает с убеждением либерального купечества и других сторонников реформ. У последних состоялись собрания, на коих решено было послать телеграмму депутату Тевкелеву с указанием на необходимость помощи угнетенному бухарскому народу со стороны свободной России. По одобрении министром переданного телеграммой за № 132 проекта манифеста и по объявлении его народу, — сочту необходимым выехать в Старую Бухару для непосредственного направления хода работ и, главным образом, для урегулирования всех могущих возникнуть столкновений — на почве крайнего фанатизма.

Миллер.

9. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя советника третьяго политического отдела.

24 марта 1917 г., № 137.

Прошу срочно доложить министру.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 131.

Вчера говорил с представителями местных либералов и посетил кази-каляна и кушбеги. Последний вполне искренно и убежденно идет навстречу всем наших реформам, при чем выразил готовность немедленно ассигновать нужные для начала реформ средства. По моему предложению, кази-калян и бухарский реис будут заменены

завтра известными сторонниками реформ гиджуванским и чарджуйским казиями Мухаммед-Шерифом и Абд-ус-Самад-Ходжей, пользующимися большим авторитетом и широкой популярностью. Мои объяснения касательно плана реформ вполне удовлетворили вышеупомянутых делегатов, обещавших мне не затрагивать [sic!] в интересах дела шариата и всецело следовать нашим указаниям. Ежедневно по-очереди ездим с Шульгой в Старую Бухару.

Лично убедился в нетерпеливом ожидании населением и чиновничеством во главе с кушбеги и эмиром скорейшего официального возвещения эмиром реформ. Со своей стороны считаю возможным скорейшее опубликование манифеста крайне желательным, во избежание каких-либо недоразумений и прискорбных инцидентов.

Копия в Ташкент.

Миллер.

10. Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора на имя министра иностр. дел.

24 марта 1917 г., № 360.

Создание нового строя свободной России неизбежно должно отразиться на Бухаре и повлечь за собою изменение существующего в ханстве деспотического образа правления, применительно к основаниям, принятым ныне во всей России, но с изменениями, необходимыми по местным условиям. Переход к новому порядку может быть совершен или с присоединением Бухары к России или без такового. Полагаю, что предпочтительнее — второй способ, и первоначально Бухара должна составить подчиненный России автономный район, управляемый эмиром, определение же окончательной формы правления в ханстве следует отложить и решить этот вопрос в зависимости от установления той или другой формы правления в России по постановлению Учредительного Собрания. Пока же для подготовки ко введению нового строя необходимо временно установить права резидента по наблюдению за действиями бухарских властей и направлению таковых на демократических началах. В этом отношении мне кажется полезным применение к Бухаре того порядка, с нужными изменениями, который проектирован мною для военного комиссарства в Хиве. Означенный проект и мое соглашение с ханом хивинским сообщены бывшему министру иностранных дел 16 февраля 1917 г. № 2955. Однако в решении всех вопросов, касающихся введения начал нового строя в Бухаре, надлежит, по моему мнению, руководствоваться чрезвычайной осторожностью, считаясь с особенностями шариата и векового быта ханства, дабы, вместо довольства населения присоединением его к дарованным всей России свободам, не вызвать недовольства и даже возмущения. Создав в туземцах Бухары враждебное к России отношение, можно опасаться вмешательства Афганистана в защиту ислама. Волнение же в Бухаре, особенно в связи с выступлением Афганистана, неизбежно отразится и на туземном населении сосед-

них русских областей, и особенно в Самаркандской. В предупреждение сего желательно, чтобы первые шаги приобщения Бухары к новой жизни исходили от самого бухарского правительства, а не снизу, так как революционное движение против эмира может принять характер выступления против России и породить смуту не только в Бухаре, но и в крае, последствия которой даже трудно предусмотреть. Подобные же соображения высказывает резидент, прося меня передать вам следующую телеграмму.

Продолжение следует. *Куропаткин.*

11. Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора на имя министра иностр. дел.

24 марта 1917 г., № 362.

Продолжение моей телеграммы за № 360.

Телеграмма резидента в Бухаре за № 129.

Прошу доложить министру [1]).

Со своей стороны, считая непосильным для эмира и кушбеги справиться с делом обновления Бухары, полагал бы необходимым значительно расширить, по соглашению с эмиром, ныне существующую контрольную и направляющую роль резидента.

Копия почтой Миллеру. *Куропаткин.*

12. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

25 марта 1917 г., № 140.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 138.

Сегодня посетил эмира и кушбеги. Его величество [2]) выразил живейшую радость по поводу полученной им от генерал-губернатора телеграммы с приветствием военного министра. Эмир объявил мне о состоявшейся замене кази-каляна и реиса убедительными [sic!] сторонниками реформ, упомянутыми в моей предыдущей телеграмме. На-днях каршинский бек будет заменен старшим сыном диван-беги Нуретуллой. Все распоряжения эмира вызвали полное удовлетворение в широких кругах населения, усматривающего в быстро принятых мерах твердое решение эмира провести реформы.

Свидетельствую о в высшей степени энергичном и горячем содействии испытанного друга России кушбеги, искренно идущего навстречу всем предначертаниям Временного Правительства.

Народ спокойно ожидает появления манифеста эмира здесь.

Копия Чиркину.

Миллер.

---

[1]) Далее следует текст телеграммы Миллера, напечатанной выше под № 6.

[2]) Ошибка; следует: высочество.

13. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

25 марта 1917 г., № 138.

Прошу спешно доложить министру.

В целях планомерности и практического, под нашим непосредственным контролем и руководством, проведения реформ в ханстве, считал бы желательными следующие мероприятия:

Учредить пока в Новой Бухаре следующие 7 отделов: земледелия в составе уже существующих на бухарские деньги оросительной, агрономической, лесной и ветеринарной организаций; отдел финансов; отдел торговли и промышленности, просвещения, почт и телеграфов; общественных работ и здравоохранения. Начальники и члены этих отделов составят под председательством российского резидента совет, рассматривающий и вырабатывающий все мероприятия в ханстве, утверждаемые затем по соглашению резидента с бухарским правительством. Сказанные отделы войдут в соприкосновение с туземными комиссиями, упомянутыми в моей телеграмме за № 131 и постепенно заменят таковые. Для реального осуществления реформ в бекствах и тюменях необходимо ныне же пригласить в качестве управляющих туземными канцеляриями при беках 34 татар учителей или чиновников. Они будут под начальством окружных инспекторов, живущих в центральных пунктах ханства. Окружные инспектора непосредственно подчинены резиденту. Кроме того, в бекствах будут жить и чины вышеупомянутых отделов для проведения на месте разных мероприятий. Вызываемый этой организацией расход представлялось бы справедливым, в интересах нашего престижа желательным, как то предполагалось при таможенном объединении ханств, отнести на доходы наших таможен в бухарском ханстве, давших за два последних года по два миллиона в год. В противном случае расход этот придется отнести на средства бухарского правительства, уже выразившего мне согласие немедленно ассигновать потребную на это сумму. В случае одобрения этих предположений, полагал бы немедленно по получении указаний командировать специальное лицо для найма подходящих правителей туземных канцелярий и подыскать 6 инспекторов на хорошее жалованье.

Копия сообщается, ради скорости, почтой Чиркину для доклада генерал-губернатору. Телеграф работает неровно.

Испрашиваю указаний. *Миллер.*

14. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

26 марта 1917 г., № 141.

Телеграмма за № 1250 получена.

Телеграммы подписаны двумя местными либералами — Абд-ур-Реуфом Фитратом, по профессии учителем и журналистом, и Муса Юлдашевым, кассиром бухарского товарищества «Берекет». С ними

и целым рядом их товарищей, сторонников реформ, познакомился во время моих поездок в Бухару. Все они, убедившись в непреклонном намерении эмира провести, с нашего одобрения, намеченные реформы, выразили полную готовность всецело следовать моим указаниям, избегая всего, что могло бы навлечь на них обвинение в нарушении шариата. Они прекрасно понимают, что реформы должны осуществляться в полном соответствии с шариатом, иначе ничего, кроме смуты, не выйдет. Они просили меня доложить эмиру и кушбеги чувства их радости и благодарности за намеченные реформы и за замену реакционного кази-каляна убежденным сторонником реформ и высоко авторитетным гиджуванским казием Мухаммед-Шерифом. Бухарский реис назначен казием в Чарджуй. Чарджуйский казий, известный либерал и популярный ученый Абд-ус-Самад Ходжа назначен бухарским реисом. Нынешний Муфти-Аскер назначается казием в Гиждуван, а на освободившуюся должность Муфти-Аскера подыскивается лицо, соответствующее требованиям обстоятельств. В скором времени начнется соответствующая смена беков. Счастлив донести, что последние распоряжения эмира произвели наилучшее для нас и дела реформ действие среди народа, с нетерпением ожидающего объявления акта о реформах. Пока все спокойно.

Копия туркестанскому генерал-губернатору.

Миллер.

15. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

26 марта 1917 г., № 142.

Телеграфирую генерал-губернатору.

Во исполнение предписания вашего, мною уже приняты и принимаются все меры предосторожности, дабы не вызвать враждебного отношения к делу реформ и к нам ни реакционных слоев бухарского населения, ни взаимной вражды шиитов и суннитов.

Миллер.

16. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре [1]).

30 марта 1917 г., № 151.

С р о ч н а я.

Ссылаюсь на мои телеграммы за №№ 131 и 132.

Ходатайствую немедленно доложить министру.

Неполучение до сего времени каких-либо указаний касательно манифеста эмира, одобренного генерал-губернатором, создает здесь тяжелое, опасное по своим последствиям для наших интересов в хан-

---

[1]) На телеграмме помета: «В телеграмме пропуск 26 групп. Исправление последует».

стве положение. Население нетерпеливо ожидает возвещения эмиром обещанных реформ, волнуется вследствие всевозможных слухов, распространяемых реакционерами и сторонниками реформ. Крайняя группа последних вошла даже в сношения с самаркандскими мусульманами касательно попытки вырвать у эмира уже одобренный министром почин реформ и самим предъявить бухарскому правительству ряд требований. В случае... выборными лицами образовать из Бухары и Самарканда область и, если не самостоятельное, то автономное здесь участие в его управлении русских.

Происходят оживленные сношения с Афганистаном. Усилились слухи о готовящемся избиении и изгнании русских. Вооруженной силы для защиты наших граждан, в случае восстания мусульман, у меня нет. Рассчитывать на таковую извне нельзя. Поэтому, в виду одобрения министром программы реформ и условий их проведения в ханстве в жизнь и неимения со стороны генерал-губернатора каких-либо возражений против манифеста, считаю, в силу создавшегося положения вещей, необходимым немедленно же обнародовать таковой, дабы внести успокоение и избегнуть катастрофы. Все могущие быть изменения манифеста можно будет объявить дополнительными актами. Настоятельно испрашиваю срочных указаний.

Копия генерал-губернатору. *Миллер.*

17. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

30 марта 1917 г., № 4476.

Телеграфирую в Ташкент.

Применение в Бухаре проектированного для Хивы военного комиссарства представляется совершенно невозможным прежде всего в виду несомненного наличия либеральной организованной группы, коей необходимо дать возможность высказать свои взгляды на ближайшие задачи, лежащие на бухарском правительстве, и дать возможность найти компромисс под ближайшим руководством резидентства с консервативной партией. Всякая попытка наша непосредственно взять в свои руки реформы, не обратив внимания на растущее самосознание масс, несомненно вызовет недовольство тех или иных групп населения именно против нас. Что касается штата резидентства, то, принимая во внимание неизмеримо бо́льшее по сравнению с Хивою развитие всех отраслей государственной жизни бухарского ханства, проектируемый штат с отдельными по разным отраслям советниками должен быть несравненно более широким, чем в Хиве, и точно сообразован с совершенно особыми местными условиями.

Миллер.

18. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

31 марта 1917 г., № 154.

Срочная.

Телеграмма за № 1405 получена.

Нечто в роде меджелиса представит из себя бухарский муниципалитет. Дальше итти положительно опасно и невозможно, так как большинство меджелиса будет состоять из фанатиков-реакционеров, среди коих несколько десятков сторонников реформ совершенно пропадают. Невежественная и фанатичная масса населения, конечно, последует за своими муллами, чиновниками и землевладельцами, которые почти все противники реформ и подчинятся проведению их лишь по приказу эмира. Поэтому создание меджелиса и предоставление самоопределения местным элементам, большинство коих, повторяю, противники реформ, привед[ет к] анархии и свержению эмира, как вероотступника, и к анти-русскому движению на панисламской почве; поэтому: первое, т.-е. создание нечто в роде меджелиса или Учредительного Собрания представляется совершенно недопустимым в виду доложенных опасных последствий, указанных в моей телеграмме за № 151. По местным условиям туземных комиссий вполне достаточно. Им же поручена выработка основных законов. Одним туземным комиссиям, состоящим из занятых своим делом лиц, со своей задачей не справиться и им необходимы наши советники, о чем бухарцы всех классов, особенно прогрессивно-демократические элементы, меня настоятельно просили... [1]). Кроме того, первоначального пыла у туземных комиссий хватит ненадолго. Работа же предстоит огромная и серьезная, для долгого выполнения коей мною предложена в отзыве за № 138 организация по примеру Туниса, Алжира, Марокко и Египта. Агрономическая, лесная, ирригационная, строительно-дорожная и ветеринарная организации уже существуют на бухарские средства. Следует добавить еще финансовую, торгово-промышленную, санитарную, просвещения, почт и телеграфов и контрольную. Во главе каждой стоят советники, которые образуют совет под председательством резидента: без наших людей на местах все возвещенные реформы останутся мертвой буквой. Все бухарцы, особенно прогрессивно-демократический элемент, это прекрасно сознают, и сами этого требуют, понимая, что без нашего содействия реформы не будут осуществлены. Подходящие для этого люди, в виду хорошего жалованья, найдутся. Все наши организации никоим образом не идут вразрез с туземными комиссиями, а наоборот, явятся опорой, советниками и инструкторами последних, под общим руководством резидента. Ему же одному без помощи специалистов на месте с огромной задачей переустройства Бухары на новых началах не справиться. Срок туземных комиссий — 6 месяцев. Обращение в Ташкент по отдельным специальным вопро-

[1]) Пропуск в подлиннике.

сам совершенно противоречит в общем направлению общественных организаций, стремящихся во всех областях создать в настоящее время независимые от Ташкента полномочия. Практически, при создавшихся условиях, по несомненно широком развитии реформаторской работы во всех отраслях управления, обращения в Ташкент совершенно невозможны и лишь послужат к созданию непреодолимого и ныне мало компетентного тормоза и бесполезной волокиты. Против добавления к пункту о разрешении открытия типографии и... [1]), с моей стороны возражений не встречается.

Ссылаясь на мой № 151, вновь настоятельно ходатайствую о скорейшем обнародовании манифеста эмира с поправками и дополнениями, кои Временное Правительство сочтет нужным сделать. Позволяю себе вновь доложить о необходимости упомянуть в манифесте о соблюдении шариата и... [2]) с ним реформ.

Испрашиваю спешных указаний. *Миллер.*

19. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

5 апреля 1917 г., № 156.

Срочная.

Прошу повторить телеграмму за № 1473.

Можно или нельзя немедленно обнародовать манифест эмира? Если можно, то с какими добавлениями или же в моей редакции без изменения? Замедление этого дела уже начало создавать серьезные затруднения.

Прошу срочных указаний хотя бы открытой телеграммой.

Миллер.

20. Телеграмма эмира бухарского 1) министру-председателю князю Львову и 3) министру иностр. дел Милюкову.

8 апреля 1917 г.

Сегодня мною особым манифестом в Старой Бухаре возвещено народу о твердом решении моем произвести коренные реформы всех частей правления ханством, в согласии с вековыми верованиями и обычаями Бухары, с неуклонным постепенным развитием в стране начал самоуправления. Счастлив сообщить Временному Правительству об искренней радости и ликовании моего народа, заботам о благе коего посвящаю все мои силы. Непрестанно руководствуясь мыслью о тесном единении ханства с великой покровительницей Россией, молю бога о даровании всем членам Временного Правительства сил, здоровья и полного успеха на благо великой России и покровительствуемой ею Бухары.

Сеид-Алим, эмир бухарский.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Тоже.

21. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

9 апреля 1917 г., № 4617.

Несмотря на мое категорическое запрещение каких-либо манифестаций в Старой Бухаре, таковая была устроена 8 апреля утром и вызвала восстание городского и пригородного населения. Сторонники реформ реис и кази-калян избиты и заменены реакционными. При виде огромной толпы, предводимой фанатичными муллами, манифестанты разбежались. С утра до половины седьмого вечера я был в Старой Бухаре в Арке, помогая кушбеги в его переговорах с исступленной толпой, требовавшей казни сторонников реформ — вероотступников, в чем было отказано. Манифестанты разбежались. Убитых нет. Один из манифестантов сильно избит, так как при нем нашли револьвер. По соглашению с Исполнительным Комитетом, вызвал из Самарканда роту. Она уже прибыла. В виду начавшихся утром 9 апреля беспорядков, по соглашению с Исполнительным Комитетом, вызвал для охраны наших граждан пехотный полк с пулеметами и предъявил бухарскому правительству ноту с требованием немедленного прекращения беспорядков и с возложением на это правительство ответственности за все последствия беспорядков как в отношении русских граждан, так и бухарско-подданных — сторонников реформ.

Выехал вместе с Шульгой в Старую Бухару.

Миллер.

22. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

10 апреля 1917 г., № 160.

Срочная.

Несмотря на полное единение резидентства с ново-бухарским Исполнительным Комитетом и находящимися здесь прибывшей из Самарканда ротой, членами самаркандского Комитета, среди рабочих и младо-мусульман идет основанная на провокационных слухах агитация о замене нас новыми людьми.

Считая несение ответственной работы при таких условиях совершенно непосильным, я и Шульга ходатайствуем об отозвании нас из Бухары.

Испрашиваю срочных указаний. *Миллер, Шульга.*

23. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

10 апреля 1917 г., № 4624.

Срочная.

Телеграфирую в Ташкент, командующему войсками.

Прибытие роты внесло успокоение еще до получения вашей телеграммы. По моему требованию, были освобождены все десять арестованных младо-бухарцев. Вчера же утром нотой возложил на бухар-

ское правительство ответственность за все последствия беспорядков по отношению к русским гражданам и младо-бухарцам. Для поддержания в Старой Бухаре и окрестностях порядка и спокойствия назначен Ходжа Низам-уд-Дин диванбеги, спешно вызванный из Карши. Потребовал удаления из города бывшего кази-каляна и наказания строгим тюремным заключением лиц, нанесших оскорбление недавно назначенному кази-каляну. Вчера все это лично передал эмиру. Сегодня при свидании с ним, совместно с членами самаркандского и ново-бухарского Исполнительных Комитетов, передали эмиру вашу телеграмму.

Миллер.

24. Телеграмма российского резидента в Бухаре министру иностранных дел Милюкову.

10 апреля 1917 г., № 4647.

Сегодня вместе с членами ново-бухарского Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и прибывшими вместе с ротой генералом Колчановым, Вяткиным и членами самаркандского Исполнительного Комитета посетил эмира и кушбеги. До выезда было единогласно постановлено никаких ни демонстраций, ни манифестаций в Бухаре не допускать. Заявление об этом очень обрадовало эмира, подтвердившего свое непреклонное намерение осуществить возвещенные реформы в полном согласии с видами российского правительства, указаниям которого он всегда следует и будет следовать. По просьбе эмира, прочел присутствующим полученную его высочеством телеграмму командующего войсками. Бóльшая часть требований уже исполнена до получения этой телеграммы. Его высочество и я, конечно, несем полную ответственность, но просим избавить... [1]). На обратном пути все лавки и базары, закрытые с утра, вследствие слухов о готовившейся манифестации, были открыты, и народ нас приветствовал. На совещании членов вышеупомянутых Комитетов, член самаркандского Исполнительного Комитета Исахаров признался, что манифестация 8 апреля, вызвавшая столь большое возбуждение всего населения, была устроена по его инициативе и при его воздействии, несмотря на мои категорические советы и усерднейшие просьбы этого не делать. Заявление Исахарова внесено в протокол. Подобные действия безответственных русских граждан лишают его высочество и меня возможности нести в полной мере возложенную за спокойствие в Бухаре ответственность. Усерднейше ходатайствую о недопущении подобного образа действия посторонних лиц. В Бухаре все спокойно.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

25. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

11 апреля 1917 г., № 161.

Телеграмма за № 1563 получена.

Как я уже упомянул в телеграмме министру за № 160, нервность младо-бухарцев усиливается распространяемыми здесь провокационными слухами, а также влияниями русских мусульман, самаркандских и ново-бухарских, считающих настоятельно необходимым предъявление ряда самых категорических требований бухарскому правительству, в уверенности, что невозможность для последнего выполнить таковые приведет к желательному для них нашему вооруженному вмешательству в дела Бухары. На этой почве идет сильная агитация и умеряющая деятельность резидентства, полагающего, по обстоятельствам политического момента, необходимым избежать кровопролития и возможного обращения фанатизма против нас, что, естественно, встречает ряд нападок со стороны младо-бухарцев. Что касается Муса-Юлдашева, это несомненно одна и та же безцветная личность, упомянутая в моей телеграмме за № 141.

26. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностранных дел.

14 апреля 1917 г., № 4707.

Вчерашние и сегодняшние дни в Бухаре прошли совершенно спокойно. Русско-подданный фанатик мулла Камар-ед-Дин, за возбуждение 8 апреля толпы, арестован и высылается в Самарканд. Торжественные похороны одного из трех товарищей, пострадавших 8 апреля, похороны, на которых было все резидентство с конвоем, ново-бухарский Исполнительный Комитет и самаркандские делегаты со взводом, отличались торжественною стройностью и порядком. Все горожане провожали тело павшего за бухарскую свободу бойца.

Миллер.

27. Телеграмма членов самаркандского Комитета при отряде, посланном в Бухару, на имя министра иностр. дел.

14 апреля 1917 г., Старая Бухара.

13 апреля в Новой Бухаре происходили торжественные похороны первой жертвы освободительного движения в Старой Бухаре после объявления эмиром манифеста. Покойный мусульманин Нурулла Гафуров принимал участие в радостной, благодарственной эмиру манифестации по поводу объявления манифеста. Был схвачен сторонниками старого, бесправного режима, муллами, при явном попустительстве кушбеги, избит палками. Избиение производилось публично

бухарскими чиновниками на дворцовой площади. Перед смертью в больнице, в присутствии свидетелей и своего духовного лица мударриса Серхетдина, умирающий оставил следующее завещание:

«Я умираю, счастливый, что наконец-то Бухара получила хоть какую-нибудь свободу. Меня били не как разбойника, а как борца за свободу бухарского народа. Я прощаю всех. Целую руки бивших меня, помогавших этим мне умереть за бухарский народ. Посылаю привет всем моим братьям-мусульманам, солдатам, рабочим, русскому Временному Правительству».

В похоронах принимало также участие и все туземное население.

Сообщаем вам об этом.

Бухарский младо-мусульманский комитет, Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и временный комитет при отряде из Самарканда, подпоручик Андреев, прилагая все меры к проведению реформ, просят вашей моральной поддержки.

Временный адрес: Старая Бухара, Отряд. *Игорь Чертов*. Свидетельствуют и утверждают: *генерал Колчанов, подпоручик Андреев, солдат Рябчуков.*

28. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 168.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 163.

Безразличное, якобы, беспомощное отношение кушбеги к вчерашним событиям ясно доказало недоброжелательное отношение его к реформам. Волнения и агитация мулл им подстроены и инсценированы. Эмир сегодня утром предупредил мое созревшее во время вчерашнего вынужденного пребывания в Арке среди фанатичной толпы решение потребовать смены кушбеги, прислав мне письменный запрос об этом. Я немедленно письменно же сообщил о своем согласии на эту меру. Вчерашние события доказали невозможность быстрого и решительного проведения реформ, как того желают еще находящиеся здесь безответственные самаркандские делегаты. Несколько раз я тщетно ходатайствовал об удалении отсюда их, во избежание кровопролития. Противниками реформ являются, как я уже доносил раньше, все классы бухарского населения. Сторонников реформ младо-бухарцев насчитывается около 200 человек. Следовательно, без наличия значительной силы — до дивизии — быстрое проведение реформ невозможно и может вызвать антирусское движение Бухары, Туркестана и Кавказа, на почве защиты ислама, с весьма возможным вмешательством Афганистана. С точки зрения наших интересов представляется желательным поддерживать спокойствие в Бухаре, для чего 4 рот с казачьей сотней пока достаточно, и не ослаблять нашей армии отвлечением от нее значительных сил. Поэтому, при создавшейся обста-

новке, полагаю необходимым осторожное проведение реформ в ханстве, при непременном условии скорейшего осуществления нашей организации, доложенной в моей телеграмме за № 138. Испрашиваю указаний.

Копия Чиркину для доклада Щепкину. *Миллер.*

29. Телеграмма российского резидента в Бухаре министру иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 4742.

Дополнение к телеграмме моей за № 4707.

Согласно соглашению с бухарским правительством, вчера, 14 апреля, 12 младо-бухарцев, составляющих их комитет, должны были вернуться в Бухару, представиться кушбеги и разъехаться по своим домам. Посетив вновь назначенного реиса и кази-каляна, я вместе с первым секретарем Шульгой прибыл на Старо-Бухарский вокзал, где вместе с Низам-уд-Дин Ходжей диванбеги встретил упомянутый младо-бухарский комитет с крупным купцом Мирза Мухиддином Мансуровым во главе. Все члены младо-бухарского комитета обнялись и поцеловались с диванбеги. В придворных экипажах, в сопровождении казаков конвоя резидентства и бухарских чиновников во главе с диванбеги, прибыли в Арк. Здесь уже собрались 4 члена новобухарского Исполнительного Комитета с прикомандированным к резидентству Введенским во главе. Они приехали согласно моему за 2 дня до этого соглашению с кушбеги, чтобы присутствовать при обращении кушбеги к сановникам, чиновникам и к выборным от мулл мударрисам касательно выполнения манифеста эмира и беспрекословного подчинения воле его высочества. Для бо́льшей убедительности, это сделал сам эмир в присутствии меня, чинов резидентства и 12 младо-бухарцев. Мударрис Ибодулла-Ходжа, перебив речь эмира, стал возбужденно говорить о шариате и исламе. Все присутствовавшие пришли в волнение, и эмир покинул зал при плаче и заверениях их верноподданнических чувств. Мое обращение, что шариат и вера останутся неприкосновенным и реформы будут согласны с ними, несколько успокоили собрание, хотя по адресу находящихся здесь младо-бухарцев раздались крики: «вероотступники проклятые». Один из сановников заявил, что никакого манифеста, ни реформ Бухаре не надо. Все должно остаться по-старому. В Арке появились ученики четырех мударрисов, и образовался митинг, в котором деятельное участие принял Введенский, объяснивший собранию манифест. Многие, этого акта не читавшие, горячо говорили о предстоящей замене ислама и шариата какой-то новой верой. На площади перед Арком появилась толпа. Все усилия диванбеги успокоить толпу, требовавшую казни младо-бухарцев как вероотступников, были тщетны. Введенский, Шульга и я разъяснили муллам отсутствие каких-либо противоречий манифеста шариату. С нами согласились, но затем другие

лица подымали шум о том же. После долгих переговоров Введенскому удалось получить от 4 мударрисов подписку в признании ими манифеста и в непрепятствовании с их стороны расклейке такового. После закрытия в 7 часов вечера ворот Арка толпа не расходилась и на приказ разойтись отвечала бранью и криками: «Не разойдемся, умрем за шариат, казним вероотступников-«джедидов» — младо-бухарцев». Толпа начала ломиться в ворота. Наши казаки без применения оружия попробовали оттеснить толпу. Ножами было ранено 3 лошади, а один казак получил удар камнем в спину. Лишь в половине одиннадцатого ночи нам удалось в экипажах покинуть Арк. Все младобухарцы и члены Исполнительного Комитета были благополучно доставлены в Новую Бухару, где наши граждане радостно приветствовали нас. Вчерашний день доказал растерянность бухарских властей и явное попустительство и потворство Насрулла-бия кушбеги реакционному движению. Из Арка по телефону через ротного командира я просил о присылке из Самарканда 2 рот, и сегодня, по соглашению с ново-бухарским Исполнительным Комитетом, телеграфировал командующему войсками о присылке еще одной роты и сотни казаков. Закрытые утром базары и лавки к полудню стали открываться. Потребовал смены кушбеги.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

30. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 4744.

Для успокоения русских граждан, прикомандированный к резидентству Введенский, он же и член Исполнительного Комитета и председатель продовольственного комитета, объехал Бухару и убедился в успокоении города. Половина базаров и лавок была открыта. Толпы не было. По моему поручению, он посетил эмира, который вновь заверил о своем непреклонном решении провести в жизнь реформы. Насрулла-бий кушбеги сдает свою должность. Временно исполняющим должность кушбеги назначен Низам-уд-Дин Ходжа диванбеги, о чем официально будет объявлено через 3 дня. Встретил прибывшие в Самарканд роты.

Копия в Ташкент Чиркину для доклада Щепкину. *Миллер.*

31. Телеграмма делегатов при отряде, посланном в Бухару, на имя министра иностр. дел.

Новая Бухара, 16 апреля 1917 г.

С р о ч н а я.

Все нарастающее возбуждение среди русского населения и солдат в Новой Бухаре и недовольство деятельностью резидента в Бухаре Миллера на общем собрании граждан 16 апреля вылилось в столь

острую форму, что единственным выходом из положения была необходимость исполнить волю общего собрания, не желавшего отложить арест резидента хотя бы до ожидаемого приезда представителя Временного Правительства Преображенского. Приведение в исполнение ареста общим собранием было поручено комиссарам ново-бухарского Комитета Залесскому, Рабиновичу, Щеглову, начальнику милиции Федорову, самаркандскому делегату Чертову, отставному подполковнику Черневскому и прапорщику Березнему, а принятие дел от резидента поручено делегату Чертову, при участии Черневского и прапорщика Березнего. Согласно этому постановлению общего собрания, с ведома прибывшего для командования войсками генерала Кургановича, резидент Миллер временно отстранен от исполнения своих обязанностей до прибытия представителя Временного Правительства Преображенского и подвергнут домашнему аресту.

Игорь Чертов, Черневский и Березний.

32. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 169.

Телеграмма за № 1655 получена.

Сегодня [нельзя] успокоить мусульман. Совершенно спокойно ожидаем с часу на час ареста, по требованию Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, опирающихся на самаркандских делегатов.

Вчера, на митинге, вынесена резолюция о задержании меня и Шульги и об опечатании секретной переписки. Ново-бухарский Исполнительный Комитет временно сложил полномочия до приезда Преображенского.

Агитация против меня и Шульги усиливается. Ради престижа министерства и безопасности русских граждан, в виду неустойчивого положения в Бухаре усердно ходатайствуем о немедленном отчислении нас, а именно: Миллера, Шульги, Введенского, Умнякова от должностей и о передаче резидентства по усмотрению вашему и Щепкина.

Просим разрешения выехать. При создавшейся обстановке нести ответственную работу окончательно невозможно.

Ожидаем срочных указаний по телеграфу.

Копия в Ташкент Чиркину для доклада Щепкину.

Миллер, Шульга, Введенский, Умняков.

33. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 170.

Еще 11 апреля письменно потребовал от бухарского правительства недопущения в город вооруженных сельчан. Сегодня тревога, основанная на ложном слухе о начавшейся резне русских, объясняется

появлением у разных городских ворот вооруженных сельчан, кои были немедленно же разогнаны бухарскими властями. Зачинщики муллы будут строго наказаны. Из опроса задержанных и затем отпущенных по домам сельчан выяснилось, что началась агитация войны против неверных, то есть газавата для защиты ислама. Эмир дал мне в присутствии наших граждан заверения, что примет серьезные меры к недопущению этого.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

34. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

16 апреля 1917 г., № 4746.

Телеграфирую в Керки, Чарджуй и Термез, в 2 адреса, Исполнительному Комитету и начальнику гарнизона.

Бухарское правительство официальным письмом обратилось с просьбой ни под каким видом не допускать 18 апреля манифестаций бухарско-подданных и прогрессистов, по ихнему «джедидов», с красными флагами, во избежание восстания туркмен. Последние прислали по этому поводу в Бухару двух своих депутатов, Мирза-Нуреддина Караулбеги и Инает-Ходжу Баки Ходжаева. Содержание упомянутого письма сообщено здешним младо-бухарцам, с просьбой предупредить своих товарищей.

Миллер.

35. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 4748.

Ссылаюсь на мои телеграммы за №№ 4712 и 4744.

Вследствие тревожного слуха, оказавшегося ложным, с Шульгой, Введенским и членами ново-бухарского Исполнительного Комитета объехал всю Бухару, посетив эмира и вновь назначенного исполняющего должность кушбеги Низам-уд-Дин Ходжа диванбеги. Город нашел совершенно спокойным. Базары и лавки открыты. От эмира потребовал принятия самых энергичных мер к недопущению в город окрестных сельчан. 15 вооруженных сельчан были задержаны сегодня нашими солдатами. После допроса в присутствии двух депутатов рабочих они были отпущены. Оружие — пистонные ружья, серпы и кривые шашки — конфискованы. В нашей старо-бухарской почтово-телеграфной конторе и больнице все на местах и ничего тревожного даже не слышали.

Вследствие упорно распускаемых провокационных тревожных слухов многие русские граждане приехали на станцию Бухара.

Принимаю все меры к их успокоению.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

36. Телеграмма первого секретаря российского резидента в Бухаре.

17 апреля 1917 г., № 4753.

Срочная.

После ареста резидента Миллера произведшие по постановлению митинга сей арест самаркандский присяжный поверенный Чертов, кокандский отставной подполковник Черневский и самаркандский прапорщик Березний признали необходимым взять ключ от шифров. Ключ находится у Чертова.

Шульга.

37. Телеграмма представителей русских финансовых и торгово-промышленных предприятий в Бухаре: 1) министру-председателю, 2) министру иностранных дел, 3) военному министру и 4) министру юстиции.

17 апреля 1917 г.

На случайном собрании, созванном приехавшим из Коканда представителем партии социалистов-революционеров, при участии большинства прибывших из Самарканда солдат и члена самаркандского Исполнительного Комитета Чертова, вопреки вынесенной резолюции ново-бухарским Советом Солдатских и Рабочих Депутатов и общего мнения ново-бухарского Исполнительного Комитета и большинства граждан Новой Бухары, было вынесено постановление о немедленном аресте российского резидента в Бухаре Миллера и о передаче представительства российской державы в Бухарском ханстве члену самаркандского Исполнительного Комитета Чертову и неизвестному никому в Бухаре Черневскому, организатору означенного собрания. Мы считаем чрезвычайно опасным пребывание Чертова и Черневского во главе резидентства как для интересов России в Бухаре, так и для жизни граждан Новой и Старой Бухары. Выражаем свой протест против вмешательства члена комитета другого города в дела Бухары, тем более опирающегося на военную силу, и просим назначить по этому поводу расследование, а также поставить во главе резидентства лицо по усмотрению Временного Правительства.

Управляющий Соединенного банка Зарин. Управляющий Азовского банка Юнгер. Управляющий Русского для внешней торговли банка Соловьев. Доверенный Московского учетного банка. Промышленное товарищество Иван Стахеев и К°. Заводовладелец Лапин, Лев. Управляющий Андреевского торгово-промышленного товарищества Дубинчик. Управляющий пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и Восточного Баранов. Заводовладелец Вишник. Доверенный завода акционерного общества «Хлопок» Гургалин. Заводовладелец Поляк. Представитель товарищества Бр. Нобель Двоскин. Потеляховского торгово-промышленного товарищества доверенный Пинскер. Заместитель начальника пути Бухарской железной дороги Ердман. Мировой судья Пожарский. Управляющий бухарской таможнею Афанасьев.

38. Секретная телеграмма председателя Туркестанской Комиссии Временного Правительства на имя министра иностр. дел.

17 апреля 1917 г., № 430.

Телеграммы за №№ 1689 и 4946 получены.

При полном безводии трудно помочь Бухаре. Наличная вода распределяется по соглашению самаркандских и бухарских земледельцев. Предложено организовать смешанную милицию из бухарцев и самаркандцев для борьбы с хищением воды.

В Старой [Бухаре на] почве борьбы между младо-сартами и муллами идут волнения. К сожалению, делегаты самаркандского Исполнительного Комитета, прибывшие в Бухару, вносят дезорганизацию. На требование наше выехать обратно в Самарканд отказываются. Эти делегаты создали среди русского населения возбуждение против Миллера и его сотоварищей. Вчера Миллер и товарищи просили освободить их от обязанностей. Сегодня Миллер и Шульга взяты самаркандцами под домашний арест, а ново-бухарский комитет сложил полномочия. Экстренным поездом члены Комитета — Преображенский и Давлетшин выехали в Бухару. Преображенский перед отъездом говорил с Клеммом. Общее направление политики в Бухаре нами усвоено и разделяется. Ход событий опережает распоряжения, почему испрашивать разрешения на меры в Петрограде нельзя, ибо опаздывает. Просим верить, [что] никаких осложнений не прибавим, а создавшиеся ликвидируем. Миллера мы считаем осторожным, опытным, авторитетным в делах, будем пользоваться его советами. Никакой опасности русскому населению нет. Убеждены, что с делом спокойно справимся, если не будет новых осложнений. Муллы и народ сильно возбуждены против сторонников реформ. Это не помешает нам провести реформы, как пожелаем, но постепенно, лишь бы справиться с напором самаркандцев, чему поможет авторитет Временного Правительства. Общее положение в крае удовлетворительно, если бы не угрожающий голод и неурожай. Население европейское и туземное стосковалось по власти. Стоим все время на принципе защиты самых демократических основ, действуем, опираясь на общественное мнение, вошли в контакт со всеми организованными группами, давая широкий простор самодеятельности, не позволяя узурпировать власть в стране. Пока все хорошо, но работы много. Широкая помощь Временного Правительства хлебом быстро и окончательно укрепила бы авторитет Туркестанского Комитета.

Просим не тревожиться.

Копии министрам военному и юстиции и управляющему делами Временного Правительства.

Щепкин.

39. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

13 апреля 1917 г., № 164.

Усердно ходатайствую о скорейшем приезде в Бухару правительственного комиссара; равно, во избежание трений и недоразумений между ново-бухарским Комитетом и находящимися здесь делегатами из Самарканда, считаю настоятельно необходимым скорейший отъезд отсюда последних, иначе ни эмир, ни я не в состоянии нести лежащей на нас ответственности за порядок и спокойствие и настойчивое — без применения силы и кровопролития — проведение реформ в ханстве.

Миллер.

40. Телеграмма председателя Туркестанской Комиссии Временного Правительства.

19 апреля 1917 г., № 433.

Преображенский и Давлетшин телеграфируют:

Прибыли вчера в восемь часов утра. Торжественно встречены гарнизоном, населением и бухарскими властями. Прибытие внесло несомненное успокоение. Целый день занимались выяснением положения дел и выслушиванием докладов различных организаций. Общее впечатление таково, что положение дел не так остро, как казалось по телеграммам. Сегодня едем к эмиру.

Щепкин.

41. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

21 апреля 1917 г., № 4802.

Поддерживаю ежедневные сношения с бухарским правительством и стараюсь держаться в курсе всего происходящего. Тревога среди мусульман улеглась, порядок ничем не нарушался ни в Старой Бухаре, ни в провинции. Консервативное течение настаивает на уводе наших войск, опасаясь каких-либо эксцессов. Либеральное, весьма незначительное, будирует и мусульманское и русское население на оставлении. Лично полагал бы возможным начать теперь же постепенный увод наших войсковых частей, оставив одну роту в Новой Бухаре. Лучшим исходом из создавшегося ненормального положения признавал бы скорейшее назначение и присылку советников, без коих никакие реформы, никакое, даже частичное, осуществление начал манифеста немыслимо. Выписанной уже типографии без руководителя грозит участь быть сложенной в подвал. Полнейшая невозможность и доказанная неспособность бухарцев самим стать на путь реформ усилят общественное давление из России, в частности растущее

давление русских мусульман, а вместе с тем и вызовут подозрение, а, может быть, и убеждение в полнейшей нежелательности бухарского правительства считаться с манифестом, что при настоящем положении вещей было бы не вполне верным и даже опасным, с точки зрения спокойствия в ханстве. Только русские руководители смогут сдвинуть манифест с мертвой точки, примирить вышеназванные течения в Бухарском ханстве и не допустить слишком прямолинейного и часто малоосторожного давления общественного мнения как России, так и здесь на месте. Эта точка зрения, единственно правильная, разделяется всеми, в том числе и бухарским правительством, требующим только осторожности, разумной постепенности в проведении реформ нашими советниками, коих оно ждет со дня на день.

Введенский.

42. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

22 апреля 1917 г., № 4820.

В Старой Бухаре наружно спокойно. Эмир выехал в Ситарен-Мохасса. Бывший диванбеги официально назначен кушбегием. В состав правительства введено новое лицо — Тюря-Судур, бывший каршинский бек, остававшийся не у дел долгое время. Последний — кандидатура консервативной партии, так же как и новый диванбеги. Ожидается пополнение правительства новыми лицами по назначению, имеющими распределить между собою функции единоличной власти бывшего кушбеги. В некоторых местах, например, в Чарджуе, Керки — русские торговцы отказываются от уплаты зякета бухарскому правительству до открытия казначейства, предусмотренного манифестом. Поручиком Андреевым получено распоряжение об уводе в Самарканд двух рот, 14-й и 5-й, которые ожидают приказа командующего войсками. Имеются частные сведения об уводе других рот. В Новой Бухаре желательно оставление роты поручика Андреева. Часть младо-бухарцев уехала в Ташкент, в неизвестном направлении, в сторону Асхабада, часть — меньшая — осталась в Новой Бухаре.

Чиркин.

43. Секретная телеграмма комиссара Временного Правительства Преображенского на имя министра иностр. дел.

Ташкент. 23 апреля 1917 г., № 454.

События в Бухаре, о которых вы знаете из телеграмм резидента, вынудили меня и генерала Давлетшина поехать в Бухару. Состояние умов в момент нашего приезда было крайне напряженное. Миллер был уже арестован, но волнения не утихали, и рознь как среди русского населения, так и среди мусульман — все росла. Отдельные организации и лица не могли согласиться одинаково относительно ли-

нии поведения, и нам пришлось явиться посредниками, поделившими области компетенции отдельных групп населения. На некоторое время спокойствие, повидимому, удалось установить, но следует иметь в виду, что проведение реформ в тех небольших размерах, как это возвещено в манифесте эмира, собственными силами Бухары почти невозможно. В результате может возникнуть подозрение в нежелании правительства осуществить манифест и в том, что русская новая власть потворствует этому. Таковое подозрение грозит спокойствию. Необходимо сдвинуть манифест с мертвой точки и сделать это могут лишь русские советники. Наконец, я был вынужден принять это положение и согласиться с проектом Миллера, хотя принципиально и желал бы иного пути. Оставить дело, начатое нами, мы не можем... Несомненно можно найти пути, приемлемые для большинства населения ханства, и кое-что в этом направлении намечается. Миллера и первого секретаря Шульгу пришлось просить принести себя в жертву и сложить свои обязанности. Заведывание резидентством временно возложено на дипломатического чиновника Чиркина, которого вызвал из Ташкента, обязанности первого секретаря переданы Введенскому. Миллер пал жертвой своей немецкой фамилии и благодаря общему недоверию к представителям старой власти. Фактов, хотя сколько-нибудь порочащих Миллера в политическом отношении, не представлено. Считаем необходимым немедленное назначение нового резидента. Введенского также лучше перевести в другое место. Совершенно необходимо, чтобы новый резидент выехал возможно скорее и заехал по пути в Ташкент для свидания с генералом Давлетшиным, планы которого мне представляются заслуживающими большего внимания.

Преображенский.

44. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

24 апреля 1917 г., № 4835.

Телеграфирую в Ташкент Щепкину:

Вчера в сопровождении Введенского посетил эмира. Приветствовал его от имени вашего и Комитета, сказав, что начинания его высочества по проведению возвещенных его манифестом реформ встретят самую широкую поддержку со стороны Комитета. Эмир просил меня передать вам и Комитету его горячую признательность и заверения в неуклонном решении приступить к обновлению строя Бухары.

Эмир выглядел успокоенным и сообщил, что тревожных настроений в ханстве нет, не будучи, повидимому, еще осведомлен об... [1]) апреля манифестации, предупредить которую не удалось, несмотря на известную вам телеграмму резидента от 16 апреля, за № 4745, керкинскому Исполнительному Комитету и начальнику гарнизона.

[1]) Пропуск в оригинале.

О манифестации этой я узнал от кушбеги, к которому проехал от эмира. Манифестанты прошли по городу с флагами у Арка, требовали выхода к ним губернатора, угрожая смещением в случае неповиновения. Губернатор якобы обратился с речью к собравшимся. Подробности еще не получены, и сведений о беспорядках в связи с манифестацией не было, тем не менее бухарское правительство озабочено и опасается последствий в смысле старо-бухарской манифестации, ознаменовавшейся выступлением консервативных элементов.

Кушбеги сообщил мне о пополнении состава объединенного бухарского правительства должностью главного аксакала с функциями полицейско-санитарного характера, а также о своем предположении ввести в кабинет новых должностных лиц,—контролера над границами и контролера над судебными учреждениями. Главным аксакалом назначен Баши Азизов, принадлежащий к консервативной партии. Тюря-Судур, о коем упоминалось в телеграмме за № 4820, будет ведать делами по принятию и разбору прошений на имя правительства. Я, конечно, не мог не одобрить благих начинаний кушбеги, однако означенные мероприятия служат ярким показателем того, на что можно рассчитывать, предоставив дело реформ самоопределению бухарцев.

Вчера ушли из Бухары две роты. Скорейшее назначение их, как предположено, на охрану головных арыков по Зарявшану настоятельно необходимо, так как затяжка вопроса водоснабжения грозит здесь катастрофой.

Чиркин.

45. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

25 апреля 1917 г., № 4858.

Фатхулла Ходжа на собрании крайних младо-бухарцев предложил вопрос о необходимости подготовления вооруженного восстания бухарцев, для коей цели он требует кредит на первое время в 100.000 рублей. Часть этого кредита разложена на хатырчинского бека, которого правительство всячески стремится удержать на своей стороне. В последнее время он получил в управление обширное зиадинское бекство, сохранив прежний пост хатырчинского бека. Оружие Фатхулла Ходжа намерен отыскать среди туркмен. Умеренная часть младо-бухарцев вчера обратилась с воззванием к жителям Старой Бухары, прося верить их желанию спокойно работать сообща на благо страны. Бухарское правительство перестраивается исподволь в бекствах на принципах угодничества тем лицам, кои могли бы иметь вес и значение в назревших событиях.

Наши советники необходимы. Убедительно прошу скорейшего усиления состава чинов резидентства. Дело стоит. Промедление ухудшает дело.

Чиркин.

46. Телеграмма младо-бухарского Комитета на имя министра иностр. дел.

25 апреля 1917 г.

Младо-бухарский Комитет считает своим нравственным долгом довести до сведения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов нижеследующее:

По последним данным, бухарское правительство, заверившее официальных представителей русского Временного Правительства о своем неуклонном стремлении провести возвещенные манифестом эмира реформы, имеет в своем составе самых закоснелых приверженцев старого бухарского режима. Главным министром назначен Низам-уд-Дин Ходжа, министром правосудия Тюря-Ходжа-Судур. Министром двора эмира — Алуиаяк-уль-Бек. Все эти лица в течение всего времени революционного движения выказывали самое враждебное отношение ко всяким попыткам введения реформ. Всякие переговоры при теперешнем составе заранее обречены на неудачу. Поэтому младо-бухарский Комитет, глубоко возмущаясь такими подборами состава министерства, протестует перед революционным русским народом против назначения эмиром бухарским такого министерства и просит поддержки, чтобы настаивать перед Временным Правительством о непризнании состава бухарского правительства достойным проведения реформ.

Младо-бухарский Комитет.

47. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

26 апреля 1917 г., № 4883.

18 апреля в Керки, несмотря на просьбы резидента и телеграммы командующего войсками не допускать манифестации младо-бухарцев, последняя была допущена совместно с войсками. Манифестанты потребовали выхода бека и амнистии заключенных. Бек выразил готовность служить делу реформ и пожертвовал свыше тысячи рублей на бедных.

Во избежание каких-либо враждебных демонстраций со стороны консервативного элемента и в предупреждение столкновений, как говорят, орудия крепостной артиллерии во все время манифестации были наведены на местопребывание бека.

Начавшийся голод в Керки усиливает тревожное настроение. Сегодня просил кушбеги принять меры воздействия на бека в смысле охраны жизни и имущества русских граждан, а также, если возможно, посоветовать младо-бухарцам временно переехать на станцию Самсоново для ограждения их безопасности.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

48. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

27 апреля 1917 г., № 4902.

Сегодня меня посетил чарджуйский комиссар, подтвердивший сведения бухарского правительства о выступлении младо-бухарцев в Чарджуе. Комиссар сообщил, что моя телеграмма относительно невмешательства Исполнительных Комитетов в дела реформ была им доложена местному Исполнительному Комитету и Совету Солдатских и Рабочих Депутатов. В этом смысле установлена совместно с посетившим вчера комиссара беком и представителями названных организаций общая точка зрения на дела реформ.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

49. Секретная телеграмма председателя Туркестанского Комитета Временного Правительства на имя министра иностр. дел.

28 апреля 1917 г., № 462.

Необходимо скорейшее командирование лиц в резидентство в Новой Бухаре. Наши постоянные настоятельные советы необходимы. Дело реформ направляется дурным путем и поведет к осложнениям. Идет уже явная агитация подготовки вооруженного выступления.

Щепкин.

50. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

28 апреля 1917 г., № 4941.

Вчера по поручению Съезда Солдатских и Рабочих Депутатов русских поселений Бухары меня посетил делегат для получения разъяснений о реформах. Сообщив делегату об установленном делегатом Преображенским положении невмешательства общественных организаций в дела реформ, возложенных на резидентство и эмира, я указал, насколько усложняется проведение реформ такими выступлениями младо-бухарцев, как происшедшие в Старой Бухаре, Керки и Чарджуе.

Делегат, согласившись со мною, сказал, что Съезду представлялось бы все же целесообразным установление контроля за деятельностью в этом направлении резидентства и приближение младо-бухарцев к делу реформ. Я ответил, что контроль в отношении Бухары как иностранного, покровительствуемого нами в силу договоров государства, осуществляется Временным Правительством, благожелательное же содействие «джедидов» мы приветствуем, но попыткам их поднять движение против бухарского правительства, обещавшего реформы, обеспеченные Временным Правительством, должны всеми

силами противодействовать. Дальнейшая беседа установила, что обращение ко мне со стороны Съезда исходит не столько от последнего, сколько от младо-бухарцев, добивающихся поддержки солдат. Указав депутату, насколько опасно становиться на этот путь, способный породить народное волнение, грозящее безопасности русских граждан, я высказался в смысле желательности воздействия Съезда на умерение пыла младо-бухарцев.

Несомненно, что обращения с подобными запросами в резидентство будут часто повторяться и в дальнейшем нельзя будет ограничиваться теоретическими объяснениями. Поэтому должен вновь указать на неотложную необходимость присылки сюда специалистов советников, так как этим путем удастся двинуть дело реформ и удовлетворить общественное мнение.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

51. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

30 апреля 1917 г., № 4962.

Суть письменного доклада керкинского бека эмиру о младобухарском движении в Керки такова:

С начала переворота в России керкинские младо-бухарцы вошли в сношения с единомышленниками в Старой Бухаре и образовали род политического клуба, приглашая на свои собрания русских солдат и офицеров. Со времени обнародования манифеста в Старой Бухаре настаивали перед беком на объявлении манифеста в Керках. Бек указывал на необходимость подготовки и осторожности, в виду пограничного положения города. Младо-бухарцы думали, что под защитой нескольких тысяч штыков опасаться нечего. Уступая настроениям и видя, что манифест получает распространение и народ ждет разъяснений, бек с казием и реисом объявили манифест в главной мечети и после молитвы. Предупреждая о празднике 18 апреля, местный Исполнительный Комитет возложил ответственность за безопасность манифестантов на бека. Гарантируя порядок, бек тщетно просил не допускать участия младо-бухарцев. Последние вошли в состав процессии, держась под защитой солдат. Произвело тяжелое впечатление освобождение по требованию демонстрантов четырех тяжких преступников. По предписанию эмира, беком приняты меры к успокоению населения в Керки и провинции, тем не менее бек не ручается за спокойствие, пока Керки не будут избавлены от выступлений младобухарцев, и считает положение особо серьезным, в виду соседства с Афганистаном и туркменами, служившего и в обычное время источником тревоги. Бек отмечает случаи приезда мусульман-эмиссаров из Ферганы, смущающих население воззваниями.

Копия Щепкину. *Чиркин.*

52. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

30 апреля 1917 г., № 4963.

Телеграмма за № 1914 получена.

Без наших руководителей комиссии не могут держаться, и существование их в дальнейшем возможно единственно при постоянном направлении деятельности нашими советниками. Сами бухарцы не способны сорганизоваться, да и не видят в этом надобности. Разделение обязанностей кушбеги между несколькими лицами весьма консервативного направления — вот все новое, что могло сделать бухарское правительство. Вновь, по практическим соображениям, настаиваю на присылке советников, с приездом коих только и возможна организация комиссий, которые [следует] рассматривать лишь как придаток местных общественных сил к нашим советникам.

Чиркин.

53. Телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

2 мая 1917 г., № 4942.

Телеграфирую в Ташкент:

Вчера в городе распространились тревожные слухи о волнении туркмен в Чарджуе. Запрошенный мною комиссар ответил, что тысячная толпа туркмен, возбужденная темными слухами, шла в Новый Чарджуй к беку за разъяснением. Появление всегда вооруженных туркмен взволновало русское население. Убеждения бека подействовали. Туркмены разошлись.

Чиркин.

54. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

2 мая 1917 г., № 5006.

Консервативные элементы Старой Бухары стараются отыскать покуда сочувствие духовенства мусульман Самаркандской и других областей Туркестанского края. Пока реальных результатов и обращения нет. Агитация приезжих русских мусульман татар среди туземцев, по преимуществу чарджуйских и керкинских туркмен, продолжается. Ожидается прибытие в Керки делегации 8 человек татар из Казани. Появление на-днях в Чарджуе тысячной толпы туркмен взволновало русское население. Младо-бухарцами послан в мусульманский съезд в Москву делегат, молодой человек Убойдулла Ходжаев. Немногочисленная умеренная младо-бухарская партия во главе с Мансуровым пробовала установить платформу младо-бухарцев в виде двух основных положений:

1) Осуществление в общем удовлетворяющего их манифеста эмира.
2) Пропаганда дела реформ среди населения.

Резолюция эта была сорвана в общем собрании младо-бухарцев Фатхулла Ходжей, требовавшим решительных действий.

Резидентству приходится все чаще и чаще иметь дело с волнующими слухами, оказывающимися по проверке неосновательными. На успокоение умов разных классов приходится тратить много времени.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

55. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

5 мая 1917 г., № 5069.

В течение нескольких дней не поступало тревожных сведений ни из русских поселений, ни из бухарской провинции. Прошедший из Самарканда слух о подготовке еврейского погрома в Шахрисябе оказался совершенно необоснованным, в Келифе же произошло лишь недоразумение между местными жителями и пограничниками, требовавшими продажи ячменя по низкой цене. Отъезд в Ташкент Фатхуллы Ходжи, вызванного председателем туркестанского комитета Щепкиным для объяснений по младо-бухарским делам, отозвался явно благотворным образом на настроении здешних «джедидов», удерживающихся пока от активных выступлений. Ради дальнейшего успокоения, в интересах самих же младо-бухарцев, крайне желательно недопущение Фатхуллы Ходжи обратно в Бухару. Вчера в резидентстве был казанский мулла Алим-Джэн-Галеев, прибывший в Туркестан по поручению казанского мусульманского комитета для содействия к усвоению мусульманами края идей нового строя России. Мною и Введенским была дана Галееву полная картина недавних бухарских событий и установлена общая точка зрения на причины их и необходимость осторожных действий и прежде всего примирения сторон путем воздействия на наиболее влиятельных представителей старо-бухарского духовенства и разъяснениями манифеста эмира. Сегодня Галеев выехал в Старую Бухару для свидания с кази-каляном, отец коего был наставником Галеева, изучавшего богословие в Бухаре. Завтра он посетит кушбеги в присутствии Введенского.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

56. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

8 мая 1917 г., № 5118.

Мусульманские консервативные партии разных городов Туркестана, крайне недовольные новыми течениями в жизни России, ищут опоры в Бухаре, центре ислама, и стараются восстановить здешнее

сильное и организованное большинство духовенства против новых порядков. Замечен сильный приток в Бухару туркестанских улемов, безответственно выступающих с угрожающими общему спокойствию ревайетами. Третьего дня ташкентский мулла Хамурад, по настоянию ташкентского духовенства, издал ревайет, объявляющий всех «джедидов» как России, так и Бухары, врагами веры и поощряющий правоверных на насилия над ними. Ревайет этот был скреплен под угрозами револьверной расправы одним из здешних улемов Мулла-Икрамом, на следующий день заявившим о полной несолидарности с ревайетом Хамурада. Ревайет произвел сильное действие на мусульман, в частности на неспокойных младо-бухарцев, до сего времени, несмотря на все мои усилия изолировать от раздражающих выступлений, продолжавших сеять смуту в Старой Бухаре. Сдерживаю панику, стараясь всячески действовать на младо- и старо-бухарцев совместно с бессильным бухарским правительством. Младо-бухарцы прилагают усилия, как и прежде, втянуть наших солдат в борьбу со старо-бухарцами. Последнему противлюсь, стараясь повлиять через офицеров и делегатов.

Копия в Ташкент. *Введенский.*

57. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

9 мая 1917 г., № 494.

Успех миссии Галеева сомнителен. Консервативная партия твердо стоит на своей точке зрения. Младо-бухарцы стараются все же бороться, вызывая насильственными распространениями своих прокламаций возбуждение. Правительство просит принять меры воздействия против младо-бухарцев, а равно против наших кавказцев, составляющих постоянную беспокойную свиту младо-бухарцев. Последнее движение младо-бухарцев усилило деятельность консервативной партии. Непопулярность «джедидов» растет. Консервативная часть старается отыскать опору в кочевых племенах. Правительство вводит частичные улучшения в управлении, тариф судебных пошлин, жалованье центральным органам.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

58. Секретная телеграмма дипломатического чиновника в Ташкенте.

Ташкент. 9 мая 1917 г., № 495.

На-днях меня посетил доктор Писаренко, сообщивший о желании эмира выехать в Кисловодск, в виду сильного сердечного недомогания, вызванного недавними тревожными событиями в Бухаре.

Я просил передать его высочеству, что при настоящих условиях необходимо, в случае отлучки, предвидеть возможность создания и та-

кого положения, при коем обратное возвращение эмира в Бухару окажется неосуществимым. Если же соображения здоровья превозмогли бы, надлежит считаться с тем обстоятельством, что в переживаемое время ни беспрепятственный переезд, ни спокойный курс лечения не могли бы быть гарантированы эмиру.

Его высочество поручил Писаренко передать мне, что он согласен с этим взглядом и, в интересах здоровья, переедет лишь на знойный сезон в Кермине.

Щепкину доложил. *Чиркин.*

59. Секретная телеграмма Туркестанского Комитета Временного Правительства.

10 мая 1917 г., № 501.

Ссылаюсь на телеграмму Чиркина за № 4963.

Вполне разделяю высказанные соображения. Туземные выборные комиссии, если даже ...[1]) что они могли бы сорганизоваться. Составленные сплошь из консервативного элемента, так как кучка младобухарцев ничтожна, [они] только усилили бы партийную рознь и осложнили бы дело реформ. Туземные комиссии могли бы быть полезны только под руководством наших советников.

Настаиваю на скорейшей их присылке.

Щепкин и Преображенский.

60. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

11 мая 1917 г., № 5141.

Благодаря принятым мною решительным мерам, ожидавшийся вчера погром младо-бухарцами и сильнейшая демонстрация консервативной партии не прошли. Все спокойно.

Галеев, не закончив своей миссии, уехал, оставив среди здешних мулл раздражение. Полагаю, при таких обстоятельствах, необходимо задержать приезд сюда и шести делегатов казвинских мусульман, находящихся в Ташкенте. Их миссия также обречена на неудачу и осложнит наше дело. Пользуюсь каждым случаем морального воздействия на наших мусульман, под флагом младо-бухарцев стремящихся в русских поселениях к активной борьбе с бухарским правительством. Первый раз за все время раздалось требование реакционной партии о низложении эмира за его уступчивость в вопросе реформ и о возведении на трон дяди эмира—гузарского бека. Робкому голосу не придаю пока значения, но о будущем нужно подумать серьезно.

Эмир сделал пока слабое давление на главарей духовенства, лично прибыв в Бухару. Совет их гарантировал недопустимость дальнейшей агитации против его высочества, но слабость и неуверенность

[1]) Пропуск в подлиннике.

в себе бухарского правительства становится ясной для высших слоев населения. Всем главарям, духовным... [1]).

Полагаю, что реакция в дальнейшем усилится. Необходимо предотвратить заблаговременно сорганизованность реакции, для чего нужно: положить начало предварительной работе по проведению реформ и скорейший приезд резидента и советников. Это спасет положение: 1) поднимающая голову реакция будет значительно сломлена; 2) остановленными будут удары безответственных мусульманских групп России... [1]) переворот в Бухаре по образцу нашей революции, не считаясь ни с какими местными условиями; 3) укреплен будет значительно авторитет бухарских властей, и нам ненужно будет войск.

Копия Щепкину.

Введенский.

61. Секретная телеграмма управляющего российск. резидентством в Бухаре.

15 мая 1917 г., № 5243.

Консервативное старо-бухарское духовенство проявляет все большие спайку и активность, решаясь даже на необычные выступления. Вчера, по настоянию кучки мулл, при участии лишь одного из четырех уважаемых мударрисов, имеющих обычно доступ к кушбеги, эмир был принужден отложить свою поездку для поправления здоровья в Кермине. В целях получения просителями нашей поддержки, письмо кушбеги с ходатайством мулл было доставлено эмиру во время приема резидентства. Наши разъяснения у кушбеги, что эмир болен и нет никаких тревожных данных для задержки отъезда, встретили совершенно необоснованное возражение собравшихся мулл, имевших, очевидно, готовое решение. Есть основание предполагать протест у мулл против кушбеги, боящегося конкурента в Чарджуе или... [1]) и надеявшегося путем изменения плана поездки устранить от участия в ней последнего. По уходе мулл, нами было сделано строгое внушение кушбеги о недопустимости подобных выступлений духовенства ни в отношении эмира, ни даже самого кушбеги, роняющего авторитет власти, и обсуждения государственных дел с совсем неизвестными муллами, могущими явиться не менее опасными сеятелями волнения среди населения, чем крайние младо-бухарцы.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

62. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

18 мая 1917 г., № 5303.

Ссылаюсь на телеграмму министра за № 1925.

Сегодня в резидентство явился бывший самаркандский уездный начальник полковник Мартинсен, представивший мне предложение

[1]) Пропуск в подлиннике.

Туркестанского Комитета состоять в распоряжении резидентства. Из беседы с полковником Мартинсеном можно было заключить, что он назначается в состав коллегии советников по проведению реформ в Бухаре, с возложением на него административной части. В дальнейшем выяснилось, что подбираются советники и по другим отраслям, при чем в числе кандидатов состоит бывший помощник губернатора Самаркандской области Семенов, известный министерству с лучшей стороны по неоднократному исполнению должности дипломатического чиновника в Ташкенте.

Не встречая возражений против привлечения названных лиц к делу реформ в Бухаре и не имея точных данных о миссии полковника Мартинсена, полагаю, что на последнего, по роду его предыдущей службы, могла бы быть возложена лишь должность одного из окружных инспекторов по административной части. В отношении же советников не могу не высказать мнение, что перегружение состава их чинами бывшей краевой администрации нежелательно, в виду известного предубеждения со стороны общественных организаций, и может вызвать недоверчивое отношение к делу реформ, вследствие чего представляется необходимым, чтобы в дальнейшем подборе советников фигурировали не связанные с административной службой в Туркестане специалисты.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

63. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

21 мая 1917 г., № 5334.

В пятницу прибыл в Бухару проездом в Асхабад в составе председателя Щепкина, членов — Елпатьевского, Максудова и Давлетшина Туркестанский Комитет. После посещения резидентства, Комитет в сопровождении всех чинов резидентства выехал, по приглашению эмира, в загородный сад Ширбудун. Свидание носило весьма теплый характер. Деловая беседа касалась почти исключительно вопроса водоснабжения Бухары Самаркандом, крайне острого в текущем году вследствие бездождия. Его высочество убедительно просил Комитет о воздействии на самаркандскую организацию, оставляющую Бухару почти без воды, несмотря на несение бухарским правительством ложащейся на него одной трети расходов. Недостаток водоснабжения грозит хлопковым посевам, и этот государственной важности вопрос не должен быть предоставлен усмотрению самаркандских властей. Миссия полковника Мартинсена выяснилась: он не назначается в состав советников, которые даже и не намечались, а прислан состоять в распоряжении резидентства, с возложением на него также представительства Туркестанского Комитета в Самаркандской ирригационной комиссии по распределению воды между областью и Бухарой. Представителю

младо-бухарцев Щепкин заявил, что для проведения реформ в Бухаре нужны советники-специалисты, подбор которых требует времени и особой тщательности.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

64. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

24 мая 1917 г., № 5383.

Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 2246.

Организация выборного муниципалитета возможна только под руководством наших инструкторов, так как самим бухарцам эта задача не под силу и не диктуется необходимостью, не говоря уже о том, что по техническим соображениям при отсутствии статистического материала, выборы встретились бы с серьезными препятствиями. Кроме того, предлагаемая мера не имела бы реального для массы населения результата, тогда как по данным момента это в особенности существенно. В этом отношении наиболее желательно спешное установление каких-либо экономических льгот, например, на первых порах, уменьшение податей на злаки, по случаю неурожайного года. При ближайшем свидании с эмиром я имею в виду возбудить этот вопрос. Подобная точка зрения разделяется и умеренной частью младо-бухарцев, начинающих сознавать необходимость постепенности и осторожности в деле реформ и солидарности с резидентством. Сообщение о том, что обещанная манифестом типография уже близка к открытию, произвело на них сильное впечатление.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

65. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

29 мая 1917 г., № 5489.

Вчера состоялся здесь реферат директора правления общества Бухарской железной дороги Слуцкого, под названием «Россия и Бухара», устроенный культурно-просветительной комиссией при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов Новой Бухары. Основные положения реферата — недопустимость деспотического строя Бухары рядом со свободной Россией — деятельность партии младо-бухарцев по обновлению Бухары, парализуемая работою реакционных слоев бухарского населения и, главным образом, духовенства, — возможность незамедлительного проведения реформ в Бухаре при посредстве русских демократических общественных организаций. Последовавший обмен мнений, в котором участвовал и Введенский, побужденный к этому

произвольным толкованием докладчика сделанных им в свое время солдатским и рабочим депутатам разъяснений о реформах в Бухаре, показал, что младо-бухарцы, или, вернее, руководящие ими отдельные безответственные личности, не надеясь на успех переворота в Бухаре при помощи местных общественных сил, намерены обратиться за содействием к мусульманским организациям в России, в Туркестане и на Кавказе.

Резидентство, при каждом удобном случае, продолжает отстаивать указанную ему Временным Правительством, в лице Туркестанского Комитета, позицию, заявляя о возложении на резидентство и эмира ответственности за проведение реформ по манифесту, о необходимости осторожности, предупреждая, что революция в Бухаре может вызвать народное восстание; тем не менее для упорядочения положения резидентства, колеблемого выступлениями, подобными реферату Слуцкого, нужны не разъяснения, а приступ к реальной работе, что возможно только по приезде сюда советников. Без опытного специалиста даже попытка организовать выборный муниципалитет в Старой Бухаре была бы обречена на неудачу. Затяжка крайне вредна, так как бухарский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов уже вынес резолюцию о контроле над резидентством. Экономические льготы, о желательности которых я буду завтра докладывать эмиру, внося временное удовлетворение, неспособны изменить очевидного стремления произвести переворот в Бухаре. При создающейся обстановке желательно назначение на пост резидента авторитетного общественного деятеля.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

66. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

31 мая 1917 г., № 5534.

Вчера докладывал эмиру о желательности дарования населению экономических льгот по случаю неурожая. Его высочество весьма сочувственно отнесся к этой мысли, сказав, что подобную меру он уже и сам обдумывал. Признав необходимым спешно осуществить податную льготу и широко распространить весть о ней в населении, эмир в тот же день дал соответственные указания кушбеги; во-вторых, предлагаемое младо-бухарцами введение определенного содержания сельским казиям, бедствующим по недостаточной обеспеченности по сравнению с их городскими сотоварищами. Эмир, не возражая принципиально против этого нововведения, считает длительное проведение в жизнь этой меры невозможным, так как одного объявления о ней недостаточно и необходима разработка известного плана в зависимости, например, от степени доходности того или другого прихода; в-третьих, — предложение министерства об устройстве выборного городского управления в Старой Бухаре. Эмир считает, что применение широкого выборного начала без надлежащей подготовки невоз-

можно. Все, что ему кажется возможным при существующих условиях, — это попытка организации выборного по сословиям городского совета, подчиненного кушбеги. Но и в этом даже случае нет уверенности в успехе дела, который необходим, так как неудача вызовет критику, недовольство и осложнит положение. Без опытного руководства и в этом сравнительно небольшом второстепенном вопросе не обойтись.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

67. Телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

1 июня 1917 г., № 5634.

Эмир бухарский, в духе изданного им манифеста, объявил народу о сложении в текущем году, в виду засухи, неурожая и дороговизны, половины хераджа и связанных с ним других налогов, что составит огромную сумму.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

68. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

9 июня 1917 г., № 5723.

Достаточно верно осведомился о выплате тецерешним кушбегием казенных сумм духовенству на поддержание и развитие реакционного движения. Это — истина. Муллы начинают дерзко вмешиваться во все отрасли управления. Власть кушбеги делается номинальной. Он весь укрылся за ними и всякая... [1]) делу реформ, проводить кои в жизнь при этом составе правительства немыслимо. Третьего дня отстоял предполагавшийся муллами разгром устанавливаемой в Старой Бухаре первой бухарской типографии. Наша нерешительность, промедление, отсутствие плана и поддержки в Петрограде в вопросе присылки советников и усиления личного состава ведут дело к печальному концу. На ряду с усилением реакции растет противодействие ей. Организуются крайние элементы, пополняемые приезжими русскими мусульманами. Русская общественность предъявляет свои права на повторное после приезда Преображенского сюда вмешательство в бухарские дела, не видя активных шагов резидентства, которое бессильно справиться со своей задачей, не имея достаточного личного состава. Столкновение сил неизбежно. Необходимо срочное и на крайние случаи хотя бы частичное в Петрограде принятие мер, указанных в телеграммах за №№ 5141 и 5489. 6 июня, энергично и не скрывая правды, сказал эмиру, к каким печальным результатам может привести безумная политика теперешнего кушбеги. Советовал порвать явную связь с духо-

[1]) Пропуск в подлиннике.

венством, отстранив его от влияния на дела управления. Кушбеги неизбежно должен уйти. Его высочеству я дважды указывал на всю желательность решительных действий в этом вопросе. На почве острого недостатка продуктов в некоторых частях ханства заметно частичное недовольство, коим пользуется противная партия. Еле поспеваю улаживать повсеместно вопросы продовольствия. Много времени уходит на борьбу за положение резидентства. Необходимы энергия, люди, скорейшая присылка советников, немедленный приступ к неотложным реформам, иначе мы накануне новых беспорядков, в которых не устоять резидентству, предоставленному собственной участи и лишенному физической возможности стать органом проведения реформ без предварительного освобождения от массы других обязанностей. Наличный состав перегружен работой и не может нести никакой ответственности за назревающие не по его вине события.

Копия в Ташкент. *Введенский.*

69. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

20 июня 1917 г., № 5904.

Телеграфирую в Ташкент.

На прошлой неделе здесь происходил Съезд Солдатских и Рабочих Депутатов русских поселений в Бухаре. Обсуждался доклад Слуцкого о русской политике в Азии, в частности в Бухаре. Выводы: — неудовлетворительность этой политики, необходимость смены состава третьего политического отдела министерства иностранных дел и резидентства и замена его более демократическим. Ввиду недостаточной убедительности доклада, выводы эти не приняли формы резолюции, тем не менее постановлено организовать особый комитет по бухарским делам в составе представителей солдатских и рабочих депутатов, младо-бухарцев и других общественных организаций, резидентства и делегата бухарского правительства. Председателем, видимо, намечается Слуцкий.

Постановление Туркестанского Краевого Съезда Солдатских и Рабочих Депутатов относительно некомпетентности Бухарского Совета этой организации в вопросе контроля над резидентством в деле реформ в ханстве, особенно при настоящем коалиционном министерстве, поддерживает данные мне Туркестанским Комитетом указания. Поэтому, если бы я получил какие-либо предложения в связи с проектируемыми Комитетом, то ныне имел бы еще большие основания сослаться на необходимость для меня новых инструкций Временного Правительства. Со своей стороны не могу не напомнить, что по приезде в Бухару мною в беседе с представителем солдатских и рабочих депутатов была выражена полная готовность частного обмена мнений по делу реформ и возможность широкого осведомления этой организации

путем неофициальных собеседований. Этот взгляд, проводимый мною вообще в отношении общественных организаций, я не премину подтвердить вновь, в случае надобности, здешнему Совету Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вчера был у эмира. «Ураза» вообще неподходящее время для ведения дел, и свидание носило характер общего обмена мнений. По некоторым признакам чувствуется все же приближение министерского кризиса, хотя эмир от каких-либо сообщений в этом отношении воздержался.

Чиркин.

70. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

1 июля 1917 г., № 6197.

Телеграмма за № 2872 получена.

Введенский просит еще раз передать, что он ручается за достоверность сведений, добытых им из весьма близкого к кушбеги источника. Выданы 22 мая суммы, ничего общего неимеющие с «уразой». О выдачах на поддержание крайне реакционного движения упоминалось в телеграмме за № 5141. Факт поддержки кушбегием движения мулл здесь не оспаривается никем из мусульман.

Чиркин.

71. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

5 июля 1917 г., № 6265.

Ссылаюсь на ваши телеграммы за №№ 2873 и 2997.

Во время беседы вчера эмир сказал, что не видит препятствий к пересмотру манифеста духовенством, но считает недопустимым привлечение к этому делу туркестанских мулл, так как они в глазах бухарского духовенства не пользуются авторитетом, будучи в большинстве случаев учениками бухарских мударрисов. Опыт приезжих мулл доказал бесплодность их попыток компромисса с местным духовенством.

Эмир думает, что для пересмотра манифеста нашлись бы среди местного духовенства прогрессисты, могущие осуществить это дело совместно с представителями консервативного направления. Привлечение к сказанной работе туркестанских мулл было бы, по мнению эмира, вмешательством посторонних общественных сил в национальное дело бухарских реформ, лежащее лишь на ответственности эмира и резидентства.

Относительно намеченных в советники лиц его высочество не возражает за исключением Лапина, против коего категорически высказался и Туркестанский Комитет. Эмир интересуется, какую отрасль реформ предполагается поручить генералу Еникееву, лицу, неизвестному его высочеству.

Лично я полагаю, что к пересмотру манифеста следует подходить с чрезвычайной осторожностью, дабы не скомпрометировать особого акта эмира, не дать повода к кривотолкам и не вызвать обострения партийной розни и новых волнений на этой почве. Казалось бы целесообразным придать работе характер совещания по вопросу проведения в жизнь начал манифеста с внесением попутно изменений по существу и редакционных поправок.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

72. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

13 июля 1917 г., № 6335.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 6307.

В связи с постановлением Временного Правительства о лишении права участия в Учредительном Собрании Бухары, Хивы и Финляндии, Слуцкий, в виде отдельного вопроса, предложил Комитету, на основании особого доклада, ходатайствовать перед Временным Правительством о предоставлении сказанного права Бухаре, имея в виду не только русские поселения в Бухаре, но и все ханство в целом. Последняя мысль, не считающаяся с положением Бухары, как иностранного, хотя и протекторатного государства, была отвергнута подавляющим большинством голосов. Поэтому решено лишь просить о предоставлении права послать представителей в Учредительное Собрание русскими поселениями в Бухаре, каковые могли бы, как сведущие лица, осветить и бухарский вопрос в целом.

Чиркин.

73. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

14 июля 1917 г., № 6358.

Со времени апрельских событий в Старой Бухаре назревало недовольство новым кази-каляном, занявшим пост в силу случайных обстоятельств.

11 июля мне было передано, по поручению эмира, что муллы настаивают на возвращении к власти прежнего кази-каляна, создавая тревожное, грозящее беспорядками, положение. Посетив на следующий день эмира, я наблюдал его очень встревоженным. Его высочество подтвердил, что положение серьезно и что он не имеет никаких средств к устранению насилия над нынешним кази-каляном, не пользующимся авторитетом ни среди духовенства, ни среди народа, и предвидит народное волнение. По мнению эмира, подыскание на должность кази-каляна нового лица не удовлетворило бы общих требований и лишь восстановление прежнего кази-каляна способно внести успокоение. Ввиду изложенного, считаю, что задачею момента должно быть сохранение порядка на местах, для каковой цели в настоящее время

возможен только путь компромисса. Так как, в случае беспорядков, на присылку сюда наших войск рассчитывать нельзя, не говоря уже о крайней нежелательности этой меры, я заявил его высочеству, что готов не возражать против возвращения к власти прежнего кази-каляна, при условии смещения кушбеги, человека не государственного, не авторитетного и слишком пассивного перед духовенством, и замены его более сильным лицом. Эмир сказал мне, что прежнему кази-каляну, вина которого до сих пор проблематична, могли бы быть даны категорические указания к усвоению нового курса и необходимости примирительного отношения к «джедидам»; вопрос же в целом обещал передумать, согласившись, что перемены в правительстве, в противовес духовенству, необходимы. Говоря о кандидатах на пост кушбеги, его высочество называл чарджуйского бека и сановника мирзу Селим-Бека. Сегодня мною получено известие о восстановлении прежнего кази-каляна и назначении так называемым «нижним кушбеги» — «закетчием» мирзы Селим-Бека, человека, по отзывам, умного и достойного.

Полагаю, что это переход к смещению кушбеги Низам-уд-Дина Ходжи, от которого ныне отошла финансовая часть, и вопрос об его отставке связан лишь с отчетом. Выясню это при ближайшем свидании с эмиром.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

74. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

20 июля 1917 г., № 6431.

На днях обменялся визитами с восстановленным кази-каляном и новым закетчи. Кази-калян уверил меня, что он был уволен по недоразумению, что противником реформ он не являлся и лишь был удивлен тем, что, несмотря на свое положение главного духовного лица в ханстве, он не был привлечен к разработке манифеста эмира. Кази-калян подтвердил, что воля эмира и русского правительства для него закон, и он только нуждается в поддержке для продуктивной работы в соответствии с предначертаниями правительства. Я ответил, что реформы — дело бесповоротно решенное, и он имеет полную возможность доказать свою доброжелательность. Затем беседа зашла о настроении младо-бухарцев в связи с восстановлением кази-каляна. Я отметил их тревогу за участь реформ, опасение репрессий с приведением фактов, что таковые уже начались. Кази-калян заявил, что тревога «джедидов» вообще неосновательна и что, в частности, никаких репрессий по отношению к «джедидам» с его стороны не было и не будет. Ввиду сделанного младо-бухарцами в здешнем комитете по бухарским делам заявления о начавшихся притеснениях, комиссией, по моей просьбе, потребовано от них сообщение фактических данных.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

75. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

29 июля 1917 г., № 6536.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 6431.

Обвинение младо-бухарцами восстановленного кази-каляна в репрессиях по отношению к прогрессивным элементам в Старой Бухаре и смещении им 18 мулл, «джедидов», оказалось совершенно необоснованным, о чем лично мне в комитете по бухарским делам заявили сами представители младо-бухарцев. За последние две недели, т.-е. со времени возвращения к власти прежнего кази-каляна, в Старой Бухаре наблюдается полное спокойствие.

Выезжаю по делам службы на несколько дней в Ташкент.

Чиркин.

76. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

7 августа 1917 г., № 6409 [1]).

Ссылаюсь на телеграммы ваши за №№ 2873 и 3118 и мою за № 6225. Копия в Ташкент.

В бытность в Ташкенте я узнал, что намеченный в состав советников по реформам в Бухаре Семенов подлежит перечислению в киевский военный округ, что могло бы осложнить приглашение его в недалеком будущем на бухарскую службу, тогда как в настоящий момент он мог бы быть без затруднения откомандирован в Бухару, состоя в распоряжении туркестанского генерал-губернатора. — В виду сего, по поручению председателя Туркестанского Комитета, я доложил об этом деле эмиру. Его высочество, не встретив препятствий к приглашению ныне же Семенова, выразил однако желание, принимая во внимание неспокойное еще настроение в Бухаре и учитывая также наши текущие события, чтобы работа Семенова не носила пока активного характера. Резидент разъяснил эмиру, что первый период работ как Семенова, так и других советников неизбежно должен носить кабинетный характер подготовительного свойства. Годичное вознаграждение Семенову предполагается в размере восьми тысяч рублей, но сумма эта могла бы быть несколько повышена в виду тяжелых в настоящее время жизненных условий.

Прошу телеграфных указаний по вопросу о Семенове, требующему срочного решения, сообщите мне окончательный взгляд министерства относительно коллегии советников и ее состава.

Чиркин.

---

[1]) Под таким номером приведена эта телеграмма в подлиннике.

77. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

9 октября 1917 г., № 7606.

В Термезе произошло столкновение русских войск с бухарскими торговцами на базаре. Есть убитые бухарцы. Счел необходимым поехать лично на место для урегулирования положения и на будущее. Инцидент улажен при умелом содействии бека. Подробности письмом. Сегодня посетил вторично эмира и беседовал о предстоящих реформах. Эмир на ближайшее время отказался ограничиться советником...[1]), вопрос же остальных ...[2]), чтобы точнее наметить план предстоящих реформ. Я, присоединяясь, полагаю, что мне, Жуковскому, Семенову совместно с эмиром нужно предварительно разработать план проведения реформ, считаясь с несколько возбужденным состоянием старобухарцев. Сегодня на три дня уезжаю по вызову в Ташкент.

Елпатьевский [3]).

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Тоже.

[3]) Елпатьевский прибыл на место службы 30 сентября 1917 года (то же дело, телеграмма от 30 сентября 1917 г., № 7470). (*Прим. ред.*)

Дневник Николая Романова.

Опубликованная Центрархивом переписка Николая и Александры Романовых [1]) не дает сплошной картины событий за период декабрь 1916 г. — февраль 1917 г.: убийство Гр. Распутина заставило Николая Романова спешно покинуть ставку и вернуться 19 декабря 1916 г. домой в Царское Село, где он прожил почти до кануна революции. Таким образом, в истории последних месяцев самодержавия переписка б.б. царя и царицы оставляет большой пробел, а между тем «на этот именно промежуток падает окончательная, последняя, уже без поддержки Распутина, борьба Александры Федоровны за власть и влияние, и последняя ее победа — последний председатель царского Совета Министров Голицын, сменивший подозрительного для царицы Трепова, был ее креатурой» [2]).

Опубликование печатаемого ниже извлечения из дневника Николая Романова за время с 16 декабря 1916 г. по 30 апреля 1917 г. имеет целью восполнить в некоторой мере вышеуказанный пробел. При всем лаконизме и протокольной сухости ежедневных записей Николая дневник его все же дает ценные сведения о его времяпрепровождении в декабре—феврале, о министрах и других лицах, которых он принимал по делам в дни «последней борьбы» царицы за власть и влияние, и т. д. Записи за время с 22 февраля и по 6 марта 1917 г. — роковые дни для Романовского самодержавия — являются значительным дополнением к письмам и телеграммам Николая, опубликованным в V томе «Переписки». Что же касается позднейших записей, т. е. начиная с 7 марта, то они являются непосредственным первоисточником для биографии последнего царя после его свержения, сообщая не только бытовые факты из его жизни с семьей под арестом в Царском Селе, но и некоторые мысли его о русской революции и оценки революционных деятелей, напр., Керенского и др.

Правда, значительное количество выдержек из дневника Николая за этот и позднейший период уже появлялись в нашей печати, но в полном виде, без купюр, дневник последнего царя опубликован не был. В последующих томах «Красного Архива» будет напечатана дальнейшая часть дневника, начиная с 1 мая до конца 1917 года.

Текст дневника Николая Романова воспроизводится здесь полностью с подлинника, хранящегося в Особом Отделе Центрального Архива Октябрьской Революции («Дневники Николая Романова», тетрадь № 50), без каких-либо купюр, но по новой

---

[1]) «Переписка Николая и Александры Романовых», т.т. III, IV, V (1914—1917 гг.). Гиз. Москва—Ленинград. 1923—1927.

[2]) Предисловие М. Н. Покровского к «Переписке Николая и Александры Романовых», т. V, стр. III.

орфографии; слова, пропущенные в подлиннике, и части дописанных слов взяты в прямые скобки; подчеркнутое в тексте набрано разрядкой, пунктуация подлинника и некоторые сокращения слов сохранены. К тексту прилагается объяснительный указатель имен.

Текст дневника подготовил к печати А. А. Сергеев.

1916 ГОД.

16-го декабря. Пятница.

Утром было 7° мороза и яркое солнце, впрочем, скоро спрятавшееся.

Завтракало трое новых англичан, француз и трое румын [1]). Прогулка была по дороге на Оршу — Алексей играл в своем арх[иерейском] лесу. Прошел 6 верст. Обедал ген.-ад. Эверт. Вечером читал и писал мама.

17-го декабря. Суббота.

Доклад был совсем короткий.

Завтракали все три главноком[андующие]. Прогулку сделали туда же в арх[иерейский] лес. Вернулись домой в $4^1/_2$. После чая в штабе происходило совещание по военным вопросам до обеда и затем от 9 ч. до $12^1/_2$ ч.

18-го декабря. Воскресенье.

Утром было 14° мороза. После обедни пошел к докладу Лукомского, нового ген.-квартирмейстера, а затем на заседание главнокоманд[ующих]. После завтрака оно продолжалось еще полтора часа. В $3^1/_2$ поехали вдвоем в поезд. Через час уехали на север. День был солнечный при 17° мороза. В вагоне все время читал.

19-го декабря. Понедельник.

Хорошо выспался. Мороз стоял крепкий. Все время в вагоне читал. Прибыли в Царское Село в 6 ч. Дорогая Аликс с дочерьми встретила и вместе поехали домой. После обеда принял Протопопова.

20-го декабря. Вторник.

День простоял ясный и морозный—14°. Утром принял англ[ийского] полк[овника] Burn — адъютанта Georgie, кор[оля] англ[ийского], и затем Шуваева. Погулял перед завтраком и днем с детьми. В 4 ч. принял сен[атора] Добровольского, кот[орый] назначается упр[авляющим] мин[истерством] юстиции. В 6 час. принял Трепова.

После обеда вечер провели вместе.

---

[1]) Военные представители союзных держав при ставке верх. главнокомандующего. (*Прим. ред.*)

21-го декабря. Среда.

В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, кот[орый] стоял уже опущенным в могилу. О. Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза. Погулял до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева.

Днем сделал прогулку с детьми. В $4^1/_2$ принял нашего Велепольского, а в 6 ч. Григоровича. Читал.

22-го декабря. Четверг.

Утром у меня был Сандро.

В $12^1/_2$ пошли к молебну в походную церковь, по случаю именин Анастасии. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.) [1]). Сделал с ним и дочерьми прогулку вокруг парка. В 4 ч. принял Протопопова, а после чая Покровского. Вечером занимался.

23-го декабря. Пятница.

Утром у меня был Воейков. В 11 ч. принял Барка, а затем представляющихся. Погулял до 3 час. Погода сделалась мягкая. Принял Протопопова, в 4 ч. Щегловитова. В 6 ч. Танеева. Вечером читал.

24-го декабря. Сочельник.

В 11 ч. поехал с дочерьми к концу обедни и к вечерне. Завтракал Саблин (деж.). Погулял. Было 10° мороза и тихо. В 4 ч. принял В. Кочубея. До чая была наверху е л к а детям и наша одновременно.

В $6^1/_2$ поехали ко всенощной. Обедали Аня и Н. П. Занимался.

25-го декабря. Рождество Христово.

Хороший солнечный день, 8° мороза. В $10^1/_2$ поехали к обедне. В 2 часа была первая елка конвоя, Свод[ному] и Жел[езнодорожному] полкам. Играли балалаечники, и недурно пел хор песенников. Вернулись домой в $3^1/_4$. Погулял с Ольгой. До 5 ч. принимал Протопопова. После чая — кн. Голицына. Вечером видели семью покойного Григория у Ани. Читал немного — был посвободнее.

26-го декабря. Понедельник.

Погулял четверть часа. Принял Григоровича и Риттиха. После завтрака поехали в манеж на вторую елку. Хор Железнодорожного полка пел и играл на балалайках и домрах, чередуясь со Сводным полком. Сделал прогулку с детьми.

Принял Рейна. Обедал Мордвинов (деж.) Видел сен[атора] Кульчицкого, кот[орый] будет назначен упр[авляющим] м[инистерством] нар[одного] пр[освещения].

[1]) Т.-е. «дежурный». (*Прим ред.*)

27-го декабря. Вторник.

Утром у меня были доклады — Шуваева и Булыгина. После завтрака поехали в манеж на третью и последнюю елку. Опять хор Железнодорожного полка играл усладительно.

Погулял с Татьяной и Марией. Погода была отличная, солнечная и морозная — 8°. В $4^1/_4$ принял Раева. После чая был кинематограф — того же содержания, как в Могилеве. У Алексея заболела правая рука от ушиба; он, бедный, очень страдал перед ночью. Занимался долго после обеда.

28-го декабря. Среда.

Сегодня Алексею лучше; он пролежал целый день в игральной. Принял Добровольского. В $12^1/_2$ ч. митрополит Питирим славил Христа с братией. Завтракали: Аня и Гротен. Гулял с дочерьми. Принял Максимовича и затем кн. Голицына, нового пред[седателя] Сов[ета] Мин[истров]. После чая у меня был кн. Ширинский-Шихматов по делам Палестинского О[бщества]. Читал. Вечером посидел с Алексеем.

29-го декабря. Четверг.

Немного погулял. Погода была солнечная при 7° мороза. В 11 час. принял Мамантова и затем Ильина по Красному Кресту. Днем гулял один. В 4 ч. у меня был Щегловитов; в 6 час.—Фредерикс и потом Танеев. Алексей себя чувствовал хорошо, но день всетаки пролежал. Вечером занимался долго.

30-го декабря. Пятница.

Утром был туман при 9° мороза. В 11 час. принял анг[лийского] посла Бьюкенан и Барка. После завтрака уральскую казачью депутацию.

Погулял с дочерьми. В 4 ч. у меня был Боткин — моряк. Вечером читал.

31-го декабря. Суббота.

Принял доклады: Шуваева, Кульчицкого и Фредерикса. До завтрака зашел наверх к Алексею; его рука совсем поправляется. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Погулял с детьми. В 4 часа принял ген. Беляева и затем кн. Голицына. В 6 ч. поехали ко всенощной. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы господь умилостивился над Россией!

1917 ГОД.

1-го января. Воскресенье.

День простоял серенький, тихий и теплый. В $10^1/_2$ ч. поехал с дочерьми к обедне. После завтрака сделал прогулку вокруг парка. Алексей встал и тоже был на воздухе. Около 3 ч. приехал Миша, с кот[орым] отправился в Большой дворец на прием министров, свиты, на-

чальников частей и дипломатов. Все это кончилось в 5.10. Был в пластунской черкеске. После чая занимался и отвечал на телеграммы. Вечером читал вслух.

2-го января. Понедельник.

Мороз снова усилился. Погулял недолго. Принял Григоровича, Риттиха и нового управл[яющего] мин[истерством] путей сообщения Войновского-Кригера. Обошел весь парк с дочерьми. В 6 ч. у меня был Протопопов, затем Танеев. Занимался вечером после прощания с Алексеем.

3-го января. Вторник.

Утром у меня был Воейков. После небольшой прогулки принял Шуваева, кот[орый] уходит, и Покровского.

После завтрака просидел полтора часа наверху у зуб[ного] врача Кострицкого, приехавшего из Ялты. Погулял с дочерьми. Мороз стоял порядочный. В 6 ч. принял Шаховского. Обедал Линевич (деж). Вечером говорил с ним. Читал вслух.

4-го января. Среда.

Утром приехал Алек по случаю награждения тройным портретом на груди. Погулял. В 11 ч. принял Добровольского и затем кн. Голицына-Муравлина. После завтрака провел полтора часа у Кострицкого. Сделал прогулку в полутьме. В 6 час. у меня был Щегловитов. Занимался. Вечером почитал вслух.

5-го января. Четверг.

Утром принял кн. Голицына.

В 11 час. поехали к обедне с водосвятием. После службы о. Александр окропил все наши комнаты.

После завтрака опять посидел у зуб[ного] врача и погулял с Татьяной и Марией. До чая принял ген. Шильдера, директора лицея. Перед обедом принял Гурко, кот[орый] приехал из Могилева на 3—4 дня. Занимался недолго.

6-го января. Богоявление.

Поехали к обедне, кот[орую] служил митр. Питирим, скоро и благолепно. После завтрака был у Кострицкого долго. Погулял с Татьяной и Марией. Было солнечно и морозно —10°.

До чая принял А. С. Боткина, а в 6 час. кн. Ширинского. Много читал и все окончил. Вилькицкий (деж.) обедал. Вечером читал вслух.

7-го января. Суббота.

Беляев имел свой первый доклад как военный министр. После него принял Родзянко. От 2 до 3½ сидел у Кострицкого. Погулял с Марией. Фредерикс пил у нас чай. Поехал ко всенощной. Вечером принял Протопопова.

8-го января. Воскресенье.

После обедни поехал встречать Кароля — наследного [принца] румынского — и привез его домой. Он завтракал с нами. Приняли его свиту; затем долго разговаривал с ним и с пред[седателем] сов[ета] мин[истров] Братиано. Погулял с Марией и Анастасией. Мороз был небольшой. Занимался до 8 час. Обедал Н. П. (деж.).

9-го января. Понедельник.

Немного погулял. После доклада Григоровича принял Шуваева и графа Игнатьева. От 2 до 3 ч. посидел у Кострицкого. Сделал хорошую прогулку. До чая принял ген. Мрозовского из Москвы. Занимался до $7^1/_2$ ч. Дали обед Каролю и всем румынам. Миша тоже приехал. Разговаривали до $9^1/_2$. Вечером был свободен.

10-го января. Вторник.

Утром принял Беляева, Самарина и кн. Шаховского. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Погуляли все вместе, Аликс в санках. Было ясно и морозно. В 6 час. у меня был Стахович по коннозаводству. Окончил бумаги скоро. Вечером читал вслух.

11-го января. Среда.

Утром ко мне заходили Воейков и Боткин. Погулял недолго. Принял — Войновского-Кригера, Ягмина, ком[андира] Нижегородцев, и сенатора Кривцова. После завтрака приняли вместе жену Кульнева с маленьким сыном, моим крестником. Погулял с Ольгой. В 4 ч. принял Щегловитова, а в 6 ч. Штюрмера. Занимался бумагами. Обедали: Лили Ден с мужем, кот[орый] приехал с «Варяга» с Мурмана, Аня и Н. П. Вечером читал вслух.

12-го января. Четверг.

После утренней прогулки принял кн. Голицына и Покровского.

По случаю именин Татьяны пошли к молебну в походную церковь. Миша завтракал. В $2^1/_2$ у меня были Костя и Игорь. Погулял с Ольгой и Марией. В 6 час. был кинематограф.

13-го января. Пятница.

Солнечный день при 12° мороза. Погулявши, принимал — докладов не было. Завтракал Кедров, кот[орый] теперь контр-адмирал свиты и начальник минной дивизии Балт[ийского] моря. Днем сделал хорошую прогулку с Ольгой и Марией. В $6^1/_2$ ч. принял Протопопова. Вечер был свободный.

14-го января. Суббота.

От 11 час. принял: Дейтриха — вице-председателя Госуд. Совета, Беляева, Трепова и Фредерикса. Он с нами завтракал. Принял с Але-

ксеем депутацию от 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. Погулял с Ольгой и Марией.

В 4 часа принял ген. Гурко.

В $6^1/_2$ поехал с детьми ко всенощной. Обедал Стефанович (деж.). Читал.

15-го января. Воскресенье.

В $10^1/_2$ поехали к обедне. Завтракал Линевич (деж.).

В 2 часа отправился со всеми детьми на снеговых моторах Кегресса к Пудкову; проезжали по разным оврагам, спустились с горы, ехали прямо полями и болотами вдоль Гатчинского шоссе и вернулись чрез Баболово. Нигде не застряли, несмотря на глубокий снег, и вернулись домой в 4 ч. очень довольные необычайной прогулкой. Погулял еще в саду. После чая принял сен. Милютина по делам наместничества. Читал до 8 ч. Вечер провели на той стороне у Ани с Н. П., обоими Ден, С. В. Злебовым и Линевичем.

16-го января. Понедельник.

Стало холоднее, день простоял ясный. Погулял. Принял Григоровича с Русиным. Затем двенадцать итальянцев их [sic!] торговой палаты. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял полтора часа с О[льгой], М[арией] и А[настасией]. В 6 ч. принял Маклакова. Вечером был свободен и читал вслух.

17-го января. Вторник.

В 10 ч. у меня был Борис и затем Воейков. Вышел на четверть часа. Принял Беляева и Покровского. Завтракал Кароль. Погуляли с ним. Было ясно и мороз в 16°. В 6 ч. у меня был ген. Хабалов. Миша приехал к обеду и посидел до 10 ч. Читал вслух.

18-го января. Среда.

Солнечный день, 14° мороза и свежий S. W. Недолго гулял. В 11 ч. принял членов съехавшейся конференции — от Англии, Франции и Италии, всего 37 чел.[1]). Поговорил с ними около часа. В 12 час. у меня был Сазонов, назначенный послом в Англию.

У Алексея болели гланды, он пролежал весь день. Обошел весь парк. В 6 час. принял Танеева. Читал.

19-го января. Четверг.

Мороз увеличился, день простоял светлый. После прогулочки принял Мамантова, ген. Фролова, Пильца и пензенского губернатора Евреинова. После завтрака посидел у Алексея — ему лучше

[1]) В конце января в Петрограде происходила междусоюзная военная конференция по вопросу о подготовке и начале общего наступления против австро-германцев. См. в настоящем томе ст. «Конференция союзников в Петрограде в 1917 г». *Ред.*

и жара почти не было. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. До чая принял А. С. Боткина, после Добровольского. Вечером занимался и затем посидел у Ани с Денами, Гротеным [sic!] и Н. П.

20-го января. Пятница.

Утром у меня был Кирилл по возвращении из поездки на Мурман в г. Романов. После прогулки принял Барка и в 12 час. lord Milner. Он, В. Долгоруков и Н. П. (деж.) завтракали. Погулял с Татьяной. Мороз был здоровенный — к ночи он дошел до 23°. В 7 ч. принял Протопопова. Обедал Н. П. Читал немного.

21-го января. Суббота.

Морозный ясный день. Принял Беляева, Кульчицкого и Фредерикса, кот[орый] завтракал, также Мордвинов (деж.). В 2 часа принял Думерг и говорил с ним до $3^1/_2$ ч. Погулял полчаса и принял Раева. После чая у меня был Гурко и затем кн. Голицын. В 8 час. был большой обед всем членам союзной конференции. Разговоры окончились в $10^1/_2$ ч.

22-го января. Воскресенье.

Солнечный морозный день.

В 10 час. принял итальянского министра из состава членов конференции — Шалойя. В $10^1/_2$ поехали с дочерьми к обедне. Завтракали: Мордвинов и Сердюков (деж.). Посидел у Алексея и затем погулял с Татьяной. Читал и писал до 8 ч. После обеда провели вечер на той стороне с Денами, Аней, Н. П., Солтановым и Чистяковым.

23-го января. Понедельник.

Утром у меня были Гротен и Граббе с новым офицером 1-го Гребенского полка Вертеповым. После прогулки принял Григоровича и командующего Балтийским флотом в.-а. Непенина. Затем франц[узского] генерала Castelnau, кот[орый] завтракал с нами. От $2^1/_2$ до $4^1/_2$ ч. принимали офицеров, окончивших ускоренный курс военной акад[емии], числом 227 чел.; громадное количество из них ранено и контужено.

Выбежал на полчаса в сад.

В 6 час. принял Булыгина. Читал. Обедали — Аня и Эристов (деж.). Вечером читал вслух.

24-го января. Вторник.

С 10 час. до часа принимал: Гурко, Беляева и Покровского. Завтракал Кароль, вернувшийся с фронта. Погулял с дочерьми. Было 12° мороза. Занимался до 8 час. Вечер был свободный.

25-го января. Среда.

Утром явился Воейков из Пензенской губернии. Погулял. Принимал представляющихся, последним был Граббе—донской атаман. Зав-

тракал и обедал Н. П. (деж.). Гулял один. Погода была солнечная и очень морозная — 17°.

До чая принял сенатора Трегубова, а после кн. Шаховского. Вечером занимался.

26-го января. Четверг.

Мороз полегчал. День стоял солнечный. После прогулки принял Мамантова, ген. Остроградского и Раева. Завтракал Кароль и его свита. Простились с ними — они уезжают в Москву. Погулял с Татьяной. В 6 час. принял Протопопова. После обеда сидели на той стороне с Денами, Алей, Н. П. и Злебовым.

27-го января. Пятница.

За ночь сделалась оттепель — первая с начала декабря. Было ясно и очень ветрено. Погулял. Принял Барка и Войнов[ского]-Кригера; познакомился с инж[енером]-строителем Мурманской жел[езной] дор[оги] Горячковским. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Гулял с дочерьми и работал у начала основания снеговой башни. От 4 ч. принимал Братиано, а после чая кн. Голицына.

Вечером читал недолго.

28-го января. Суббота.

Теплый серый день. Утром был Воейков. После прогулки принял Беляева, Хана-Нахичеванского, Стремоухова, Седергольма и Фредерикса, он завтракал. Погулял с дочерьми и поработал в снегу. В $6^1/_2$ поехали ко всенощной. Обедал Замойский (деж.). Вечером читал и делал puzzle с Марией.

29-го января. Воскресенье.

Был мороз в 6°. Поехали к обедне. Днем погулял и поработал в снегу. Сидел у Алексея до чая. В 6 час. принял старого Клопова. Читал до 8 час. Вечером были на той стороне и видели Н. П., Лили Ден, Ребиндера с женою, Линевича, А. П. Саблина.

30-го января. Понедельник.

Проснулся с хрипотой. После Григоровича принял ген. Меллер-Закомельского, ген. Хелленса и полковника гр. Адлерберга. Погулял с Татьяной. Погода стояла приятная. Сидел у Алексея до чая. В 6 ч. принял Щегловитова, а затем Протопопова. Завтракал и обедал Линевич (деж.). После вечерних бумаг делали puzzle.

31-го января. Вторник.

Хрипота была меньше. Зашел утром к Алексею и погулял. Принял Беляева и Покровского. Обошел парк с Марией.

Ольга и Татьяна были в городе до чая и заседали в Татьянинском комитете. В 6 час. у меня был с докладом д[ядя] Павел. Читал до обеда. Вечером делали puzzle.

1-го февраля. Среда.

Утром принял Танеева, Феодосьева, английского адмирала Джерама и японского мор[ского] агента Сузуки. Погулял с Марией, пока другие ездили на лыжах, держась веревкой за сани. Дул шторм, но было тепло. В 4 часа принял кн. Шаховского, а после чая кн. Голицына.

В 6.45 поехали ко веснощной. Вечером занимался и затем читал вслух.

2-го февраля. Сретение господне.

Утром был Борис с раненым прапорщиком Масальским, потерявшим зрение, и двумя казаками, убежавшими из плена. В $10^1/_2$ поехали к обедне. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.).

В 2 часа приняли вдвоем депутацию от моего 1-го Кизляро-Гребенского полка. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. Погода была солнечная и морозная. В $4^1/_2$ принял Мамантова, а в 6 час. Протопопова. Читал после обеда.

3-го февраля. Пятница.

После прогулки принял Барка, Рейна, Скалона и Дрентельна. Завтракал Н. П. (деж.). В $2^1/_2$ у меня был Трепов.

Погулял с Ольгой. В $4^1/_2$ принял Кутайсова, кот[орый] вернулся из Персии, куда он сопровождал Дмитрия [1]). После чая читал и затем принял Добровольского. Обедали Лили Ден и Н. П. Сидели и собирали вместе puzzle.

4-го февраля. Суббота.

Солнечный морозный день. Утром были Воейков и Сандро. Погулял. Принял Беляева и Фредерикса. Он и Вилькицкий (деж.) завтракали.

Погуляли с Марией. Писал Georgie английскому. После чая поехали ко всенощной. Вечером занимался.

5-го февраля. Воскресенье.

Очень холодный ясный день — 20° мор[оза]. Были у обедни. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В 2 часа принял Думерга, лорда Мильнера, Шалойя и ген. Кастельно перед отъездом их из России. Погулял с Марией и Анастасией. В 9 час. пошли на ту сторону и послушали оркестр Гулеско. Румыны играли отлично. Разошлись в полночь.

6-го февраля. Понедельник.

Утром у меня был Нилов. Погулял 10 мин. Принял Григоровича и Риттиха, кот[орый] вернулся из поездки на юг и в Самару. Завтр[акал]

---

[1]) Дмитрий Павлович, вел. кн., за участие в убийстве Гр. Распутина был выслан Николаем Романовым из Петрограда на персидский фронт. *(Прим. ред.)*

и обедал Кутайсов (деж.). Посидел у Алексея, как всегда, перед прогулкой. В 4 ч. принял Мосолова, а в $6^1/_4$ ген. Адлерберга. Миша пил чай. Протопопов был у меня на полчаса. Вечером долго занимался.

7-го февраля. Вторник.

Морозный день. С $10^1/_2$ принял: Гурко, Беляева, нового японца — посла Ушида с посольством и Покровского. Завтракал Свечин (деж.). Погулял один. В 6 час. был д[ядя] Павел с докладом. Читал и писал. Вечер провели вместе.

8-го февраля. Среда.

Весь день была мятель, и поезда всюду задерживались. Принял четырех представляющихся. Завтракала графиня Воронцова. Посидел у Алексея и погулял. В 6 ч. принял Добровольского. Занимался. Обедал Дмитрий Шер[еметев] (деж.).

9-го февраля. Четверг.

С 10 ч. принял Гурко, Мамантова и Раева. Погулял четверть часа. Завтракал Георгий Мих[айлович], вернувшийся из объезда армии в течение трех месяцев. Сделал прогулку с Марией. В 6 час. принял Протопопова. Весь вечер читал.

10-го февраля. Пятница.

В 10 ч. у меня был кн. Голицын. Погулял. Принял пять генералов и затем Войновского-Кригера. Завтракал и обедал Линевич (деж.).

В 2 часа приехал Сандро и имел при мне в спальне долгий разговор с Аликс. Гулял с Марией; у Ольги заболело ухо. До чая принял Родзянко. Миша пил чай. Затем принял Щегловитова. Вечером занимался до 11 час.

11-го февраля. Суббота.

В 10 ч. принял Маркова по финлянд[ским] делам. Погулял полчаса; опять была мятель при 8° мороза. В 11 ч. принял Беляева и затем гр. Нирода. Пошел наверх к Ольге и Алексею, кот[орые] днем лежали в одной комнате. Завтракал и обедал Петровский (деж.). Он сопровождал Георгия в его поездке. Принял гахама караимов Шапшала из Евпатории. Погулял с Марией. Соня Ден пила чай. Маклаков был у меня до $6^1/_2$ ч. Поехал ко всенощной с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией].

Вечером долго читал.

12-го февраля. Воскресенье.

Утром шел снег и мело; днем вышло солнце и стало морознее. Были у обедни, завтракал Митя. Осмотрел дом с трапезною, кот[орый] построен заботами Ломана в старом русском стиле — очень красиво.

Погулял с Марией. До чая принял Сергея. После 6 ч. читал и писал Карлу норвеж[скому]. Вечер провели на той стороне. Опять играли румыны, и Лерский потешал нас до 12 час.

13-го февраля. Начало великого поста.

Хороший нехолодный день. С 10 час. принял: Григоровича, Риттиха и Гурко. Последний меня задержал настолько, что я опоздал вовсе к службе и пошел наверх к Ольге и Алексею. Завтракал Замойский (деж.) по случаю моего уланского праздника.

Принял Абациева — командира 6-го Кавк[азского] арм[ейского] корпуса. Долго гулял. В 6 ч. принял кн. Голицына и поехал в пещерный храм. Вечером читал.

14-го февраля. Вторник.

В 10 час. принял Покровского и затем Беляева. В $11^1/_2$ поехали к службе. Погода была мягкая, серая. Принимал после завтрака до $3^1/_4$. Погулял. Алексей днем встал, Ольга еще лежит. В $6^1/_2$ поехали в церковь. Обедали: Мордвинов (деж.) и Н. П. Занимался до $10^1/_2$ час.

15-го февраля. Среда.

У меня сразу сделался сильный насморк. В 10 час. принял ген.-ад. Безобразова. В $11^1/_2$ час.— к обедне. Завтракал и обедал Сашка Воронцов (деж.). Принимал и осматривал собрание рисунков и фотографий военной трофейной комиссии до $3^1/_2$. Погулял. Погода была мягкая. Сегодня прибыл из Измаила баталион Гвар[дейского] Экипажа и расположился в Александровке. В 6 ч. принял А. С. Боткина. Вечером занимался.

16-го февраля. Четверг.

С 10 час. принял: Ильина, Кочубея и Мосолова. В $11^1/_2$ поехали к часам. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Посидел у Ольги, Марии и Алексея. Погулял с Татьяной и Анастасией. Было 5° мороза и тихо. В $9^1/_2$ принял Протопопова.

17-го февраля. Пятница.

Утром принял Барка и затем М. Граббе. Ездили к обеим службам. День был солнечный и морозный. Погулял с Татьяной и Анастасией. В $4^1/_2$ принял Озерова. Завтракал и обедал Кутайсов (деж.). Вечером исповедывались.

18-го февраля. Суббота.

Солнечный и морозный день. В 9 час. поехали с Татьяной и Анастасией к обедне и причастились св. тайн. Затем о. Ал[ександр] Васильев приехал к нам и приобщил Ольгу, Марию и Алексея. В 12 час. принял Беляева. Погулял один. В 4 ч. у меня был Рейн. Ездили ко всенощной. Обедал Свечин (деж.).

19-го февраля. Воскресенье.

В $10^1/_2$ поехали к обедне с Татьяной, Анастасия тоже простужена. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял один. До чая принял Балашева — члена Гос. Думы. В 6 час. был кинематограф — видели конец «Таинственной руки».

Вечером у Аликс собрались: Лили Ден, Н. П., Мясоед[ов]-Иванов, Родионов и Кублицкий.

20-го февраля. Понедельник.

Встал поздно. Утром был Воейков. После десятиминутной прогулки принял Григоровича и полк. Данильченко, командира запасного батальона Измайловского полка. Побыл наверху у болящих. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В $2^1/_2$ принял деп[утацию] от 8-го грен[адерского] Московского полка. Погулял. В 4 ч. у меня был Шаховской. В 6 ч. кн. Голицын и затем д[ядя] Павел. Успел прочесть нужные бумаги до обеда.

21-го февраля. Вторник.

Погулял полчаса. Погода была холодная и ветреная, шел снег. Принял Беляева, Покровского, Щегловитова, полк. Доброжинского и Крейтона, нового командира л.-гв. 1-го Стрелко[вого] полка. Завтракала Елена Петровна. Посидел наверху у Ольги и Алексея, кот[орому] лучше. Погулял с Татьяной. В 4 ч. принял Танеева, в 6 час. Стаховича и в 9.45 Протопопова. Обедали Аня и Петровский (деж.).

22-го февраля. Среда.

Читал, укладывался и принял: Мамантова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим [семейством?] и поехал с Аликс к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа у е х а л на ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля.

23-го февраля. Четверг.

Проснулся в Смоленске в $9^1/_2$ час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц[узскую] книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в М о г и л е в в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним [1]). Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай.

24-го февраля. Пятница.

В $10^1/_2$ пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком [?] принес мне от имени бельгийского короля военный крест.

[1]) От слов «с ним» в подлиннике проведена стрелка к слову «Алексеевым». *Ред.*

Погода была неприятная — мятель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру.

25-го февраля. Суббота.

Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В $2^1/_2$ заехал в монастырь и приложился к иконе божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной. Весь вечер занимался.

26-го февраля. Воскресенье.

В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился во-время. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр[уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино.

27-го февраля. Понедельник.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Ц[арское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник.

Лег спать в $3^1/_4$, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1-го марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам господь!

2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор

в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!

3-го марта. Пятница.

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в М о г и л е в. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9½ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четырехвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4-го марта. Суббота.

Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую мама, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и мятель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к мама и просидел с нею до 11 ч.

5-го марта. Воскресенье.

Ночью сильно дуло. День был ясный, морозный. В 10 ч. поехал к обедне, мама приехала позже. Она завтракала и оставалась у меня до 3¼. Погулял в садике. После чая принял Н. И. Иванова, вернувшегося из командировки. Он побывал в Царском Селе и видел Аликс. Простился с бедным гр. Фредерикс и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь; они уехали в его имение [в] Пензен[ской] губ[ернии]. В 8 час. поехал к мама к обеду.

6-го марта. Понедельник.

Утром был очень обрадован, получив два письма от дорогой Аликс и два письма от Марии. Их привезла жена кап. Головкина л.-гв. Финляндского полка. Погулял в садике. Мама приехала к завтраку. Посидели вместе до 3 ч. Гулял; опять началась мятель. После чая принял Williams. К 8 ч. поехал к мама в поезд.

7-го марта. Вторник.

Получил еще два письма от дорогой Аликс, привезенные двумя офицерами конвоя. В 11 час. принял Williams, Janin, Ryckel; все так тепло и участливо относятся. Завтракала мама, просидел с нею до $2^1/_2$. Принял Coanda, Romei, Marcengo и Лонткевича. Погулял около часа. Погода была мягкая, но целый день шел снег. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мама и поиграл с ней в безик.

8-го марта. Среда.

Последний день в Могилеве. В $10^1/_4$ ч. подписал прощальный приказ по армиям. В $10^1/_2$ ч. пошел в дом дежурства, где простился с со [sic!] всеми чинами штаба и управлений. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мама в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до $4^1/_2$ час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск.

Погода морозная и ветренная.

Тяжело, больно и тоскливо.

9-го марта. Четверг.

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в $11^1/_2$. Но, боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валей Долг[оруковым] и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

10-го марта. Пятница.

Спали хорошо. Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все в м е с т е, радует и утешает. Утром принял Бенкендорфа, затем просматривал, приводил в порядок и жег бумаги. Сидел с детьми до $2^1/_2$ час. Погулял с Валей Долг[оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков, они сегодня были любезнее. Хорошо поработали в снегу. Погода стояла солнечная. Вечер провели вместе.

11-го марта. Суббота.

Утром принял Бенкендорфа, узнал от него, что мы останемся здесь довольно долго. Это приятное сознание. Продолжал сжигать письма и бумаги. У Анастасии заболели уши, — то же, что было

с остальными. От 3 ч. до 4½ ч. гулял в саду с Валей Д[олгоруковым] и работал в саду. Погода была неприятная, с ветром, при 2° мороза. В 6.45 пошли ко всенощной в походную церковь. Алексей принял первую ванну. Зашли к Ане и Лили Д[ен] и затем к остальным.

12-го марта. Воскресенье.

Началась оттепель. Утром были Бенкендорф и Апраксин; последний покидает Аликс и простился с нами. В 11 час. пошли к обедне. Алексей встал сегодня. Ольге и Татьяне гораздо лучше, а Марии и Анастасии хуже, головная и ушная боль и рвота. Погулял и поработал в саду с Валей Д[олгоруковым]. После чая продолжал приводить бумаги в порядок. Вечером обошли жильцов дома.

13-го марта. Понедельник.

Оттепель продолжалась, день был полусерый. Погулял утром полчаса. Все еще возился с старыми делами. У Марии продолжала стоять высокая темп[ература] 40,6, а у Анастасии болели уши. Остальные себя чувствовали хорошо. Погулял также днем и поработал. Вечером сидели у Ани с Лили Д[ен].

14-го марта. Вторник.

Серый день и оттепель. Утром погулял с Валей Д[олгоруковым] три четверти часа. Теперь — много времени читать для своего удовольствия, хотя достаточное время тоже сижу наверху у детей. У Марии все сильный жар продолжается — 40,6. У Анастасии осложнение с ушами, хотя ей вчера сделали прокол прав[ого] уха. Днем погулял по всему парку.

15-го марта. Среда.

Чудный солнечный морозный день. Сделал с Валей Д[олгоруковым] и, как всегда теперь, в сопровождении одного из караульных офицеров, хорошую прогулку.

У Марии и Анастасии состояние, как вчера, плохо спали и высокая темпера[тура] Марии побила рекорд, т. к. у ней днем было 40,9. Остальные совсем поправились. Днем еще долго гулял и работал.

До обеда читал, а вечером сидели с детьми до 10 ч. и пили чай вдвоем.

16-го марта. Четверг.

Ясный морозный день. Утром погулял. Мария и Анастасия в том же положении, лежат в темной комнате и сильно кашляют; у них воспаление легких. Днем гулял и работал. Вечером посидели у Ани и затем у Бенкендорфов.

17-го марта. Пятница.

Такой же солнечный день. Погулял от 11 ч. до $11^1/_2$ ч. У Марии и Анастасии попеременно подымалась высоко темп[ература], затем опускалась, была также рвота. Днем долго гулял и работал; кончил с Валей Д[олгоруковым] дорожку у старой беседки. Вечером зашли к Ане и Лили Ден.

18-го марта. Суббота.

Серый день и оттепель; утром во время прогулки падал мокрый снег. У Марии днем было 40,9 и по временам бред, к вечеру у нее опустилось до 39,3, у Анастасии днем 37,8, веч[ером] 39,3. Днем поработал. В $6^1/_2$ пошел с Ольгой и Татьяной ко всенощной. Вечер провели семейно и разошлись на покой рано.

19-го марта. Воскресенье.

Лучезарный день. В 11 час. пошли к обедне с Ольгой, Татьяной и Алексеем. Темп[ература] у Марии и Анастасии опустилась до нормы, только к вечеру у Марии она несколько поднялась. Вышел на прогулку в 2 часа, гулял, работал и наслаждался погодой. Вернулся домой в $4^1/_2$. Сидел долго у детей, а вечером были у Ани и у других жильцов.

20-го марта. Понедельник.

У Марии и Анастасии, повидимому, наступил перелом, темп[ература] держалась нормальная; они слабы и весь день спали, конечно, с перерывами.

Погулял от 11 час. Сильно таяло. Днем много поработал. Вечером посидели у Ани.

21-го марта. Вторник.

Сегодня днем внезапно приехал Керенский, нынешний мин[истр] юстиции, прошел чрез все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти ее в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 час., пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению! — Мария и Анастасия спали почти целый день. После обеда спокойно провели вечер вчетвером с О[льгой] и Т[атьяной].

22-го марта. Среда.

Ночью была буря, и выпала огромная масса снега. День простоял солнечный и тихий. Ольга и Татьяна вышли в первый раз на воздух и посидели на круглом балконе, пока я гулял. После завтрака долго работал. Младшие много спали и чувствовали себя хорошо. Все время провели вместе.

23-го марта. Четверг.

Ясный день после 2 час. и оттепель. Утром погулял недолго. Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию. После завтрака погулял с Ольгой и Татьяной и поработал в саду. Вечер провели, как всегда.

24-го марта. Пятница.

Хороший тихий день. Утром погулял. Днем Мария и Анастасия были перевезены в игральную комнату. Успешно поработал с Валей Д[олгоруковым]; теперь почти все дорожки вычищены. В $6^1/_2$ пошел ко всенощной с О[льгой] и Т[атьяной]. Вечером читал вслух Чехова.

25-го марта. Благовещение.

В небывалых условиях провели этот праздник — арестованные в своем доме и без малейшей возможности сообщаться с мама и со своими! В 11 час. пошел к обедне с О[льгой] и Т[атьяной]. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В $6^1/_2$ были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

26-го марта. Вербное воскресенье.

Целый день простоял туман. Гулял и работал на острове. Татьяна только выходила. Прибирал книги и вещи. Вечером зашли к жильцам той стороны.

27-го марта. Понедельник.

Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть раздельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия.

Погулял с Татьяной. Ольга опять слегла, т. к. у нее заболело горло. Остальные себя чувствуют хорошо. В 9.45 спустился к себе, Татьяна посидела со мною до $10^1/_2$ ч. Затем почитал, выпил чаю, принял ванну и лег спать на своей тахте!

28-го марта. Вторник.

Спал очень хорошо. Погода была теплая, дороги оттого стали уже хуже; погулял. В 11 час. пошли к обедне. У Ольги горло продолжает болеть, темп[ература] дошла до 39,4, так скучно — еще недавно окончилась корь. Гулял и работал на островке с Т[атьяной]. В $6^1/_2$ ч. Анастасия пошла с нами к службе. Вечер опять провел с Татьяной и ночевал у себя.

29-го марта. Среда.

Хороший теплый день. Встал в $9^1/_2$ ч., т. к. спал неважно. Погулял до обедни. Служат у нас в походной церкви о. Афанасий Беляев, за болезнью нашего духовника о. Васильева, диакон, дьячок и четыре певчих, кот[орые] отлично справляются со своими обязанностями. Жаль, что не все дети могут ходить с нами в церковь! Гулял с Т[атьяной] и долго работал с нею на островке; двое из караульных офицеров тоже помогали нам. После обеда провели вечер до 10 ч. вместе, а затем Татьяна посидела у меня. Лег рано.

30-го марта. Четверг.

Дул сильный ветер и днем разогнало тучи. В 10 ч. пошли к обедне, за кот[орой] много наших людей причастилось. Недолго гулял с Татьяной; сегодня происходили похороны «жертв революции» у нас в парке против середины Александровского дворца недалеко от Китайского. Слышны были звуки похоронного марша и марсельезы.

К $5^1/_2$ уже все кончилось. В 6 час. пошли к службе 12 евангелий, о. Беляев молодцом прочел их один. Вечер провел, как все последние.

31-го марта. Пятница.

Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 час. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у парома. В $6^1/_2$ пошли к службе. Вечером исповедывались у о. Беляева.

1-го апреля. Суббота.

Забыл упомянуть, что вчера мы простились с 46 нашими служащими, которых, наконец, выпустили из Александровского дворца к их семьям в Петроград.

Погода была хорошая, с сильным южным ветром.

В 9 час. пошли к обедне и причастились св. христовых тайн со свитой и остальными людьми.

Погулял до завтрака. Днем начали ломать лед по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный. Поспал до обеда. Одарили друг друга яичками и фотографиями. В $11^1/_2$ пошли к началу полунощницы.

2-го апреля. Светлое Христово воскресенье.

Заутреня и обедня окончились в час 40. Разговлялись со всеми в числе 16 челов[ек]. Лег спать не сразу, т. к. плотно поел. Встал около 10 час. День стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Аликс давала им фарфор[овые] яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Всего было 135 чел[овек]. Днем начали работать у моста, но вскоре собралась большая толпа зевак за решеткой — пришлось уйти и скучно

провести остальное время в саду. Алексей и Анастасия вышли в первый раз на воздух.

В 7 ч. в игральной комнате наверху была отслужена вечерня. После обеда разошлись в 10 час.; читал Татьяне вслух у себя. Лег рано.

3-го апреля. Понедельник.

Отличный весенний день. В 10 час. погулял с Валей Д[олгоруковым]. В 11 час. пошел с Т[атьяной] и Ан[астасией] к обедне. После завтрака вышел с ними и Алексеем в парк и все время ломал лед у нашей летней пристани; толпа зевак опять стояла у решетки и от начала до конца упорно наблюдала за нами. Солнце хорошо согревало. После чая разбирал массу полученных прежде открыток. Вечером наверху поиграл с Аликс в «мельницу», а затем у себя почитал Татьяне вслух.

4-го апреля. Вторник.

Дивный весенний день —12° в тени. Утром погулял почти час. Днем продолжали ломать лед, и толпа попрежнему смотрела из-за решетки с улицы. Начал читать «Историю Византийской империи» Успенского, очень интересная книга. Вечер провел, как последние.

5-го апреля. Среда.

Ночью шел дождь, отчего весь снег почти исчез. День простоял серый и прохладный. Спал плохо и встал поздно. Утром погулял. Днем поработал с Алексеем и его штатом на обоих местах. Смотрело на нас немного народу. Воды было очень много, она переливалась через каменные плиты. До обеда читал свою книгу, а вечером Татьяне вслух.

6-го апреля. Четверг.

Стало совсем холодно, погода простояла серая. Гулял одновременно с Алексеем, а днем колол лед в шлюзе под мостом и затем у ручейка, при этом неизвестно почему нас всюду сопровождало 6 стрелков кроме офицера!

Вечер провел по обыкновению.

7-го апреля. Пятница.

Погода поправилась и потеплела. Долго гулял утром, т. к. было хорошо. Днем с Татьяной и Алексеем на работе. Лица солдат и их развязная выправка произвели на всех отвратительное впечатление. Много читал. С 10¼ веч[ера] у себя внизу.

8-го апреля. Суббота.

Тихо справляли 23-ю годовщину нашей помолвки!

Погода простояла весенняя и теплая. Утром долго гулял с Алексеем. Узнали, почему вчерашний караул был такой пакостный: он был весь из состава солдатских депутатов. Зато его сменил хороший

караул от запас[ного] бат[алиона] 4-го стрелкового полка. Работали у пристани из-за толпы и наслаждались теплым солнцем. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной с Т[атьяной], Ан[астасией] и Ал[ексеем]. Вечер провели попрежнему.

9-го апреля. Воскресенье.

Чудный весенний день. Погулял утром полчаса. Ходили к обедне. От 2 час. до $4^1/_2$ ч. работали и ломали лед между двумя мостами против средины дома. Читал много после чая. К вечеру собрались тучи, было очень тепло; у Аликс вынули зимние рамы.

10-го апреля. Понедельник.

День простоял прохладный.

У Алексея немного заболело горло, его уложили в постель. Ольга еще лежит, а Мария встает на несколько часов. Днем поработал с Татьяной между мостами. Вечер провел попрежнему.

11-го апреля. Вторник.

Опять чудный тихий день.

Погулял от 11 до 12 час.

Днем наконец Аликс вышла с нами на прогулку. Нагорный вез ее в кресле. Она смотрела, как мы работали на льду. Солнце грело прекрасно. Читал до обеда. Аликс заказала всенощную наверху для детей. Просидел у себя внизу с Татьяной до 11 ч.

12-го апреля. Среда.

Холодный день с ветром.

Погулял полчаса и затем посидел с детьми, пока Аликс была у обедни. Днем приехал Керенский и отвлек меня от работы на льду. Сначала он говорил с Аликс, а потом со мной. После чая читал.

Вечером посидели наверху, чай пили вместе, и спали тоже вместе.

13-го апреля. Четверг.

Ночью был мороз до 3°, и день простоял холодный с неприятным ветром. Погулял час с Валей Д[олгоруковым] как всегда утром. Днем с Т[атьяной] и штатом Алексея, но без него самого. До обеда читал, а вечером вслух дочерям до 11 час.

14-го апреля. Пятница.

Температура воздуха зимняя, вместо дождя временами шел мокрый снег. Погулял $^3/_4$ часа. Днем на прогулку никто из дочерей не вышли, боясь простуды. После чая рассматривал свои сапоги и отбирал старые и негодные. Вечером начал вслух дочерям книгу C. Doyle «The valley of the fear».

15-го апреля. Суббота.

Холодный день, но немного лучше и без снега. Погулял и почитал много. Днем вышел с Татьяной. Под конец нашей работы свободные стрелки из караульного помещения подошли к нам и смотрели с любопытством, как мы вытаскивали льдины! В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером читал вслух ту же книгу.

16-го апреля. Воскресенье.

Ночью мороз дошел до 3°. Кроме того, дул холодный ветер. В 11 ч. пошли к обедне. Гулял с Татьяной. Читал до обеда у себя и вечером детям.

17-го апреля. Понедельник.

Невольно вспомнился праздник 1-го и 2-го стрелковых полков; но никакие гласы человеческие и трубные не огласили сегодня стены Большого дворца.

Во [время] утренней прогулки думал об этом. С 12 час. до завтрака дал Алексею урок географии. Гулял и работал с Татьяной, погода была ясная и потеплее. Вечер провели, как вчера.

18-го апреля. Вторник.

За границей сегодня 1-е мая, поэтому наши болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами музыки и красными флагами. Очевидно, они вошли к нам в парк и принесли венки на могилу!

Погода как раз испортилась ко времени этого чествования — пошел густой мокрый снег! Вышел погулять в $3^3/_4$, когда все кончилось и выглянуло солнышко. Поработал полтора часа с Татьяной.

Вечером начал читать вслух детям «A Millionnaire girl».

19-го апреля. Среда.

Погода была такая же как вчера, но немного теплее. От 12 час. до завтрака сидел с Алексеем на уроке из русской истории. Днем погулял с ним и Татьяной. В первый раз все семейство обедало за одним столом — Ольга и Мария последними выздоровели.

20-го апреля. Четверг.

Необычайная осенняя погода продолжается; то появляется солнце, то идет густой снег и при этом дует сильнейший ветер. Утром от 10 ч. до 11 час. давал урок географии Алексею. Потом погулял. Днем работали на льду. Видел спящего часового, сидящего на скамейке, закутавшись в свой тулуп! До обеда и после читал долго.

21-го апреля. Пятница.

Погода немного потеплела и выдержала в смысле отсутствия осадков. Прогулялся с Алексеем на «детском острове» и затем занимался с ним русской историей.

Днем вышла гулять также Анастасия на полтора [часа]; усиленно работали на льду между мостами. До обеда читал «Ист[орию] Визант[ийской] имп[ерии]», а вечером наверху вслух.

22-го апреля. Суббота.

Отличный весенний день. Погулял с Алексеем от 11 ч. до 12 ч.; он играл на острове, а стрелки стояли на другой стороне в саду и смотрели. Днем работали на прежнем месте. Солнце хорошо припекало. В $6^1/_2$ пошли всей семьей ко всенощной. До обеда Аликс получила от «арестованных» скромные подарки, по удачному выражению Марии. Вечером читал вслух.

23-го апреля. Воскресенье.

Чудная погода выдалась для именин дорогой Аликс. Перед обедней дамы и господа, живущие во дворце, а также наши люди принесли поздравление. Завтракали, как всегда, наверху. В 2 часа вышли в сад всей семьей. Работали на пруду вокруг «детского» острова; разбили и разогнали весь лед. Вернулись домой в $4^1/_2$ часа. Читал у себя до обеда и вечером вслух. С 9 час. пошел дождь.

24-го апреля. Понедельник.

За ночь снова похолодело, день простоял шквалистый с солнцем и мокрым снегом. Утром погулял, пока Алексей играл на острове. Затем имел с ним урок географии. Днем поработали на прудах, лед со вчерашнего успешно стаял. Вечер провели, как всегда.

25-го апреля. Вторник.

Снова совсем осенняя погода.

Утром погулял, пока Алексей играл на островке. Только что мы вернулись, пошел густой снег и покрыл все белым покровом. Днем вышли на прогулку в 3 ч. и через час пошли домой. Окончил чтение интересной «Истории Византийской империи» Успенского — 870 крупных страниц.

После обеда по обыкновению делали puzzle и затем читал вслух дочерям до 11 час.

26-го апреля. Среда.

Погода была холодная, но сухая. Около 3 час. вышло солнце. После прогулки занимался с Алексеем историей, проходили княжение св. Владимира. Днем с Татьяной, Марией и Анастасией пропихивали большие льдины от шлюза до конца под обоими мостами. До обеда начал читать книгу Кассо «Россия на Дунае».

27-го апреля. Четверг.

День рождения дорогого Георгия [1]). Погода слегка улучшилась. Утром погулял подольше после урока географии с Алексеем. Завтракала Е. А. Нарышкина. От $2^1/_2$ до $4^1/_2$ гуляли и ломали последние льдины там же.

До обеда читал у себя, а вечером наверху вслух.

28-го апреля. Пятница.

День простоял хороший, солнечный. Погулял между 11 ч. и 12 ч. и имел урок истории с Алексеем.

Днем гуляли и приступили к работам по устройству огорода в садике против окон мама. Т[атьяна], М[ария], Анаст[асия] и Валя деятельно перекапывали землю, а комендант и караульные офицеры смотрели и давали иногда советы. Вечером окончил «A Millionnaire girl».

29-го апреля. Суббота.

Та же хорошая ясная погода. Погулял. Днем вышли в сад всей семьей; Аликс в кресле на лужайке смотрела на нашу работу по перекопке земли. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Последние дни обедаем без электр[ического] освещения наверху, т. к. вечера стали светлые. Начал вслух книгу S. Holmes [2]) «The hound of the Baskervilles».

30-го апреля. Воскресенье.

Отличная погода. Погулял до обедни. В 2 часа все мы вышли в сад и много наших людей, желающих поработать. Все с большим усердием и даже с радостью принялись за копание земли и незаметно проработали до 5 ч. Погода была насладительная. Читал до и после обеда.

(Продолжение следует).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Адлерберг, Алекс. Алекс., гр., ген.-от-инф., ген-адъют.

Адлерберг, Влад. Вас., гр., полк., по арм. кав.

Алек — Александр Петрович, принц Ольденбургский, ген.-адъют., ген.-от-инф., член Госуд. Совета, главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью.

Александр о. — см. Васильев, А. П.

Алексеев, Мих. Вас., ген.-адъют., ген.-от-инф.; до войны ком. 13 арм. корп.; с начала войны нач. штаба юго-зап. фронта; с весны 1915 г. ком. сев.-зап. фронтом; с августа 1915 г. — нач. штаба верховного главнокомандующего; после Февральской революции — верховный главнокомандующий (до мая 1917 г.).

Алексей — Алексей Николаевич, вел. князь, сын Николая Романова, наследник престола.

---

[1]) Георгий Александрович, брат Николая Романова, умерший в Абас-Тумане в 1899 г. *(Прим. ред.)*.

[2]) Описка, надо: C. Doyle. Речь идет о книге К. Дойля «Баскервильская собака», в которой повествуется о сыщике Ш. Холмсе (S. Holmes). *(Прим. ред.)*.

Аликс — Александра Федоровна, императрица.

Аля Пистолькорс — Пистолькорс фон, Александра Александровна, урожд. Танеева, жена кам.-юнкера А. Э. Пистолькорс, бывш. фрейлина, сестра А. А. Вырубовой.

Анастасия — вел. княжна, дочь Николая Романова.

Аня — Вырубова, Анна Александровна, урожд. Танеева, бывш. фрейлина Александры Романовой.

Апраксин, Петр Никол., граф, в должн. гофм., сост. при имп. Александре Федоровне, тов. председ. особого комитета вел. кн. Ольги Николаевны, член Татьянинского комитета, бывш. таврический губернатор.

Балашов, Петр Никол., в должн. егерм., член III Госуд. Думы.

Барк, Петр Львович, министр финансов и главнонач. отд. корпуса пограничной стражи (30 янв. (ст. ст.) 1914—1917 г.г.).

Безобразов, Владимир Мих., ген.-адъют., ген.-от-кав., ком. в начале войны гвард. корп. до июля 1915 г., когда был устранен от команд.; в декабре 1915 г. получил в ком. особый гвард. отряд, сформированный из 1-го и 2-го гвард. корпусов; после неудачных Ковельских боев в июле 1916 г. был окончательно смещен. Однополчанин Николая Романова по л.-гв. Гусарскому полку.

Беляев, Мих. Алексеевич, ген.-от-арт.; с июня 1915 г. пом. военного министра; в январе 1917 г. сменил ген. Шуваева в должности военного министра.

Бенкендорф, Павел Конст., граф, ген.-адъют., ген.-от-кав., обер-гофмаршал.

Борис — Борис Владимирович, вел. князь, ген.-майор свиты его вел., во время войны ком. л.-гв. Атаманским полком, затем состоял походным атаманом при Николае Романове.

Боткин, Алекс. Серг., отст. кап 2 р., член особого ком. по усилению военного флота на добров. пожертвования.

Братиано — председатель румынского совета министров.

Булыгин, Александр Григ., статс-секретарь, член Госуд. Совета, главноупр. собств. е. в. канц. по учреждениям имп. Марии Федоровны; бывш. министр внутр. дел.

Бьюкенен сэр Джордж Уильям, английский посол при русском дворе (1910—1917).

Валя Д. — см. Долгоруков, В. А.

Васильев, Александр Петрович (о. Александр), протоиерей, духовник царской семьи.

Велепольский, м. б., Альфред Сиг., граф, флиг.-ад., полк. л.-гв. Гусарского полка.

Williams — Виллиамс, Хенбри, ген.-лейт., начальник английской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Воейков, Владимир Никол., ген.-майор свиты е. в., дворцовый комендант.

Воронцов-Дашков, Александр Иллар. (Сашка), флиг.-адъют., полк. л.-гв. Гусарского е. в. полка.

Воронцова, гр. — Воронцова-Дашкова, Елиз. Андр., гр., вдова наместника е. в. на Кавказе гр. Илл. Ив. Воронцова-Дашкова.

Георгий Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., ген.-лейт., состоял при ставке верх. главнокомандующего.

Голицын, Николай Дм., кн., сенатор, член гл. управления Красного Креста, председ. Совета Министров.

Голицын-Муравлин, Дм. Петр., кн., член Госуд. Совета; писатель.

Граббе, Александр Никол., граф, ген.-майор свиты е. в., командир собств. его вел. конвоя.

Граббе, Мих. Ник., граф, ген.-лейт , войсковой наказный атаман Войска Донского (с 8 мая (ст. ст.) 1916 г.).

Григорий — Распутин, Григорий Ефимович, крестьянин с. Покровского, Тобольской губ., «старец»; убит в ночь с 16 на 17 декабря (ст. ст.) 1916 г. в Петрограде в доме кн. Юсупова-гр. Сумарокова-Эльстон. В убийстве принимали участие вел.

кн. Дмитрий Павлович, кн. Ф. Ф. Юсупов-гр. Сумароков-Эльстон, член Госуд. Думы В. М. Пуришкевич и др.

Григорович, Иван Конст., ген.-адъют., адмирал, член Госуд. Совета, морской министр (1911—1917).

Гротен, Павел Павл., ген.-майор свиты его вел., ком. л.-гв. Конно-гренад. полка.

Гурко, Василий Иосиф., ген.-от кав., команд. «особой армией»; во время болезни ген. М. В. Алексеева зимой 1916—1917 г. исправлял должность нач. штаба верховного главнокомандующего.

Гучков, Александр Ив., член Госуд. Совет., б. председатель III Госуд. Думы, лидер «партии 17 октября».

Данилов, Николай Александрович, ген.-от-инф., начальник снабжения армий северо-западного фронта.

Ден Лили — Ден фон, Юлия Александровна, жена К. А. Ден, кап. 1 ранга, командира крейсера «Варяг», перекупленного Россией во время войны у Японии.

Ден Соня — Ден фон, Софья Владимировна, жена Д. В. Ден, помощника начальника военно-походной канцелярии е. в.

Georgie — Георг V, король английский.

Дмитрий — Дмитрий Павлович, вел. князь, флиг.-адъют., шт.-ротмистр л.-гв. Конного полка; принимал участие в убийстве Григ. Распутина, после чего был отправлен на персидский фронт.

Добровольский, Николай Александр., сен., егерм., 20 декабря (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. юстиции.

Доброжанский, вер., Алекс. Алекс., полк. л.-гв. егер. п., сост. в распоряжении главноком. войсками Кавказ. военного округа.

Долгоруков В. (Валя Долгоруков) — Василий Александрович, кн., ген.-майор свиты е. в., в должн. гофмаршала высоч. двора; во время войны состоял при Николае Романове в ставке.

Дрентельн, Александр Александрович, ген.-майор свиты его вел., командир л.-гв. Преображенского полка.

Думерг — б. председатель франц. совета министров (1913—1914), член конференции союзников в Петрограде в янв. 1917 г.

Елена Петровна — урожд. королевна сербская, жена кн. Иоанна Константиновича.

Janin — Жанен, ген., начальник французской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Замойский, Адам Стан., граф, флигель-адъютант.

Злебов, Сергей Вас., инж.-мех., кап. 1-го ранга Гвард. Экипажа.

Иванов, Николай Иудович, ген.-адъют., ген.-от-арт., до войны командовал Киевским военным округом (1908—1914); с начала войны главнокомандующий армиями юго-зап. фронта до марта 1916 г., позднее состоял при Николае Романове.

Игнатьев, Павел Никол., граф, министр народн. просвещения (8 января (ст. ст.) 1915 г. — 27 декабря 1916 г.).

Игорь — Игорь Константинович, сын вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.), шт.-ротм. л.-гв Гусарского полка, флигель-адъютант.

Ильин, Алексей Алексеевич, член Госуд. Совета, председатель Росс. Общества Красного Креста.

Кегресс, Ад. Ад., завед. имп. гаражем.

Кедров, Михаил Александр., контр-адм., ком. минной див. Балтийского флота

Кирилл — Кирилл Владимирович, вел. кн., контр-адм. свиты е. в., командир Гвардейского Экипажа и нач. Морского батальона в действ. армии с февраля 1915 г.

Coanda — Коанда, ген., начальник румынской военной миссии при ставке верх главнокомандующего.

Кострицкий, Сергей Сергеевич, придворный зубной врач.

Костя — Константин Константинович, сын вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.), шт.-кап. л.-гв. Измайловского полка; флигель-адъютант.

Кочубей, Виктор Серг., кн., ген.-адъют., ген.-лейт,. начальник главного управления уделов.

Кривцов, Алексей Никол., сенатор.

Кублицкий, Александр Иван., ст. лейтенант Гвард. Экипажа.

Кульнев, Леонид Иван., офицер л.-гв. 4-го Стр. имп. фамилии полка.

Кутайсов, Конст. Павл., граф, полк. л.-гв. Конной артиллерии; флигель-адъютант.

Лерский, Иван Владисл., артист имп. русской драмы.

Линевич, Александр Никол., полк. л.-гв. Конной арт., флигель-адъютант.

Ломан, Дмитрий Никол., полк., штаб-офицер для поручений при дворцовом управлении, староста царскосельского Федоровского «государева» собора.

Лонткевич, полк., представитель сербского военного командования при ставке верх. главнокомандующего.

Лукомский, Александр Серг., ген.-лейт., генерал-квартирмейстер штаба верх. главнокомандующего.

Маклаков, Николай Алексеевич, член Госуд. Совета, бывш. министр внутр. дел (1912—1915).

Максимович, Конст. Клавд., ген.-адъют., ген.-от-кав., пом. ком. имп. главной квартирой.

Мамантов, Василий Ильич, член Госуд. Совета, главноуправляющий канцелярией е. в. по принятию прошений.

Мария — Мария Николаевна, вел. княжна, дочь Николая Романова.

Марков, Влад. Иван., ген.-лейт., министр статс-секретарь по делам Финляндии.

Меллер-Закомельский, Александр Никол., бар., ген.-от-инф.

Мильнер сэр Альфред, член конференции союзников в Петрограде в янв. 1917 г.

Милютин, Павел Никол., сенатор, заместитель наместника е. в. на Кавказе в заседаниях высших госуд. установлений.

Митя — Дмитрий Константинович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от-кав.

Миша — Михаил Александрович, вел. князь, брат Николая Романова, ген.-адъют., ген.-лейт., член Госуд. Совета, ген.-инспектор кавалерии.

Мордвинов, Анатолий Александр., полк. л.-гв. Кирасирского п., флигель-адъютант.

Мосолов, Александр Александр., ген.-лейт., нач. канцелярии мин. имп. двора и уделов.

Мрозовский, Иосиф Иван., ген.-от-арт., гл. нач. Московского военного округа.

Мясоедов-Иванов, Сергей Викт., кап. 2-го ранга, бывш. ст. офицер имп. яхты «Царевна».

Н. П. — см. Саблин Н. П.

Нагорный — матрос, состоявший при наследнике Алексее Николаевиче.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, гофмейстерина высоч. двора, статс-дама.

Нилов, Конст. Дмитр., ген.-адъют., адмирал, флаг-капитан; состоял при Николае Романове.

Нирод, Николай Евстаф., граф, член Госуд. Совета, пом. министра имп. двора и уделов.

Озеров, Сергей Серг., ген.-майор свиты е. в.

Ольга — Ольга Николаевна, вел. княжна, старшая дочь Николая Романова.

Остроградский, Всев. Матв., ген.-от-кав., ген.-инспектор кавалерии.

Павел дядя — Павел Александрович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от-кав., инспектор войск гвардии.

Петровский, Николай Александр., полк. л.-гв. Кирасирского полка, флигель-адъютант.

Питирим, петроградский митрополит, член синода.

Покровский, Николай Никол., член Госуд. Совета, министр иностр. дел (с 30 ноября (ст. ст.) 1916 г.).

Протопопов, Александр Дмитр., тов. председателя IV Госуд. Думы, 16 сент. (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. внутр. дел; 20 декабря 1916 г. утвержден в занимаемой должности, которую занимал до Февральской революции.

Раев, Николай Павл., обер-прокурор синода (с 30 авг. (ст. ст.) 1916 г.).

Ребиндер, м. б., Сергей Александр., граф, офицер гв. Конной артиллерии.

Рейн, Георгий Ермол., член Госуд. Совета, лейб-хирург; 22 сентября (ст. ст.) 1916 г. был назначен главноуправляющим госуд. здравоохранением.

Ryckel — Риккель, барон, ген., начальник бельгийской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Риттих, Александр Александрович, сен., 29 ноября (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. земледелия.

Родзянко, Михаил Владим., председатель IV Госуд. Думы.

Родионов, Николай Никол., старший лейт. Гвард. Экипажа.

Romei — Ромеи, начальник итальянской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Рузский, Николай Владим., ген.-адъют., ген.-от-инф., член Госуд. Совета, главнокомандующий армиями сев.-зап. и северного фронтов.

Русин, Александр Ив., адм., нач. морского ген. штаба и пом. морского министра; состоял при царской ставке в должн. нач. морского штаба верх. главнокомандующего.

Саблин, Александр Павлович, офицер, брат Н. П. Саблина.

Саблин, Николай Павлович (Н. П.), флигель-адъютант, кап. 1-го ранга, состоял ст. офицером имп. яхты «Штандарт» в 1912—1915 г.г.; в 1916 г. ком. морским бат. Гвард. Экипажа на фронте, а затем был назначен командиром «Штандарта»; личный друг Николая Романова.

Саввич, Сергей Серг., ген.-от-инф.

Самарин, Александр Дмитр., член Госуд. Совета, московский губ. предв. дворянства; и. д. обер-прокурора синода с 5 июля (ст. ст.) по 26 сентября 1915 г.

Сандро — Александр Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., адмирал; во время войны заведывал организацией авиац. дела в действ. армии.

Свечин, Влад. Влад., полк. л.-гв. Преображенского полка; флигель-адъютант.

Седергольм, Влад. Альб., ген.-м., до войны ком. 8 арт. бриг.

Сергей — Сергей Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., ген.-от-арт., полевой ген.-инспектор артиллерии при верх. главнокомандующем.

Сердюков — флигель-адъютант.

Скалон, Михаил Ник., ген.-майор свиты е. в.

Стахович, Павел Александр., ген.-лейт., упр. госуд. коннозаводством.

Стефанович, Лев Платон., полк., флигель-адъютант.

Стремоухов, Петр Петр., варшавский губернатор.

Танеев, Александр Серг. (отец А. А. Вырубовой), статс-секр., обер-гофм., член Госуд. Совета, главноупр. собств. е. и. в. канцелярией.

Татьяна — Татьяна Николаевна, вел. княжна, дочь Николая Романова.

Трегубов, Серг. Ник., сенатор.

Трепов, Александр Федор., член Госуд. Совета, сен., министр путей сообщений, 10 ноября (ст. ст.) 1916 г. был назначен председателем Совета Министров с оставлением министром путей сообщ., 27 декабря 1916 г. был уволен от обеих этих должностей.

Феодосьев, Сергей Григ., директор общей канц. мин. финансов.

Фредерикс, Владимир Борис., граф, ген.-адъют., ген.-от-кав., министр двора и уделов.

Хабалов, Сергей Серг., ген.-лейт., б. военный губернатор Уральской области; 13 июня (ст. ст.) 1916 г. был назначен гл. нач. Петроградского военного округа.

Хан-Нахичеванский — Хан-Гуссейн Нахичеванский, ген.-адъют., ген.-от-кав., ком. отдельным гв. кав. корпусом.

Хелленс, Яльмар Фед. бар., ген.-майор.

Чистяков — офицер Гвард. Экипажа.

Шапшал, Семен Маркович, гахам — духовный глава караимов.

Шаховской, Всеволод Никол., кн., управляющий мин. торговли и промышленности.

Шереметев, Дмитрий Сергеевич, полк. Кавалергардского полка; флигель-адъютант

Ширинский-Шихматов, Алексей Александр., кн., гофм., член Госуд. Совета.

Штюрмер, Борис Владим., член Госуд. Совета, министр-председатель с 20 января (ст. ст.) по 10 ноября 1916 г., одновременно министр внутр. дел с 3 марта до 7 июня, министр иностр. дел с 7 июня по 10 ноября 1916 г.

Шуваев, Дмитрий Савельевич, ген.-от-инф.; с 15 марта (ст. ст.) 1916 г. военный министр. В январе 1917 г. был заменен ген. М. А. Беляевым.

Шульгин, Василий Витальевич, член IV Госуд. Думы от Волынской губ.; монархист.

Щегловитов, Иван Григ., сенатор, член Госуд. Совета, б. министр юстиции (1906—1916), председатель Госуд. Совета с 1 января 1917 г.

Эверт, Алексей Ермол., ген.-адъют., ген.-от-инф., главнокомандующий армиями западного фронта.

Эристов, Георгий Никол., кн., полк. л.-гв. Уланского полка; флигель-адъютант.

Юсупов кн.-граф Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович, — женат на дочери вел. кн. Александра Мих. Ирине Алекс. Принимал участие в убийстве Григ. Распутина и был после этого выслан в свое имение «Ракитное», Курской губ., где до Февральской революции проживал под надзором.

Ягмин, Стан. Юльевич, полк. 17-го драг. Нижегородского полка.

„Работа" эсеров в 1918 году.

Вооруженное выступление чехов по всей Урало-сибирской магистрали весной 1918 г. не было случайностью. Оно было результатом заговора между английским и французским посольствами и эсеро-кадетскими партиями.

Тотчас после заключения Брестского мира союзные посольства начали вести переговоры со всеми анти-советскими партиями о вооруженном выступлении чехов на русской территории и о предполагаемом ими десанте в Архангельске. Вопрос обсуждался почти открыто, и на ряде собраний, а также в своей прессе эти партии высказали полное одобрение грядущей иностранной интервенции.

В апреле ряд анти-советских партий объединился в межпартийную группировку под названием «Союза Возрождения». В него входили члены партий: с.-р., к.-д., народных социалистов, меньшевиков и группы «Единство». По соглашению с союзниками, «Союз» выделил из себя правительство, которое должно было возглавить чешский переворот.

Наиболее активной партией контрреволюции в момент подготовления чешской авантюры являлась партия социалистов-революционеров. Весь старый опыт конспирации и подпольной работы был использован ею для борьбы против Советской власти. Поэтому именно Центральный комитет партии социалистов-революционеров наиболее активно помогал союзникам в подготовке их предательского удара. [1])

20 мая (нового стиля) собрался 8-й Совет партии социалистов-революционеров. Он санкционировал все переговоры своего Центрального комитета и постановил призвать войска Антанты для сокрушения большевистского движения.

Одновременно с политическими переговорами посольств о вооруженной интервенции во французской военной миссии на ряде секретных заседаний обсуждался военный план кампании. В выработке плана участвовали и члены эсеровского ЦК и представители эсеровских подпольных организаций, в том числе от Сибири. Было решено, что чехо-словацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток, постепенно займут опорные стратегические пункты Уральской, Сибирской и Уссурийской железных дорог и, координируя свои действия с нелегальными контрреволюционными организациями, выступят против Советской власти.

Чешский корпус в России начал формироваться по инициативе чешской и англо-французской буржуазии еще при самодержавии. При Керенском он был окончательно сформирован и насчитывал 42.000 человек. Офицерский состав в чешском корпусе был в два раза больше, чем в русских частях. Кроме того, значительное число русских черносотенных генералов и офицеров нашли убежище в чехо-словацких частях.

После Октябрьского переворота весь корпус стоял против Октября за правых с.-р. и меньшевиков. Национальный Совет (русское отделение), который управлял этим

---

[1]) См. Вера Владимирова. «Год службы «социалистов» капиталистам.» Гиз. 1927.

корпусом, переехал сначала в Москву, затем в Киев к Центральной Раде, заявив, что отказывается иметь какое-либо дело с Советской властью.

Начиная с января 1918 г., производилось систематическое натравливание солдат корпуса на Советскую власть. В ряде листков, приказов, газет чешское командование распространяло среди них нелепейшие слухи.

К началу марта Национальный Совет заключил соглашение с английским и французским посольствами, по которому союзники брали всецело на себя выплату жалованья и содержание чехо-словацких войск, а также обещали при заключении мира с Германией требовать независимости Чехо-Словакии. Взамен этого руководители чехо-словацких войск согласились поднять восстание против первой в мире Советской власти.

Практическая подготовка к восстанию на Волге началась у эсеров ранее 8-го Совета. С конца апреля уже шла переброска из центра ряда ответственных работников эсеров на Волгу. «Переброска началась полным ходом на Волгу после первых чисел мая. Но предварительная работа шла и раньше... Мы содержали кадровые формирования и перебрасывали их на волжский фронт», — говорит Гоц [1]). «Непосредственно перед самым Советом партии выяснилось, что мы должны нашу работу ориентировать на Восток», — рассказывает в своих показаниях другой член Центрального Комитета — Дашевский. [2])

Соответственно «волжским» планам изменилась и работа военной комиссии эсеров в Москве. Дашевский, ее руководитель, рассказывает: «Незадолго до 8-го Совета партии перед нами была поставлена задача способствовать созданию восточного фронта. И после 8-го Совета и принятых им решений задача эта перед нами стала совершенно определенно. Мы решили усилить военными специалистами наши партийные организации, расположенные в Поволжьи, которые в случае поднятия местных восстаний могли бы повести работу создания более серьезных отрядов, организацию народной армии. Началась работа по собиранию и переотправке офицерства... В качестве центра военной поволжской работы мы избрали Саратов и там же устроили приемник офицерских кадров... Большинство отправляемых была беспартийная военная молодежь — офицеры, озлобленные против большевиков, стоящие в тяжелых материальных условиях. Их республиканские настроения были под большим сомнением. Эта работа продолжалась три месяца: май, июнь, июль — до начала августа — момент моего отъезда в Саратов.

Велась мною также через одно лицо организация подрывной группы, в целях использования ее в ближайшем тылу большевистского фронта. Группа была создана из 3—4 человек. Суммы на отправку офицеров получались мною через Моисеенко из сумм «Союза Возрождения», а потом прямо из Центрального Комитета. Тимофеев мне говорил, что он имел свидание с французским консулом Гренаром и получил от него деньги для передачи офицерам и военной организации... Все офицеры направлялись мною в распоряжение партийной организации Поволжского областного комитета» [3]).

О работе Центрального комитета партии социалистов-революционеров в этом же направлении М. А. Веденяпин [4]) сообщает: «После последнего (8-го. *В. В.*) Совета партии

---

[1]) См. его показания на процессе правых с.-р. в 1922 г. (стенограмма от 18 июня).

[2]) Процесс правых эсеров 1922 г. Стенограмма от 18 июня.

[3]) Показания Дашевского на процессе правых эсеров 1922 г. Стенограмма от 23 июня.

[4]) Член Центрального Комитета. Здесь приводится его сообщение на съезде членов партии с.-р. 5 августа 1918 г. в Самаре. См. протокол заседания.

Центральный комитет послал своих членов для организации восстания в Поволжье и на Урале. Была установлена связь с чехо-словаками. В Самаре также шли переговоры с ними. Брушвит для связи с чехо-словаками был отправлен в Пензу»...

Поволжский областной комитет эсеровской организации охватывал губернии: Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Астраханскую, Тамбовскую, Пензенскую и Область Войска Уральского. Организационным центром был Саратов, и работа велась главным образом в прилегающих губерниях: Тамбовской, Пензенской и Самарской. Для руководства военной работой тотчас после 8-го Совета в Саратов был командирован Донской, который и вошел по приезде в областной комитет.

Как работали эсеры в Саратове весной и летом 1918 года, помогая чехам, можно судить по показаниям Дашевского. «Главной нашей задачей в Саратове, — говорит он [1]), — была дезорганизация советского 4-го Уральского фронта, который стоял против казаков. Ответственный пост при штабе 4-й армии занимал наш полковник Бредихин, получивший в июне месяце назначение от Советской власти формировать кавалерийский полк и кавалерийскую бригаду из 2 полков. У нас и возникла идея пополнить через него эти полки своим офицерским кадровым составом, а затем низшим... Но это провалилось, так как на фронте был арестован какой-то офицер, перебиравшийся через фронт, военным контролем 4-й армии, и через него добрались до дежурного генерала Оленихина и до полковника Бредихина. Бредихин, предупрежденный, с двумя адъютантами успел удрать, а то, что было в его бригаде, было ликвидировано. Такую же работу по пополнению частей мы вели в самом Саратове, — так: электро-технический батальон, батальон связи, минно-подрывная рота. В них имелась серьезная связь с командирами этих частей и офицерским составом. Для пополнения своими людьми мы получали из Питера и Москвы людей из военной организации юнкеров, которых было много в военной офицерской организации в Саратове. Эта работа велась август-сентябрь — те месяцы, которые я был в Саратове. Через свои связи мы вели военную разведку и информацию о боевых приказах и частях и все это переправляли через фронт нашими связями. В Саратов был переброшен за месяц до меня Шкловский, и на него была возложена задача организации подрывной работы на противо-уральском фронте. Центр своей работы он сделал в Аткарске, достал из минной подрывной роты пироксилин и предлагал взрывать все поезда, которые шли в этом направлении, с чем большинство не соглашалось. Он был принужден из Аткарска уехать, в виду слежки. По техническим соображениям мы отклонили взрыв железнодорожного пути и решили его дезорганизовать, заменив гайки, скрепляющие рельсы, своими, внутри выпиленными, которые легко снимались, и их снять в последний момент перед проходом поезда. Это в сентябре»...

Таковы были основные черты поволжской работы эсеров в Саратове. Не менее энергичную и предательскую работу развили они и в других городах Урала и Сибири. Выступления чехов шли под их знаменем и им передавали чехи власть в захваченных городах. А в конце июня Центральный комитет партии эсеров весь переехал в охваченный чешским восстанием район, призвав всех членов Учредительного собрания сделать то же самое.

Публикуемое ниже «Обвинительное заключение», составленное на основании показаний рядовых членов партии с.-р. и офицеров, арестованных с поличным, а также письма А. И. Альтовского Н. И. Ракитникову и «докладная записка» с «приложениями»

[1]) См. стенограмму процесса от 23 июня.

об организации эсерами подрывной работы в тылу советских войск, характеризуют «работу» с.-р. партии осенью 1918 г. Эти документы не оставляют сомнений, что партия правых эсеров являлась агентом антантовского империализма и верой и правдой служила ему, подготовляя и осуществляя совместно с чехами вооруженную интервенцию.

Письма А. И. Альтовского печатаются с подлинников, «докладная записка» и «приложения» к ней — с копий, находящихся в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции.

Вера Владимирова.

1.

Обвинительное заключение по делу Саратовской и Петроградско-Московской организации правых эсэров по обвинению членов этой организации в участии в контр-революционной организации, имевшей целью свержение Советской власти и шпионаж [1]).

В августе 1918 г. военконтролем 4-й армии был раскрыт заговор, имевший целью открыть восточный фронт Советской Республики уральским казакам. Во главе этого заговора находились: дежурный генерал 4-й армии Буренин, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев, б. помещик Ларин и др. Буренин и Шевелев, по постановлению следственной комиссии военного контроля 4-й армии, 21 января были расстреляны, Бредихин же и Ларин успели скрыться.

Полагая, что этот заговор имеет более глубокие корни и что удалось раскрыть и ликвидировать лишь часть его, военный контроль 4-й армии продолжал вести наблюдение за внушавшими подозрение лицами командного состава и одновременно стал подвергать тщательному допросу попадавших в плен офицеров противника.

Один из таких пленных офицеров, Николай Ракин, допрошенный в октябре прошлого года, показал, что в рядах неприятеля он находился всего лишь $1^1/_2$ месяца, а до того времени жил в Саратове и что переправила его через фронт существовавшая тайная организация. Далее Ракин рассказывал подробно о том, что он познакомился с представителями этой организации и каким образом он был переправлен из Саратова в Уральск и Самару, занятые в то время казаками. При этом им были сообщены известные ему фамилии лиц, входящих в Саратовскую организацию, и их адреса.

На основании данных допроса Ракина военный контроль произвел обыск в квартире некоего Николая Ивановича Панфилова и задержал как самого Панфилова, так и проживавшего в его квартире под именем В. С. Люблинского Сергея Максимовича Максимова. Последним был представлен список с указанием адресов лиц, причастных к раскрывшейся организации. В дальнейшем, пользуясь показаниями Ракина,

---

[1]) Верх. Триб. ВЦИК. Дело № 196 по обв. чл. ЦКПСР и иных орг. ПСР в контр-рев. деятельности. Материалы, приобщ. по ходат. обвиняемых.

Панфилова и Максимова, а также найденным документом, военный контроль выяснил как самую организацию, так и состав и задачи ее, заключающиеся в следующем:

Группа лиц, большинство которых принадлежало к партии правых социалистов-революционеров, входила в контр-революционную организацию, имевшую целью свержение Советской власти путем подготовки восстания и оказания содействия военным операциям противника посредством снабжения его командным составом и сообщения сведений военнаго характера.

Имея центром своей деятельности Саратовскую губернию (Аткарск, Покровск и Саратов), раскрытая организация непрерывно поддерживала прочные связи с Москвой и Петроградом, где вербовались члены организации — белогвардейцы, преимущественно из бывших офицеров, и направлялись в Саратов. Одновременно такая же вербовка производилась в самом Саратове и в уездных городах этой губернии. Часть привлеченных офицеров направлялись во 2-й кавалерийский полк, находящийся под командой Бредихина, участника заговора, и состоявший, таким образом, из явных противников Советской власти. Другая часть переправлялась через фронт в Уральск и Самару, где эти лица и вступали в ряды противника. Сказанное находит себе подтверждение в показаниях Максимова, Ракина, Аксенова, Васильева II и др. Из показания первого видно, что, приехав в мае 1918 г. в Петроград и ища себе каких-либо занятий, он познакомился с неким шофером Шильинским. Последний предложил ему заработок и представил его некоему Ганжонкову, Ганжонков познакомил Максимова с каким-то «Виктором Борисовичем», наконец, Максимов был направлен в дом № 22 по Литейному проспекту, где помещался клуб социалистов-революционеров. Здесь он должен был спросить Иванову, оказавшуюся Еленой Александровой Ивановой. От Ивановой Максимов узнал, что ему надлежит поехать в Москву, откуда он будет направлен в Саратов. При этом ему было выдано 200 рублей денег и документ на имя И. М. Слепцова. В то время в комнату вошел некий «Григорий Иванович», как установлено позже — Васильев, и спросил, указано ли Максимову, к кому он должен обратиться в Москве. Прибыв в Москву 27 июля, Максимов отправился по указанному адресу (на Зацепу), где и нашел «Нину Васильевну», оказавшуюся Ниной Васильевной Скуригиной. На другой день, получив от Г. И. Васильева, также приехавшего в Москву, адрес, по которому надлежало явиться в Саратов, и пароль, Максимов выехал из Москвы. В Саратове ему пришлось прежде всего познакомиться с Исидором Григорьевичем Ворониным, через последнего с Анатолием Ивановичем Доброхотовым, который и направил его к Николаю Ивановичу Панфилову. У Панфилова Максимов и поселился. Туда же вскоре приехал Виктор Карлович Рейзнер. У Панфилова, по словам Максимова, кроме упомянутых лиц, часто бывали Василий Дмитриевич Суворкин и Иосиф Самойлович Куликовский, Петр Лукьянович Фалунин и Петр Васильевич Поспелов.

Все названные лица были посвящены в дела организации и принимали сами непосредственное в них участие.

Каким образом шла переотправка бывших офицеров из Саратова, где сборным пунктом была квартира Панфилова, в Покровск, в котором также имелась конспиративная квартира (Поспелова), и дальше через фронт в Уральск, видно из показаний Ракина, Аксенова и др.

Познакомившись с Панфиловым, Ракин получил от него предложение ехать в Покровск, явиться по данному адресу к П. В. Поспелову, сообщить последнему пароль и объяснить свое желание. 15 августа с другим бывшим офицером Новичковым выехал в Покровск и явились к Поспелову. Здесь им было предложено, как и в Саратове, поступить во 2-й кавалерийский полк, стоявший в местечке Дергачи, но они отказались и просили отправить их в Уральск.

Из разговора членов организации, находившихся на квартире Поспелова, Ракин узнал, что 2-й Советский кавалерийский полк насыщен этой организацией своими людьми и что оттуда получаются необходимые для проезда офицеров удостоверения.

18 августа Ракин и Новичков, как им было указано, явились в Дергачи к адъютанту 2-го кавалерийского полка Трущелеву, который должен был дать им проводника для перехода фронта. В это же время в полку были получены сведения о раскрытии заговора дежурного генерала Буренина, ввиду чего вместе с Ракиным и Новичковым бежали командир полка Паушин, адъютант Трущелев и др. офицеры. Все эти лица, в числе 10 человек, на подводе отправились в местечко «Красная Речка», занятое казаками, и дальше до железнодорожной станции, где и сели в отходящий на Уральск поезд.

В той же организации деятельное участие принимал, по словам Поспелова, Дмитрий Алексеевич Рогов.

Обвиняемый Борис Васильевич Аксенов, работавший вместе с Панфиловым и Роговым в Покровской организации, рассказывает об аналогичной отправке через фронт сербского консула. При этом Аксенов показывает, что в Саратовской организации видную роль играл Альтовский и Устинов.

Помимо переотправки бывших офицеров в лагерь противника, в задачи организации входило насыщение некоторых воинских частей белогвардейцами. О заполнении такими лицами командных должностей во втором кавалерийском полку упоминалось выше. С помощью этого полка генерал Буренин намеревался осуществить свой план открытия фронта. Другими подобными частями были батальон связи при штабе 4-й армии и 3-я минно-подрывная рота при электротехническом батальоне. Допрошенный солдат минно-подрывной роты Егор Степанович Швырков показал, что он был направлен из Петрограда в Саратов к Рейзнеру. Последний дал Швыркову подложные документы и записку к командиру роты Якову Степановичу Ефимову, который и принял его в роту. По словам Швыркова, связь между ротой и представителем организации Рейзнером поддерживал Михаил Григорьеви-

Масленников, шурин Рейзнера, служивший вместе с Швырковым в минной роте. Начальник батальона связи Сергей Васильевич Черников поддерживал постоянную связь с одним из главных руководителей организации, некиим «Максимом Петровичем», фамилия которого осталась неизвестной.

Следующей задачей организации было сообщение противнику сведений военного характера, с целью содействовать его военным операциям. Эту сторону деятельности организации освещают показания Константина Коваленко. Во время захвата гор. Вольска белогвардейцами некий Симуков привез из Саратова приказ по Красной армии, в котором были указаны расположения советских войск и план наступления, и поручил Коваленко отвезти приказ в Вольск. Коваленко принял предложение и на велосипеде поехал в Вольск, но с полдороги вернулся и сообщил, что приказ он передал немцам-колонистам, и они обещали его переслать в Вольск. В действительности же будто бы он, Коваленко, приказ этот уничтожил в Покровске еще до выезда в Вольск. С таким же предложением к нему обращались и при вторичном занятии Вольска белогвардейскими войсками, но [он] якобы отказался.

Из показаний того же Коваленко видно, что упомянутый Симуков переезжал фронт и перевозил какие-то сведения, а затем снова возвращался в Покровск. Во время его отсутствия за «сведениями» в Саратов ездил Аксенов. Не ограничиваясь переправкой бывших офицеров в лагерь противника, заполнением некоторых воинских частей «своими людьми» и сообщением неприятелю сведений оперативного характера, Саратовская организация намеревалась препятствовать успехам Красной армии путем взрывов мостов, подготовки крушений воинских поездов и проч.

Для первой цели был привлечен некий Петр Васильевич Цветаев, которому было поручено из Саратова выехать в Покровск, осмотреть находившийся близ Покровска железнодорожный мост и постараться взорвать его. Несколько раньше Цветаеву были переданы пироксилиновые шашки для отправки в Аткарск, что осуществить Цветаеву не удалось, и шашки оставались у него. Помимо того, ему было обещано, что если в Покровске не найдется достаточно материала, то таковой будет ему выслан из Саратова. Однако дело взрыва мостов около Покровска ограничилось осмотром их Цветаевым, и план этот дальнейшего осуществления не получил. Директивы о взрыве мостов, со слов Цветаева, он получил от Суворкина и Николая Ивановича (Панфилова).

Если для взрыва мостов был привлечен Цветаев, способный скорее, по его собственному признанию, к шантажированию организации, чем к выполнению серьезного поручения, то для осуществления подготовки крушения поездов была создана специальная организация из лиц, обслуживавших в качестве грузчиков ст. Саратов Ряз.-Уральской ж. д. и поддерживавших связь со ст. Аткарск той же дороги.

Во главе этой железнодорожной организации стояли заведующий демобилизационным отделом Московского областного продовольственного комитета Дмитрий Иванович Нечкин и агент названного отдела Иван Григорьевич Львицын.

Нечкин приглашает на должность заведывающего складом б. полковника Валериана Николаевича Чеснокова, который, в свою очередь, привлекает б. юнкера Ивана Ивановича Полякова на таинственную работу, оплачиваемую, однако, по 15 рублей в день. Через посредство Полякова поступают в товарный склад «грузчиком» б. офицер Валериан Михайлович Трынкин, Виктор Михайлович Горбунов и Николай Васильевич Власов. Все они хорошо осведомлены о том, что в действительности состоят на службе в тайной организации противосоветского направления. Одновременно здесь же устраивается Савва Андреевич Иванов, присланный к Нечкину из фотографии «Новь», конспиративной квартиры, адрес которой обычно давался в Москве и Петрограде лицам, ехавшим в Саратовскую организацию. Далее в члены железнодорожной организации вступают Владимир Прокофьевич Барков и Александр Николаевич Никонов.

Из названных лиц Трынкин, Власов, Барков и Горбунов были участниками происшедшего в мае месяце 1918 г. в г. Саратове противосоветского выступления.

Савва Андреевич Иванов рассказывает, что однажды Львицын поручил ему искать на полотне дороги гайки и несколько позже велел отнести эти гайки в Военный городок служащему электро-технического батальона Фалунину; Иванов, не зная, где находится Военный городок, просил это поручение исполнить Трынкина. Что Фалунин занимался обработкой этих гаек, видно из показаний Максимова, который слышал разговор Фалунина и Рейзнера о болтах и гайках. То же подтверждает и Власов, показывающий, что подпиленные Фалуниным гайки ему предложено было отвезти в Аткарск, где предполагалось подготовить крушение поезда. У Никонова обнаружен ряд заготовленных для неизвестных целей чистых официальных бланков. Эта же организация занималась собиранием сведений о движении воинских грузов, главным образом артиллерийских, и приобретением оружия. Так, во дворе дома, где проживал член железнодорожной организации Власов, были найдены закопанные в землю винтовки и патроны.

В этой группе, входившей в состав сложной организации, созданной, как сказано выше, членами партии правых эсэров, представителями последней являлись лишь Нечкин и Львицын, остальные же принадлежали к числу б. офицеров, являя собой белогвардейский элемент.

То или иное участие в деятельности обще-саратовской организации, кроме отмеченных выше, принимали еще следующие лица: Федор Федорович Конев, Вячеслав Павлович Кузнецов, Вячеслав Константинович Белецкий, Сергей Петрович Одинцов, Константин Митрофанович Поляков-Хреновский и Павел Васильевич Васильев. У первого

из названных лиц, Конева, было найдено шифрованное письмо, привезенное из Самары для передачи эсеровской организации. Кузнецов, по его собственному признанию, должен был сообщать адрес членов организации тем лицам, которые являлись к нему с установленным паролем. Между прочим, в числе лиц, которым им были указаны пароли и адреса, указал Сергея Одинцова. Белецкий принимал участие в передаче листков об Учредительном Собрании в электро-технический батальон для распространения. Васильев — участник Покровской организации. Между другими лицами, причастными к той же организации, арестован на партийной явке Хреновский-Поляков, Константин Митрофанович.

При изложении показаний Максимова-Люблинского уже упоминалось, что Саратовская организация в целом имела тесную связь с Москвой и Петроградом, где была своя организация, располагавшая рядом конспиративных квартир. Ввиду этого, после раскрытия Саратовской организации правых эсэров, представилось возможным обнаружить и Петроградско-Московскую организацию.

По данным дела Саратовской организации были подвергнуты в Москве аресту Г. И. Васильев, оказавший при этом вооруженное сопротивление и пытавшийся бежать, Е. А. Иванова, Н. В. Скуридина, В. И. Михайлов, П. И. Рудаков, Н. Н. Гладков, В. Ф. Томашевич и др. При личном обыске у Гладкова была найдена квитанция о сдаче на хранение на Николаевском вокзале саквояжа, который был немедленно военноконтролем получен, привезен и вскрыт. В этом саквояже оказался динамит, привезенный из Петрограда и предназначавшийся для Саратова. Как выяснилось из допроса Вячеслава Фелициановича Томашевича, он вместе с Николаем Николаевичем Гладковым прибыл из Петрограда в Москву накануне ареста, т.-е. 20 октября, по поручению Петроградской организации, для свидания с Григорием Ивановичем Васильевым, который имел дать им поручение съездить в Нижний-Новгород к видным членам организации Зейману и Флейкину. В той же Москве, в конспиративной квартире в Сыромятниках , состоялось собрание активных работников, в котором принимали участие, кроме Томашевича и Гладкова, Г. И. Васильев, Елена Александровна Иванова, Петр Ильич Рудаков, Василий Иванович Михайлов, Красавин и некая Лидия Васильевна. На этом собрании говорилось о том, что кто не желает работать здесь (в Советской России), тот может переправиться по ту сторону фронта, при чем Васильев сообщил, что переехать можно при содействии энергичного работника в Саратове Виктора Рейзнера. После обсуждения этого вопроса тот же Васильев довел до сведения собрания, что им решено взорвать поезд, отправлявшийся с нашей контрибуцией в Германию, но препятствием к тому служит отсутствие в достаточном количестве динамита.

Кроме квартиры в Сыромятниках, где происходило указанное собрание, в Москве обнаружены еще две конспиративных квартиры этой организации: квартира Н. В. Скуридиной по б. Дворянской

в доме № 38 и квартира Наталии Николаевны Богоявленской по Долгоруковской ул. в доме № 23/3.

Как видно из всего вышеизложенного, Саратовская и Петроградско-Московская организация являются одной общей организацией, созданной группой членов партии правых социалистов-революционеров и имеющей в своем составе, кроме членов этой партии, руководивших деятельностью этой организации, еще ряд лиц, без определенной политической окраски, но явно враждебно настроенных к Советской власти и принадлежащих в значительной своей части к числу бывших офицеров.

На основании всех изложенных данных предаются суду Революционного Трибунала при ВЦИК:

1) Николай Иванович Панфилов, 2) Исидор Григорьевич Воронин, 3) Виктор Карлович Рейзнер, 4) Василий Дмитриевич Суворкин, 5) Иосиф Самойлович Куликовский, 6) Петр Лукьянович Фалунин, 7) Петр Васильевич Поспелов, 8) Борис Васильевич Аксенов, 9) Егор Степанович Швырков, 10) Яков Степанович Ефимов, 11) Михаил Григорьевич Масленников, 12) Сергей Васильевич Черников, 13) Константин Коваленко, 14) Петр Васильевич Цветаев, 15) Федор Федорович Конев, 16) Вячеслав Павлович Кузнецов, 17) Вячеслав Константинович Белевский, 18) Иван Иванович Поляков, 19) Павел Васильевич Васильев, 20) Дмитрий Иванович Нечкин, 21) Иван Григорьевич Львицын, 22) Владимир Прокофьевич Барков, 23) Николай Васильевич Власов, 24) Валериан Михайлович Трынкин, 25) Виктор Михайлович Горбунов, 26) Николай Николаевич Гладков, 27) Вячеслав Фелицианович Томашевич, 28) Елена Александровна Иванова, 29) Петр Ильич Рудаков, 30) Василий Иванович Михайлов, 31) Наталья Николаевна Богоявленская, 32) Нина Васильевна Скуридина, 33) Григорий Иванович Васильев, 34) Анатолий Иванович Доброхотов, 35) Савва Андреевич Иванов, 36) Дмитрий Алексеевич Рогов, 37) Константин Митрофанович Поляков-Хреновский, 38) Сергей Петрович Одинцов и 39) Александр Николаевич Никонов.

По обвинению: Иосифа Самойловича Куликовского, Дмитрия Ивановича Нечкина, Григория Ивановича Васильева, Виктора Карловича Рейзнера и Николая Ивановича Панфилова в том, что они, будучи членами партии социалистов-революционеров (правых), т.-е. лицами, называющими себя убежденными социалистами и сторонниками, следовательно, интересов рабочего класса и трудового крестьянства, сознательно, по взаимному между собою соглашению, вошли в тайную организацию, имевшую свои отделения в Москве, Петрограде, Аткарске, Покровске и других городах, следствием не установленных, в целях свержения власти Рабоче-Крестьянского правительства в России, для чего, пользуясь имевшимися в их распоряжении паспортными бланками, подложными документами, а также динамитом и другими взрывчатыми веществами, и, при помощи личных связей и знакомств с отдельными лицами, занимавшими те или другие посты

в Рабоче-Крестьянской Красной армии, систематически занимались транспортировкой своих сторонников из явно белогвардейских элементов, из состава бывшего офицерства, по ту сторону фронта к чехословакам, в целях нанесения наибольшего ущерба Советской власти путем оказания военной помощи внешнему неприятелю; во-вторых, в тех же целях занимались транспортированием взрывчатых веществ из Петрограда в Саратов, в целях организации железнодорожных крушений, взрыва мостов и повреждения железнодорожных путей, пользуясь для этих целей теми же белогвардейскими элементами или привлеченными ими рабочими, привлекая их на службу в товарную станцию в Саратов и понуждая их собирать и засим подпиливать железно-дорожные гайки; в-третьих, в тех же целях, при помощи связи с воинскими частями, занимались насыщением красноармейских частей своими сторонниками, а именно: 2-го кавалерийского полка, 3-й минно-подрывной роты и службы связи и штаба 4-й армии, сверх иных частей, следствием не установленных; в-четвертых, распространяли при помощи своих сторонников контр-революционного содержания литературу среди воинских частей в тех же целях подготовки свержения Советского правительства, при чем, в частности, Иосиф Самойлович Куликовский играл под именем Михаила Петровича руководящую роль в Саратовской и Московской организациях, Виктор Карлович Рейзнер в Петроградской и Саратовской организации, Николай Иванович Панфилов в Саратовской, руководил, сверх того, переправкой офицеров по ту сторону фронта и сообщением им же секретных военных сведений. Дмитрий Иванович Нечкин играл такую же роль в Саратовской организации и, сверх того, занимался поставкой, под видом грузчиков-агентов по подготовке разрушения железнодорожных путей сообщения. Григорий Иванович Васильев, сверх того,—по обвинению в оказании вооруженного сопротивления при аресте.

По обвинению Кузнецова Вячеслава Павловича, Елены Александровны Ивановой, Натальи Николаевны Богоявленской, Нины Васильевны Скуридиной и Исидора Григорьевича Воронина в том, что они, зная о существовании указанной организации, вполне разделяли ее цели, способствовали деятельности этой организации путем предоставления ей явочных и конспиративных квартир, помещений, где проживали или занимались сами, укрывая у себя деятелей этих организаций или направляя их по заранее условленным с главарями организаций адресам и квартирам по условленным паролям.

По обвинению: Павла Васильевича Васильева, Константина Коваленко, Сергея Ивановича Одинцова, К. М. Полякова-Хреновского, Петра Васильевича Поспелова, Бориса Васильевича Аксенова, Дмитрия Алексеевича Рогова, Анатолия Ивановича Доброхотова и Федора Федоровича Конева в том, что они, зная о существовании вышеописанной организации и состоя ее членами, способствовали ее деятельности — Поспелов, Аксенов и Рогов в г. Покровске, где занимались переправкой офицеров по ту сторону фронта, раздобыванием и пере-

дачей секретных военных сведений; Васильев Павел Васильевич— в соучастии с Аксеновым и Поспеловым—в передаче секретных бланков, а Коваленко Константин — также в соучастии в переправе секретных документов неприятелю; Доброхотов и Конев способствовали ее деятельности — первый, состоя в постоянном общении с указанными деятелями первой группы, а второй, храня секретную шифрованную переписку, явно компрометирующего характера, представляющую из себя руководящие директивы для деятельности всей организации в целом; Поляков-Хреновский и Одинцов — в членстве этой организации.

По обвинению: Суворкина Василия Дмитриевича, Фалунина Петра Лукьяновича, Цветаева Петра Васильевича, Львицына Ивана Григорьевича, Трынкина Валериана Михайловича, Горбунова Виктора Михайловича, Власова Николая Васильевича, Никонова Александра, Иванова Саввы Андреевича, Баркова Владимира Прокофьевича и Полякова Ивана Ивановича в том, что они, Суворкин, Фалунин и Цветаев, сознательно принимали участие, под руководством руководителей вышеописанной организации, в подготовке взрыва железнодорожного пути, а Фалунин, сверх того, в работе по подпиливанию гаек железнодорожного пути; Трынкин, Горбунов, Власов и Барков под руководством Львицына в качестве грузчиков собирали сведения о движении воинских эшелонов, сообщая их руководителям организаций, а также принимали участие в работе по сбору гаек, Горбунов же, Барков, Власов и Трынкин были, сверх того, участниками антисоветского выступления 1918 г. в Саратове; Поляков и Иванов — в том же самом.

По обвинению: Михаила Григорьевича Масленникова, Егора Степановича Швыркова и Вячеслава Константиновича Белецкого в том, что они, зная о существовании такой организации и находясь на службе Красной армии, кроме Белецкого, способствовали разложению Красной армии путем распространения там контр-революционной литературы и таковой же агитации.

По обвинению: Якова Степановича Ефимова и Сергея Васильевича Черникова в том, что они, занимая командные посты в Красной армии, способствовали той же организации приемом во вверенные им части лиц заведомо для них контр-революционного направления.

По обвинению: Николая Николаевича Гладкова, Вячеслава Феликсовича Томашевича, Петра Ильича Рудакова и Василия Ивановича Михайлова в том , что они все, будучи членами вышеописанной организации, принимали и исполняли ее поручения по перевозке ее распоряжений, пакетов и т. д., а Томашевич и Гладков, сверх того, в переправе, по поручению той же организации, динамита из Петрограда в Саратов в целях взрыва железнодорожных путей.

В отношении Сергея Максимовича Максимова и Николая Ивановича Ракина — дело за нерозыском выделить, в отношении Цветаева — дело за болезнью выделить, а в отношении Дмитрия Алексеевича Крылова, Валериана Николаевича Чеснокова, Александра Николаевича

Киселева, Николая Сергеевича Соколова, Ильи Ивановича Полянинова, Николая Николаевича Никонова, Виктора Ивановича Егорова за недостаточностью улик прекратить.

Составлено 24 июня 1919 г.

Обвинитель Верховного Трибунала Н. Крыленко.

2.

Письмо А. И. Альтовского [1]) Н. И. Ракитникову [2]) от 20 октября 1918 г.

Омск. Воскр[есенье] 20 окт[ября 1918 г.].

Дорогой Ник[олай] Иван[ович].

Вам лично и Ц[ентральному] К[омитету] доношу о моих здесь хождениях и хлопотах по известному вам делу.

На основании нашего повт[орного] опыта, а также на основании бесед моих в Самаре с Ивановым [3]) и [в] Уфе с Фл[орианом] Фл[орановичем] [4]) и Петровичем мною здесь совместно с Б. Соколовым [5]) была составлена докл[адная] записка ген. Болдыреву [6]), с которой мы ознакомили предварительно Зензинова [7]) и Ракова [8]).

Записка эта со всеми к ней добавлениями при сем прилагается [см. докум. 4 и 5].

Она составлена л и ч н о от имени двоих ее авторов, но н а с л о в а х было сказано, что мы уполномочены Ц[ентральным] К[омите]том вести переговоры с Вр[еменным] Пр[авительством] по этому делу (на что у меня имеется мандат, выданный Фл[орианом] Фл[орановичем].

Зензинов вначале отнесся с полным сочувствием. Он говорил с Болд[ыревым], и тот ему также выразил вполне сочувственное отношение.

Для практических переговоров Болд[ырев] направил нас к полковнику Сыромятникову и подполк. Текелину (разведка).

Здесь тоже мы встретили полное сочувствие и готовность содействовать, но.... с маленькой заминкой. Сим полковникам, повидимому, показалось, что на наши дела должны быть даны средства из тех кредитов, которые им отпущены на разведку. Это их покоробило: стали говорить, что у них нет, нехватает и т. д. Когда же мы разъяснили, что мы будем добиваться о с о б о г о ассигнования непоср[едственно]

---

[1]) Альтовский, Арк. Ив., инж., член Ц. К. партии с.-р.

[2]) Ракитников, Ник. Ив., член Ц. К. партии с.-р., впоследствии вошедший в состав группы «Народ».

[3]) Иванов, Ник. Ник., член Ц. К. партии с.-р. и Учред. Собрания.

[4]) Федорович, Флор. Флор., член Ц. К. партии с.-р.

[5]) Соколов, Бор. Фед., прив.-доц., член партии с.-р.

[6]) Болдырев, Вас. Георг., ген., член «Директории», образованной «Уфимским Госуд. Совещанием» 10 (23) сентября 1918 г.

[7]) Зензинов, В. М., член Ц. К. партии с.-р.

[8]) Раков, Д. Ф., член Ц. К. партии с.-р.

Вр[еменным] Прав[ительством] специальных кредитов на это дело, то готовность содействовать стала еще более полной (на словах, по кр[айней] мере).

Подполк. Текелин взялся составить доклад об организации работы в Большевизии, в котором он хочет использовать материал нашей записки. Во вторник его доклад будет готов. Он нам его покажет для замечаний и дополнений.

Мы, со своей стороны, взялись через Зенз[инова] и А. В. повлиять на Болд[ырева], чтобы он сам затребовал этот докл[ад] в н е о ч е р е д и. Предполагаем, что в среду или в четв[ерг] это и будет сделано (23—24 окт[ября].).

Это все не плохо, хотя и дольше, чем я бы хотел и чем я ожидал.

Но вот что уже хуже.

Раков, к кот[орому] я обр[атился] (естественно) за содействием, отнесся ко всему этому как-то очень уж кисло и, пожалуй, даже не как подобало бы чл[ену] Ц[ентрального] К[омитета].

1) Он как-то уже очень на все безнадежно рукой машет: «когда-то еще ваш доклад на очередь попадет, когда-то будет принят», да «когда-то потом пройдут ассигновки», — «сколько времени пройдет, и все до тех пор измениться может». «Это дело третьестепенной важности, теперь важнее всего международная конъюнктура» и т. д.

2) По приезде сюда, ознакомившись с здешним положением, он сам стал на почти Чайкинскую [1]) позицию: «ждать выяснения обстоятельств для определения нашего отношения к правительству». «До тех же пор не ангажировать партию».

3) По отношению к нашим организациям в Сов[етской] Рос[сии] он высказал вообще сомнение, можно ли для них брать деньги, в состоянии ли они — полуфиктивные, номинальные — выполнить те обязательства, которые с получением денег сопряжены.

При таких обстоятельствах содействия с его стороны выходит маловато. Напротив, он, кажется, нагнал изрядно «раздумчивости» и на Зензинова.

Оно, конечно, можно с большим глубокомыслием сидеть на реках Вавилонских и плакать о международных конъюнктурах, но мне-то казалось бы, что уж довольно мы проворонили. Ведь Ком[итет] Чл[енов] Уф[имского] С[овещания] был вполне в наших руках и, конечно, мог бы снабдить партию в Сов[етской] России («на агитацию», «на подготовку» и т. д.) неск[олькими] милл[ионами] р[ублей], которые очень бы пригодились на черный день. Теперь, когда этот черный день, может быть, совсем на носу, не следует упускать ни малейшей возможности получить для п[артии] деньги.

Я бы считал необходимым, чтобы по поводу моего доклада (Болдыреву) состоялось определенное решение Ц[ентрального] К[омитета], которое и должно быть как можно скорее сообщено сюда. Лучше всего

---

[1]) Чайкин, В., член Ц. К. партии с.-р., вышел из состава Ц. К. 15/XI.

было бы, чтобы хотя бы Иванов приехал сюда сам. Необходимо заранее наметить кандидатов в эту комиссию (предлагаю Иванова, Петровича и Бориса Соколова), чтобы со стороны п[артии] не было никаких задержек.

Можно телеграфировать Зензинову шифром — одним из тех двух ключей, кот[орые] я дал Витковичу (кстати, необходимо, чтобы Фл[орианович] Фл[орианович] взял у него эти ключи и отметил их себе) или летним ключом Ц[ентрального] К[омитета] (двойная шифровка с суммированием — Фл[орианович] Фл[орианович] должен знать этот ключ). Я все эти три ключа сообщу Зензинову.

Мое лично дальнейшее пребывание здесь будет убийственно тошным. До сих пор я составлял проект, видался с нач[альствующими] лицами, беседовал, убеждал. Теперь это кончено, правит[ельственный] механизм приведен в движение, и мне остается только ждать. А я уже и так бесплодно прождал столько времени. Теперь бы хотелось чего-нибудь из двух: или получить хоть часть нужн[ых] средств и ехать немедленно в Совдепию, или получить окончательную уверенность, что мы по обыкновению проворонили, и тогда немедля ехать туда же для ликвидации, с сохранением только аппарата, нужного только для переправы учредителей.

М[ожет] б[ыть], дождусь таки здесь «выяснения обстоятельств» и удеру таки в Советскую Респ[ублику] раньше.

Телеграфируйте, Ник[олай] Ив[анович], с р о ч н о, долго ли вы будете оставаться в Уфе и если уезж[аете] оттуда, то куда? В Совдепию я поеду через Уфу.

Кстати вашу книжку (Ленин) Бор. Черн. оставил в № в «Волге» (кажется, № 45 или 46) — возьмите ее там.

А. Альтовский.

3.

Письмо А. И. Альтовского Н. И. Ракитникову от 24 октября 1918 г.

Омск. 24 окт[ября 1918 г.].

Дорогой Ник[олай] Ив[анович].

Пишу дополнительно после того, как мое предыдущее письмо пролежало здесь 4 дня. Теперь, наконец, все это отправляется. Здесь сообщили, что вы уже (т.-е. весь Ц[ентральный] К[омитет]) перебрались в Екатеринбург. Не знаю, верно ли это. Вы ведь обещали мне телеграфировать об этом, но тел[еграммы] до сих пор не было.

Дело, для которого я сюда приехал, стоит неподвижно. Все заняты совершенно другим. Идет торг с переторжками о министерских местах. Впрочем, обо всем этом сообщает Ц[ентральному] К[омите]ту подробно Раков.

То, что я писал в прошлом письме, остается в силе — за исключением отношения Ракова, которое стало более положительным: он теперь содействует, как может, но толку выходит мало. Очень уж все затягивается и тормозится.

Я лично уже не в силах сидеть тут и дожидаться конца. Решил таки, и об этом сообщил Авкс[ентьеву]; если через 3—4 дня не будет положительного ответа, что предложение принимается, я уезжаю в Совдепию информировать наши организации и все дела ликвидировать. В Пов[олжье] сохранены будут только явки в неск[ольких] городах и необходимый минимальный аппарат для содействия проезду учредителей. Не знаю, нужно ли это. — Из Сар[атова] поеду в Москву, а потом уже не знаю, куда. В здешних газетах помещено известие о втором покушении на Ленина. Конечно, из-за этого были у нас нов[ые] аресты и новые расстрелы. И ведь никаких вестей нет оттуда. Я совершенно не в состоянии здесь сидеть без дела и не знать, целы ли и живы ли оставшиеся там в ожидании ответа отсюда, который я давно уже должен был привезти.

С лицом, которое привезет это письмо, посылаю Фл[ориану] Фл[орановичу] два наших нов[ых] ключа, т[ак] к[ак] не помню, дал ли их я ему перед отъездом сюда. Для сношений с Ц[ентральным] К[омитетом] будем пользоваться этими ключами, а также ключом Ц[ентрального] К[омитета] (двойным — сложение), известным Фл[ориану] Фл[орановичу].

Всего лучшего.

А. Альтовский.

P. S. Отсюда можно телеграфировать во Фр[анцию], и ответ получится. Я пошлю завтра телег[рамму], а адрес дам вам в Екатеринбурге.

4.

Докладная записка.

Условия борьбы с большевиками настоятельно требуют планомерной и широкой дезорганизаторской и разведочной работы в тылу большевистских войск. Крупное стратегическое значение Украины, в связи с оккупацией ее немцами, ставит также вопрос о подобной же деятельности в тылу австро-германских войск. Работа эта приобретает тем большее значение еще потому, что большевики и немцы упорно развивают дезорганизаторскую и разведочную службу в тылу наших армий.

I. Работа в тылу большевистских и немецких войск должна выражаться:

1) в широко поставленном саботаже, как-то: расстройство железнодорожного и пароходного движения путем порчи линии, паровозов, букса вагонов и т. д., взрывов мостов, устройства крушения поездов и воинских эшелонов, порчи последовательно расположенных водокачек, уничтожения запасов жидкого топлива, разрушения почтово-телеграфных и почтовых связей;

2) уничтожении запасов военных снаряжений посредством поджогов и взрывов артиллерийских и иных складов, порче орудий, аэропланов и броневых автомобилей;

3) дезорганизации большевистской армии путем проникновения в штабы, на командные должности и в специальные технические части сторонников Временного Правительства;

4) организации разведочной службы при помощи агентов, находящихся в Советской армии и учреждениях, и при посредстве внешнего наблюдения и передаче сведений через особых курьеров и через радио (телеграфирование шифром, установка собственной радиостанции, использование связей среди служащих в советских учреждениях); в частности, на Украине—выяснении количества и состава австро-германских войск и их передвижений;

5) переправе на территории, освобожденные от большевиков, офицеров и солдат-фронтовиков для пополнения наших армий группами и в одиночку.

II. Руководство этой работой поручается особому отделу при верховном главнокомандующем. Отдел состоит из трех лиц, получающих от верховного главнокомандующего стратегические задания и представляющих верховному главнокомандующему финансовый и фактический отчеты.

Привлечение сотрудников и агентов поручается руководителям отдела.

Работа на местах ведется под непосредственным руководством особых уполномоченных, посылаемых отделом в различные районы. Уполномоченные получают от отдела задания и, сохраняя перед ними полную ответственность, действуют на местах совершенно самостоятельно.

III. При выполнении вышеуказанной работы будут использованы все партийные, военные, офицерские, профессиональные и иные организации и объединения, стоящие на точке зрения активной борьбы с большевиками.

IV. Отпуск сумм на работы отдела, согласно особо представляемых сметных предположений, совершается в авансовом порядке под личным контролем верховного главнокомандующего.

Омск. Октября 16 дня 1918 г.

5.

Приложения к докладу.

I. О б о с о б о м з н а ч е н и и н и ж н е-и с р е д н е-в о л ж с к и х г у б е р н и й в б о р ь б е с б о л ь ш е в и к а м и.

А) Занятие сравнительно короткой линии Самара — Пенза — Балашов — Поворино отрезает от Советской России не только Саратовскую, часть Пензенской и Самарскую губернии, но и Астраханскую, Каспийское море, все юго-восточное Заволжье, все Закаспийские области и весь Кавказ.

Б) Происходит таким образом соединение территорий Учредительного Собрания с другими областями, освобожденными от власти

большевиков, вплоть до берегов Черного моря (Области Войска Донского, Терская и Кубанская Область, Новороссийск).

В) Открывается возможность непосредственного влияния на донское казачество и возможность совместных с ним действий против большевиков, равно как и с Терско-Кубанской Добровольческой армией генерала Деникина.

Г) Открывается возможность связи с союзниками через Черное море, благодаря выходу из германской коалиции Болгарии и вероятного выхода Турции.

Д) Области, отрезаемые линией Самара — Поворино, чрезвычайно богаты хлебом и другими продуктами продовольствия, спешно и в огромном количестве вывозимыми в настоящее время большевиками. Эти области являются теперь для Советской России почти единственным источником продовольствия (хлеб, мясной скот, рыба, соль).

Е) Запас жидкого топлива (нефть, керосин, бензин), имеющийся в Астрахани, Царицыне, Камышине и Саратове, спешно вывозится большевиками в центральную Россию.

Ж) Население этих областей, в особенности в связи с продовольственной кампанией большевиков, до чрезвычайности против них озлоблено. Вместе с тем оно достаточно зажиточно и, следовательно, имеет реальное основание желать защищать свое достояние от грабителей. Непрерывные местные восстания о том свидетельствуют. Население это может стать деятельной опорой для работы в тылу у неприятеля. Оно окажет содействие при вступлении в названные области Народной армии и союзников и даст богатый и хороший людской материал для будущего добровольческого и принудительного набора в армию.

З) В Поволжской области сохранился до настоящего времени налаженный аппарат военной организации при областном комитете, деятельность которого теперь свернута ввиду недостатка средств и отсутствия регулярных сношений с правительством, но всегда может быть вновь развернута в короткое время.

II. Выполнение общего плана работы в пределах Поволжской области и главнейшие сметные предположения.

А) Примерная схема работы одного железнодорожного дезорганизаторского отряда.

Возьмем участок Рязанско-Уральской ж. д. Аткарск — Ртищево, через который проходят интенсивно поезда с хлебом из Саратовского, Николаевского и Новоузенского уездов, частью из Камышинского, поезда с жидким топливом из Саратова, поезда с хлебом с дополнительной ветки Аткарск — Вольск.

Взрыв одного из мостов на этом участке остановит движение на 5—6 дней. В конце этого срока взрыв другого моста на противоположном конце участка еще остановит на 5—6 дней. Затем прекращение работы последовательного ряда водокачек путем порчи важных частей

их паровых машин произведет новую остановку. Серьезная порча поворотного круга перед депо в то время, когда в депо находится большое число паровозов, даст еще 2—3 дня сильного сокращения движения. Уничтожение при содействии местного крестьянского населения на значительных пространствах железнодорожных телеграфных и телефонных проводов еще расстроит движение минимум на 2 дня. Производство крушений специальных воинских поездов в наиболее подходящих местах тоже даст, хотя и кратковременную, задержку.

Вся эта работа, при наличности хорошей связи среди железнодорожных служащих и рабочих и среди крестьянского населения, могла бы быть выполнена отрядом в 11 человек в течение одного—полутора месяцев и прервала бы движение за этот период на 20—25 дней, что почти равносильно полной остановке транспорта продовольственных и других грузов.

Состав отряда: один начальник, опытный организатор; два его помощника, оба или, по крайней мере, один из них специалист-подрывник, 8 рядовых членов отряда: половина их обязательно военные, хотя бы и не местные жители, другая половина из лиц, хорошо знакомых с местностью, хотя бы и не военных.

Б) Смета расходов по области на железнодорожную дезорганизаторскую работу.

На содержание каждого отряда понадобится:

Содержание личного состава: 7.000—8.000 р.

Приобретение оружия и патронов: 8.000—10.000 р.

Примечание: в следующие месяцы эта графа расхода может быть сокращена на половину.

Приобретение подрывного материала: 15—20 тыс. р.

Примечание: подрывной материал добывается путем связи в красноармейских частях, и в зависимости от состояния этих связей и их характера затраты меняются в очень больших пределах.

Разъезды: 4.000—5.000 р.

Организация связи и общее руководство (доля расходов, приходящаяся на один отряд, предполагая наличность в области 4—5 отрядов): 4.000—5.000 р.

Всего ежемесячно на один отряд: 40.000—50.000 р.

При существовании [в] Поволжской области 4—5 таких отрядов ежемесячный расход на расстройство железнодорожного (и пароходного) движения обойдется от ста семидесяти пяти тысяч до двухсот пятидесяти тысяч руб.

Примечание: предполагаемое назначение отрядов следующее: 1) участок Саратов — Ртищево, 2) участок Кирсанов-Козлов, 3) Рузаевский узел: Симбирск, Казань, Пенза, Инза, 4) участок Саратов — Астрахань и Саратов — Новоузенск, 5) пароходное сообщение, или же

2 отряда для Рузаевского узла, — при имеющихся в Поволжской области организациях и связях первые 3 отряда могли бы начать свою деятельность через 10—15 дней по прибытии на место уполномоченного и доставке средств, 4 и 5 отряды — через 20—25 дней.

В) Расход на посылку курьеров 5 раз в месяц.

Из опыта прежних посылок Саратов — Самара или Пенза — Самара, обходившихся от 500 до 1.000 руб. туда и обратно, следует, что в настоящее время посылка 5 курьеров в месяц и их возврат обойдутся от семи до десяти тысяч руб., не считая их личного содержания от 7.000 до 10.000 р.

Г) Организация радио-связи.

Возможно организовать получение в Советской России шифрованных и общих радиотелеграмм Временного Правительства через посредство существующей связи советских радио-станций. Через посредство тех же связей возможна иногда отправка (не регулярная) шифрованных радиотелеграмм из Советской России.

Расход на основании опыта Поволжского областного комитета и на поддержание имеющихся связей, их сохранение, возобновление утраченных и создание новых может быть исчислен в десять-пятнадцать тыс. руб. в мес.: 10.000—15.000 руб.

Кроме того возможна постановка своей собственной радио-станции в местности, очищенной от большевиков, и в то же время легко доступна и в пределах Советской России (2—3 дня пути из центральной России, Украины или Поволжья); оборудование такой станции достаточной мощи для подачи радиотелеграмм до радио-станции, находящейся при Александровской сопке, обошлось бы от семидесяти пяти тыс. руб. до ста тысяч руб.: 75.000—100.000 руб.,— и ее ежемесячное содержание, в зависимости от крайне изменчивых местных условий, от пяти до десяти тыс. руб.: 5.000—10.000 р.

Д) Организация переправы офицеров и солдат-фронтовиков из Советской России.

Одиночная переправа 20 офицеров в месяц группами по двое: 25.000—30.000 р.

Таковая переправа 300 солдат группами по трое от 75.000—100.000 р.

Переправа целых отрядов не может быть оценена вне зависимости от конкретных условий каждого данного случая. Как, например, можно указать на предполагавшиеся и не состоявшиеся из-за недостатка средств и неблагоприятного стечения обстоятельств два случая организации таких отрядов:

1) Отряд в 200—300 человек на севере Саратовского уезда, имевший целью пробиться в Вольск или Хвалынск в момент наступления со стороны отряда полковника Махина. Предполагавшиеся расходы: 35.000—40.000 руб.

2) Отряд 100—150 человек в Покровске, имевший целью произвести захват оружия и уйти на Уральский фронт в момент предполагав-

шегося наступления казаков на Ершово и Урбах. Намеченный расход: 25.000—30.000 руб.

Е) Расход на организацию службы разведки.

На основании опыта организации разведки при Волжском областном комитете постановка ее в одном губернском городе и в 2—3 наиболее важных уездных городах каждой губернии обходится в 20.000—25.000 руб.

Следовательно, постановка разведки в 5—6 губерниях области обошлась бы в 100.000—150.000 руб.

Ж) Постановка агитационно-политического отдела.

На основании опыта Поволжского областного комитета организация политической агитации в красноармейских частях среди населения может быть поставлена в наиболее важных пунктах каждой губернии при затрате — 30.000—35.000 руб. на губернию. Всего на шесть губерний около 200.000 руб.

Общий итог сметных предположений по организации военной работы в Поволжской области сводится к сумме 600.000—700.000 руб. в месяц.

При этом следует отметить, что в пределах Поволжья развернуть эту работу до полного объема организация могла бы к концу первого месяца.

III. Краткий очерк деятельности военной комиссии при Всеукраинском комитете п. с.-р.

Деятельность в Областной Украинской военной комиссии с.-р., работавшей по созданию добровольческих противо-большевистских отрядов, приняла широкий и планомерный характер только после оккупации Украины германскими войсками, когда вся задача военной комиссии вырисовывалась в формулу: борьба с германскими властями. Эта борьба выразилась:

1) в организации активного железнодорожного саботажа: за июнь и июль было испорчено агентами военной комиссии свыше 200 паровозов. Произведено около . . . . крушений германских воинских поездов. Оказана энергичная поддержка руководительством железнодорожной забастовки.

2) Была произведена спланировка всех крупных железнодорожных мостов.

3) Организован военный штаб из опытных офицеров.

4) Произведен ряд взрывов: одесский взрыв, пожар аэропланного завода и т. д. — дело агентов военной комиссии.

5) Пропаганда среди крестьян против отдачи хлеба германцам и руководство крестьянскими вооруженными отрядами.

6) Разведочную деятельность приходилось вести в очень ограниченном размере за недостатком нужных для этого больших материальных средств. Некоторые сведения, добытые агентами военной комиссии, были переданы союзным миссиям.

За время наиболее интенсивной деятельности военной комиссии при Всеукраинском комитете п. с.-р. было израсходовано около 500.000 руб. При чем этой суммы оказалось недостаточно для осуществления намеченной программы действия.

По сметным предположениям необходимо для широкой и правильной постановки дела около 1.000.000 руб. в месяц, не считая специальных сумм для разведки.

IV. Общий итог сметных предположений.

Предполагая организацию работы в Поволжьи, на Украине в северо-восточных прифронтовых районах, около — 500.000 — 600.000 руб., общий итог расходов по этим трем областям сведется к сумме в 2.000.000—2.500.000 руб. в месяц.

Период развертывания работы до полного объема в пределах Украины тот же, что был указан и для Поволжской области (один месяц). Для северо-восточного узла этот период должен быть удлинен до полутора месяца.

Таким образом единовременное авансовое ассигнование 2.000.000 р. обеспечит постановку и развитие работы в течение приблизительно первых двух месяцев.

За этот период могут быть выяснены точно сметы расходов по всем отделам работы на ближайшие месяцы.

Записка Ф. Ф. Мартенса „Европа и Китай".

Печатаемый ниже документ «Европа и Китай» относится еще к периоду боксерского восстания (1900 г.), представляя собою докладную записку непременного члена министерства иностранных дел профессора Ф. Ф. Мартенса. Теперь, когда под напором великой революционной волны рушится, наконец, вековое господство в Китае мирового империализма, этот документ, в котором 27 лет назад ученый профессор, считавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах международного права, пытался «вникнуть во внутренние причины» боксерского движения, «выяснить условия, могущие действительно умиротворить китайскую нацию», — приобретает самый актуальный интерес.

Как известно, британский империализм, чьи твердыни в Китае штурмуются сейчас в первую очередь, пытается, зачастую, свалить ответственность за свои неудачи на «враждебные интриги» Москвы, а антимиссионерское движение представить как проявление вандализма и самой «черной неблагодарности» со стороны китайцев.

Есть ли за что китайцам благодарить миссионеров и нужны ли чьи-либо «интриги», дабы негодование восставшего китайского народа направилось прежде всего против Великобритании, ответы на эти вопросы читатель найдет в печатаемом документе.

«Святая христианская вера обратилась в Китае в ширму, прикрывающую самые незаконные дела и самые анархические стремления».

«Никто не сомневается в том, что наибольшая вина в анархическом состоянии Китайской империи лежит на Англии».

«Тот, кто внимательно следил за развитием международных отношений между Европою и Китаем за последние 50 лет, не был застигнут врасплох нынешними событиями в Срединной империи. Напротив, нужно было их ожидать довольно давно и остается только удивляться тому обстоятельству, что китайцы не раньше подняли знамя восстания».

«Пока европейские державы не изменят своего образа действий в отношении Китая, пока опиум будет законным средством для привития китайцам возвышенных идеалов европейской цивилизации, а пропаганда христианской религии—удобнейшим способом для подорвания основ китайского государства, и пока, наконец, неприкосновенность китайской территории и верховной власти не будет обязательным для европейских государств и Соединенных Штатов законом, до тех пор мира в Китае не будет, и новые бунты и войны с китайцами совершенно неизбежны».

Все эти выводы и заключения представляют тем больший интерес, что автором их является наиумереннейший из либералов, «обласканный» Вильгельмом и королем Эдуардом, Кампбелль Баннерманом и Клемансо, Пишоном и Титтони, императором Францем-Иосифом и королем Виктором-Эммануилом, непременный и в то же время наиболее активный участник гаагских конференций, перед которым почтительно расшаркиваются остальные делегаты, наконец, арбитр, неоднократно приглашаемый самой же

Великобританией для решения возникавших у нее спорных вопросов то с Францией, то с Голландией, то с Венецуэлой.

Говоря о том, что «эксплоатация китайцев со стороны европейских народов на с'мой китайской территории доведена до крайних пределов бессовестности», проф. Мартенс делает, однако, исключение для царской России. «Никогда русская политика, — пишет он, — не подчинялась стремлениям к наживе «торгашей»... Никогда Россия не преследовала по отношению к Китаю целей, которые должны были деморализировать или уничтожить его жизненные силы или подрезать корни его государственного организма» и т. д., и т. д. Все это, разумеется, далеко расходится с действительностью, ибо в действительности никакой принципиальной разницы между китайской политикой царской России и политикой остальных империалистических держав не было. В данном случае ошибочность суждений знаменитого юриста приходится, повидимому, отнести к столь обычному для него «излишнему преклонению перед дипломатическими традициями» царской России,—недостаток, отмеченный еще бар. Е. Нольде, известным ученым дипломатом, бывшим долгое время секретарем Мартенса.

В виду того, что докладная записка Мартенса относится, как мы уже сказали, к периоду боксерского восстания и лишь вскользь касается так наз. «неравноправных договоров», вся опасность которых для судеб Китая сказалась лишь за последние десятилетия, будет, может быть, нелишним остановиться на этих договорах несколько подробнее.

Непрекращающийся, начиная с Нанкинского договора, процесс превращения независимого Китая в полуколонию, поделенную на сферы влияния между различными империалистическими странами, увенчивается, в результате подавления боксерского восстания, знаменитым протоколом 1901 года, сделавшим из пекинского дипломатического корпуса чуть не «сверх-правительство» Китая. И хотя, несмотря на вышеупомянутые сферы влияния, вопрос о разделе последнего между различными империалистическими державами как будто отпадает к началу XX ст., тем не менее самый факт дальнейшего существования неравноправных договоров грозит привести Китай к полной потере его независимости.

Необычайный рост внешней торговли Китая за последние десятилетия, сопровождающийся колоссальным ростом экономического могущества открытых портов с их иностранными концессиями и сеттльментами, как и медленная, но упорная индустриализация Китая, со все бóльшим и бóльшим проникновением иностранцев вглубь страны, радикально меняют значение старых, силой навязанных договоров. Поясним это на конкретных примерах. Возьмем право экстерриториальности, т.-е. неподсудности иностранцев китайским судам. При наличии в необъятном Китае всего лишь нескольких сот иностранцев это право особой опасности для китайского суверенитета представлять не могло, чем и объясняется, что недальновидное манчжурское правительство даровало это право иностранцам чуть не добровольно. Но теперь, когда иностранцы проникли во все провинции и когда количество их, исчисляемое уже не в сотнях, а в сотнях тысяч человек, все растет и растет, экстерриториальность превратилась в грубейшее нарушение этого суверенитета.

То же самое приходится сказать и об иностранном контроле над китайскими таможнями. При 2—3 сотнях миллионов рублей оборота внешней торговли этот контроль не имел, разумеется, того значения для экономической и политической жизни страны, какое он приобретает теперь, когда оборот внешней торговли достиг 2—3 миллиардов

и когда Китай для развития своей национальной индустрии нуждается в покровительственных пошлинах, ибо при силой навязанном ему 5% тарифе, его индустрия не в силах конкурировать с могущественной индустрией не только Западной Европы и Америки, но и Японии.

Возьмем, наконец, концессии и сеттльменты. Одно дело — шанхайский сеттльмент 1844 года, когда в нем насчитывалось всего лишь 23 иностранца, 11 иностранных фирм и 2 протестантских миссионера, и другое дело — шанхайский международный сеттльмент 1927 г., с десятками тысяч иностранцев, а главное, чуть не с миллионным китайским населением, не имеющим никаких прав, но зато несущим все обязанности, — фискальные в первую очередь. То же самое относится и к остальным иностранным сеттльментам и концессиям.

Но дело национального освобождения Китая ставит своей целью полную о т м е н у, а не только п е р е с м о т р неравноправных договоров, как этого добивается теперь Великобритания, понимая под «пересмотром» заключение вместо старых нового неравноправного договора. В этом, по существу, и заключается тот спор, который ведется в настоящее время между китайским народом и британским империализмом, надеющимся при помощи крейсеров, броненосцев и дальнобойных орудий навязать революционному Китаю свою точку зрения.

Это ему теперь вряд ли удастся.

«Новый Китай, — заявил недавно один из китайских дипломатов, — достаточно силен, чтобы заставить в своей собственной стране уважать свою волю вопреки всем державам. Система международного контроля, ограничивающая китайский суверенитет как в экономической, так и в политической областях ведет свое начало с Нанкинского договора. С тех пор ни о какой полной независимости Китая не могло быть и речи. Цель националистов — вернуть эту независимость. Между китайским национализмом и британским империализмом не может быть настоящего мира, пока не будет совершен этот акт исторической справедливости».

Так ставится проблема, решение которой будет иметь мировое значение.

А. Ивин.

Европа и Китай [1]).

Suum cuique.

События, совершающиеся в Китае, приковывают к себе внимание всего цивилизованного мира. Борьба, происходящая в Срединной империи между китайцами—с одной стороны, и вооруженными представителями европейско-американских народов—с другой, есть не простая международная война, но есть борьба между разными расами, разными культурами и разными цивилизациями. Этою борьбою определятся на многие годы вперед судьба Дальнего Востока и взаимные отношения между цивилизованными народами, имеющими какие-либо интересы на Дальнем Востоке. Окончательная победа европейских армий над китайскими войсками не подлежит сомнению. Но эта победа не разрешит нынешнего кризиса, ибо она не будет окончательною побе-

[1]) Воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в Архиве Революции и Внешней Политики.

дою над Китаем, его народом и его общественно-государственным строем. Никакие победы над китайскими войсками или бунтовщиками не в состоянии будут уничтожить нацию в 430 милл. людей и вырвать с корнем сорокавековую цивилизацию. С этим фактом нужно считаться уже в настоящее время для предупреждения неизбежных и неприятных разочарований. С этой точки зрения вопросы дня об освобождении посланников в Пекине из их опаснейшего положения или о наказании китайских бунтовщиков имеют только второстепенное и преходящее значение.

Несравненно важнее вопрос о том, какими средствами можно создать в Китае на будущее время прочные порядки, могущие предупредить новые взрывы и общий пожар.

Правильное разрешение этого важнейшего вопроса мыслимо только при верном понимании в н у т р е н н и х причин нынешних неурядиц в Китае. Это восстание против в с е х, без исключения, «заморских дьяволов», т.-е. иностранцев, имеет свои глубокие причины, которые нужно понять. Вникнув во внутренние причины нынешних печальных событий в Китае, можно будет выяснить условия, могущие действительно умиротворить китайскую нацию в настоящем и упрочить китайские порядки в будущем.

I.

Тот, кто внимательно следил за развитием международных отношений между Европой и Китаем за последние 50 лет, не был застигнут врасплох нынешними событиями в Срединной империи. Напротив, нужно было их ожидать довольно давно, и остается только удивляться тому обстоятельству, что китайцы не раньше подняли знамя восстания против своего правительства и против иноземцев, пред которыми сам «сын неба» неоднократно унижался в своем бессилии.

Ровно двадцать лет тому назад, по поводу Кульджинского вопроса, я писал следующее:

«Чем китайское правительство слабее, чем более оно имеет врагов в самой стране, тем более цивилизованные державы должны помнить, что всякая неуместная пропаганда, равно и всякое вмешательство в дела внутреннего управления могут привести только к двум следующим результатам: и л и в ы з в а т ь п а д е н и е н ы н е ш н е г о п р а в и т е л ь с т в а в П е к и н е, и л и п р и н у д и т ь п о с л е д н е е о т к р ы т о п р и м к н у т ь к н а р о д у д л я и с т р е б л е н и я в с е х и н о с т р а н ц е в. При первой гипотезе нет никаких гарантий для того, чтобы новая династия более благоприятствовала сношениям с христианским миром. При второй, — в случае истребления или изгнания иноземцев, — будет весьма трудно обратно завоевать утраченное положение» [1]).

---

[1]) См. мое исследование: Le conflit entre la Russie et la Chine. Étude politique. Bruxelles. 1880. Переведено на русский и несколько иностранных языков. (*Прим. автора*).

Уже в 1880 году я указал на «накопившиеся на крайнем Востоке горючие материалы, которые могут раздуть всеобщий пожар и вызвать самые опасные осложнения». Уже тогда мне казалось несомненным, что последствием несправедливостей, навязанных Китаю грубой силой, является стремление китайской нации ниспровергнуть все международные обязательства.

С этой точки зрения трудно удивляться нынешним событиям в Китае и считать общий взрыв китайцев против иноземцев «неожиданным сюрпризом».

Внутренних причин общего восстания китайцев против иноземцев много. Ограничусь указанием только на главнейшие.

Эксплоатация китайцев со стороны европейских народов на самой китайской территории доведена до крайних пределов бессовестности. На основании навязанных Китаю грубою силою трактатов, правительство богдыхана не только принуждено было смотреть сквозь пальцы на систематическое отравление своего народа опиумом, привозимым англичанами, но, мало того, оно д о л ж н о было покровительствовать этим иноземным отравителям. Если недобросовестность и жажда к наживе английских подданных вселили в китайцах ненависть и презрение, то эти чувства ненависти и презрения, в силу политики «открытых дверей» и формулы «наиболее благоприятствуемой нации», должны были распространяться на все иностранные народы. Лорд Эльджин, бывший в 1838 году чрезвычайным английским послом в Китае, писал своей супруге, что «с тех пор как он познакомился со своими соотечественниками на Востоке, среди населения слишком робкого, чтобы сопротивляться, и чересчур невежественного, чтобы жаловаться, он увидел больше, чем в течение всей своей жизни, фактов, способных поселить к ним отвращение».

Между тем, эти самые англичане имели до последнего времени в своих руках $^2/_3$ всей торговли с Китаем! Они были первенствующими представителями европейской цивилизации. Они препятствовали китайскому правительству запретить ввоз опиума в Китай, ибо они выручали таким образом 12 миллионов фунтов стерлингов.

Таким образом, торговля опиумом не касается одной только Англии, она имеет всемирное значение, так как ненависть, возбуждаемая этою торговлею в сердцах всех китайских патриотов, одинаково направлена против подданных всех других христианских держав.

Другая причина, вызвавшая нынешнюю катастрофу, это деятельность христианских миссионеров в Китае. Китаец отличается полным индифферентизмом в делах веры, и Китай — классическая страна свободы совести. Но ни один китаец не может относиться равнодушно к деятельности римско-католических и протестантских миссионеров в его отечестве. Тян-цзинские трактаты 1858 года послужили основанием самых вопиющих злоупотреблений во имя христианской веры, и христианская религия обратилась в глазах порядочных китайцев в предмет самой неограниченной и справедливой ненависти. Католи-

ческие миссионеры, пользуясь особенным покровительством Франции, присвоили себе право юрисдикции над китайцами-христианами; они защищают всякого крещеного туземца против законных требований отечественного правительства, они не признают власти китайского правительства по отношению к его подданным-христианам, часто принявшим святое крещение с целью не платить податей и не исполнять отечественных законов; они стараются избавить китайцев-христиан от подсудности китайским судам; наконец, они часто с явным презрением относятся к китайскому правительству и органам местной администрации.

Одним словом, католические миссионеры составляют в Китае государство в государстве, и протестантские их собратья стараются занимать такое же положение. Франция и другие католические державы считают долгом чести поддерживать эти опаснейшие претензии католических миссионеров. Англия, Соединенные Штаты и Германия признают себя обязанными не отставать от католических держав в покровительстве самым несправедливым требованиям протестантских и англиканских миссионеров.

При таких обстоятельствах святая христианская вера обратилась в Китае в ширму, прикрывающую самые незаконные дела и самые анархические стремления. Миссионерская деятельность подорвала самые устои китайского государства, распространяла анархию и вызывала глубокую ненависть к христианской религии и ее представителям в лучших слоях китайского народа. Принятие святого крещения сделалось удобнейшим средством для избавления от заслуженного наказания, для неисполнения требований законных властей и для безнаказанного осмеяния своего собственного законного правительства.

Вот объяснение постоянных избиений в Китае христианских миссионеров, китайцев-христиан и всех иноземцев вообще. Вот объяснение того неопровержимого факта, что во главе таких народных движений обыкновенно стоят мандарины и «лучшие» патриоты — в глазах китайцев.

В тесной связи с такими результатами деятельности миссионеров находятся тенденции деятельности иностранных консулов и консульских судов в Китае. Консулы, пользующиеся на Дальнем Востоке огромными правами и привилегиями, признают себя обязанными защищать пред местною китайскою властью миссионеров и их паству. К последней принадлежат также туземцы-христиане. Таким образом, консульскою властью часто прикрываются беззакония миссионеров и противозаконные поступки крещеных китайцев. Этого мало. Деятельность консульских судов является весьма часто злою насмешкою над всеми требованиями правды и справедливости, в особенности, если в судебных делах замешаны туземные подданные.

В виду таких обстоятельств странно удивляться, если китайскому народу европейская цивилизация представляется произведением ада и христианская религия—удобным средством в руках «заморских чер-

тей» для уничтожения порядка, благосостояния, добрых нравов и многовековой культуры китайцев.

Наконец, ко всем этим причинам разложения китайского государства прибавилась, в новейшее время, еще новая: захваты частей китайской территории. Эти захваты могут быть оправдываемы обстоятельствами и временем. Но не подлежит сомнению, что согласие пекинского правительства, без войны, на эти уступки китайских провинций и портов никак не могло упрочить его собственное положение среди народа. Чем бессильнее было это правительство, тем опаснее для его престижа были эти территориальные уступки.

II.

«Такой порядок вещей, — писал я в 1880 году, — очевидно, не может продолжаться. Каждую минуту в Срединной империи может произойти взрыв против всех христиан как иностранцев, так и китайцев».

К крайнему моему прискорбию это предсказание совершенно оправдалось в 1900 году, и общий взрыв против представителей европейской цивилизации и христианской религии привел к ужасным событиям последнего времени.

Излагая внутренние причины нынешних горестных событий, я нисколько не намерен критиковать действия той или другой европейской державы. Моя единственная цель: беспристрастным анализом положительных фактов открыть причины «восстания» китайцев и выяснить, по мере сил и способностей, средства, могущие служить для водворения в Китае лучших порядков и для обеспечения в будущем мирных международных отношений.

Имея в виду вышеприведенные причины внутреннего государственного разложения Китая, не следует думать, что эти причины действуют независимо друг от друга. Напротив, между ними существует самая тесная связь.

Только при бессовестной эксплоатации китайцев со стороны европейцев возможно безнаказанное отравление китайцев навязываемым им опиумом. Только при водворившейся в Китае анархии мыслима опасная и часто развращающая деятельность миссионеров. Наконец, только при такой органической связи между всеми указанными недугами государственного организма Китайской империи понятно, почему избиение двух германских миссионеров могло быть избрано Германиею предлогом для захвата ею Шантунской области. Где и в какой стране на земном шаре избиение двух подданных могло бы служить законным основанием для захвата целой провинции чужого государства? Это могло случиться только с Китаем, ибо в отношении этого государства все считалось дозволенным.

Насколько переплетаются внутренние причины разложения китайского государства, настолько же смешаны политические виды и нравственная ответственность европейских государств в отношении Китая.

Однако никто не сомневается в том, что наибольшая вина в анархическом состоянии Китайской империи лежит на Англии. Эксплоатацию китайцев со стороны англичан сам лорд Эльджин назвал «позорной» (scandalously), и систематическим отравлением китайского народа опиумом занимаются одни англичане под защитою английских законов, пушек и флага [1]). Поэтому глубокою правдою проникнуты слова принца Кунга, сказанные уезжавшему из Китая английскому посланнику sir Ruthford Alenk'у: «Сделайте милость — увезите с собою опиум и миссионеров». К несчастью для Китая и европейских народов, sir R. Alenk уехал из Китая, но опиум и миссионеры там остались.

Примеру Великобритании последовали, в известной степени, другие западно-европейские правительства и Соединенные Штаты. Правда, в виду захвата Англиею наиболее важных торговых пунктов в Китае и установленной ею систематической эксплоатации естественных и промышленных богатств китайского народа, на долю других государств выпала третьестепенная роль. Но ни одному из этих государств не пришла мысль относиться с должным уважением к нации из 430 миллионов людей. Ни одно из этих правительств не призадумалось над вопросом: на основании какого права они постоянно вмешиваются во внутренние дела китайцев, подрывают их государственные порядки и насмехаются над их обычаями, нравственными и правовыми понятиями?

Совершенно иначе относилась Россия к Китаю до самого последнего времени. С XVI века, когда начались первые международные сношения с соседями-китайцами, вплоть до последних годов, политика нашего правительства в отношении Китая была проникнута государственными целями доброго соседства и мирных торговых оборотов. Никогда русская политика не подчинялась стремлениям к наживе «торгашей» (как в Англии), ибо торговые интересы всегда подчинялись у нас пользе государственной.

Никогда Россия не преследовала по отношению к Китаю целей, которые должны были деморализовать или уничтожить его жизненные силы или подрезать корни его государственного организма. Никогда Россия не старалась навязывать китайцам блага христианской религии в ущерб их национальному суверенитету, в подрыв их государственному порядку и в надругание над дорогими им национальными обычаями и вековыми традициями.

Русская духовная миссия в Пекине не занималась пропагандой православной веры и не покровительствовала никаким китайцам, добровольно и искренно принявшим святое крещение, против их собственного правительства. Русским посланникам при пекинском дворе никогда не приходила в голову мысль, что они призваны подрывать

---

[1]) Принятые английским правительством меры для некоторого упорядочения этой торговли ничего не доказывают. (*Прим. автора*).

основы китайского государства посредством потворства китайцам-православным христианам, не желавшим исполнять законы и распоряжения китайских властей.

Вот почему Россия и русские занимали в глазах китайцев особенное положение и их не смешивали с «рыжими заморскими чертями». Великодушная защита, оказанная Китаю Россией после японско-китайской войны, еще более закрепила вековые чувства доброго соседства, которые китайский народ питал к русскому народу.

III.

Раскрыв внутренние причины нынешнего восстания китайского народа против всех иностранных народов и выяснив положение европейских держав по отношению к Китаю, остается, наконец, указать на цели и средства, которыми, по моему крайнему разумению, европейские державы должны бы руководствоваться по отношению к нынешним событиям в Китае.

Нет сомнения, что прежде всего надлежит водворить мир и спокойствие в Китае и наказать примерным образом виновников в совершенных убийствах, поджогах и вообще преступлениях. Эта первая задача, наверно, будет исполнена блестящим образом союзными войсками. Но было бы опрометчиво думать, что разрешение этой задачи представляется очень легким. Если те же китайцы, которые в войнах с европейскими державами и с Японией обнаруживали полную военную несостоятельность и «прирожденную» трусость, в настоящее время сражаются с изумительной стойкостью, умением и храбростью, то этот факт раскрывает всю бездну, отделяющую прежние войны от нынешнего восстания. Прежние китайские войны были международными войнами, начатыми пекинским правительством. Настоящее же восстание или бунт есть н а р о д н а я война китайцев, в которой пекинское правительство принуждено было стать на сторону народа.

Воодушевленные непримиримою ненавистью к иноземцам, китайцы совершают подвиги храбрости. Граф Вальдерзе лично убедился, что ученики германских инструкторов с успехом изучали военное дело для войны против самих же германцев.

Но когда Китай будет умиротворен и виновные китайцы понесут заслуженную кару, тогда наступит самое трудное время. Весьма разнородны и тяжки будут предъявленные пекинскому правительству требования, и баснословно велики будут денежные претензии европейских государств и их подданных.

Смею думать, что для целесообразного разрешения этих вопросов весьма желательно уже в настоящее время установить известные руководящие начала, в особенности с точки зрения интересов России. К таким руководящим началам, мне кажется, можно отнести, между прочим, следующие:

I. Географическое положение, непосредственное соседство и жизненные интересы России дают ей неотъемлемое право на совершенно

особенное и преобладающее положение во всех вопросах касательно будущности Китая. Если Англия, в виду своих особенных интересов в Шанхае, считает себя в праве занять этот важнейший китайский порт, то Россия, по праву, могла бы занять всю Манчжурию.

II. Было бы чрезвычайно печально, если б настоящая война против китайцев имела бы последствием новые захваты китайской территории или «раздел» Китая. Напротив, поддержание принципа полной неприкосновенности Срединной империи требуется высшими интересами России. Нельзя не желать, чтобы, по почину России, все заинтересованные державы подписали формальный акт в подтверждение неприкосновенности китайской территории и отказа от всяких территориальных приобретений. Чем скорее такой акт будет подписан, тем лучше для России и всеобщего мира.

III. Требования о вознаграждении, предъявленные державами китайскому правительству, будут 2-х родов: о нравственном и материальном удовлетворении. Например, за убийство своего посланника Германия имеет право на особенное нравственное удовлетворение. Китай не может отказать в таком удовлетворении, а христианская Европа только может желать, чтобы требования Германии не были проникнуты тем духом беспощадной мести и нехристианской ненависти, которыми дышали последние речи германского императора.

Несравненно более трудно будет Китаю удовлетворять все предъявленные ему денежные претензии. При полном расстройстве китайских финансов и отсутствии кредита китайскому правительству очень трудно будет удовлетворять все требования. Если еще иметь в виду, что каждая держава совершенно произвольно может определить размер своих денежных претензий, то понятна будет полная несостоятельность Китая. Между тем, отказ со стороны Китая дал бы державам право на захват китайской территории.

Это следует предупредить всеми средствами. Держава, наиболее заинтересованная в сохранении целости Китая, — Россия. Поэтому, мне кажется, что русской политике придется отыскать выход из этого затруднения. Самым справедливым и удобным разрешением этого затруднения было бы согласие всех европейских государств и Соединенных Штатов на предоставление Гаагской Третейской Палате определить размер следующего каждой державе вознаграждения. Едва ли можно найти другой международный спор, более подходящий арбитражному разбирательству. Перед Гаагскою Третейскою Палатою все державы, потерпевшие убытки в Китае, могли бы доказывать законность своих претензий, и решение Палаты окончило бы этот труднейший спор. Китайское правительство, вероятно, охотно согласится на этот способ решения спора. Но согласятся ли Англия и Германия— неизвестно.

IV. Наконец, если Россия всеми силами будет защищать принцип территориальной неприкосновенности Китайской империи, если она

согласится оказывать всякую помощь для окончания счетов с европейскими государствами, то абсолютным условием успеха подобной политики является существование в Китае устойчивого и всеми признанного правительства. Если ныне царствующая манчжурская династия оказалась негодною, необходимо поставить другого китайского императора и, в случае надобности, поддерживать его. Только при существовании в Пекине твердого правительства цельность Китая может быть поддерживаема и претензии иностранных держав могут быть удовлетворяемы.

Но горе, если такого китайского правительства не окажется. Тогда водворится в Китае невообразимый хаос, от которого больше всего пострадает его сосед — Россия.

Нельзя достаточно энергически настаивать на существенном различии взглядов и интересов России в сравнении со взглядами и интересами западно-европейских государств. Для последних Китай есть колония, которую нужно эксплоатировать всеми средствами. Для России же Китай есть великое соседнее государство, которое имеет полное право на самостоятельную жизнь.

Россия не может согласиться смотреть на китайцев как на подданных африканского короля Макоко на берегах реки Конго. Нужно, чтоб европейские державы отказались от такого ошибочного взгляда на сплоченную Китайскую империю, народ которой составляет целую треть всего человеческого рода.

«Нужно,—писал я в 1880 году,—чтобы христианские державы отказались от мысли, что только одна грубая сила в состоянии убедить китайскую нацию в превосходстве европейской культуры, чтобы державы всегда памятовали, что в Китае существует сорокавековая цивилизация, имеющая право на уважение, по крайней мере — в Китае. Европейские народы не должны забывать, что они — непрошенные гости в Срединной империи, что они силою взломали запоры, за которыми китайцы думали сохранить святость своих традиций, власть своего правительства, чистоту своих обычаев и неприкосновенность своих национальных идеалов.

Надо же признать, что народ в 430 миллионов душ имеет неотъемлемое право жить у себя, как ему хочется».

Итак, пока европейские державы не изменят своего образа действия в отношении Китая, пока опиум будет законным средством для привития китайцам возвышенных идеалов европейской цивилизации, а пропаганда христианской религии — удобнейшим способом для подорвания основ китайского государства, и пока, наконец, неприкосновенность китайской территории и верховной власти не будет обязательным для европейских государств и Соединенных Штатов законом, до тех пор мира в Китае не будет, и новые бунты и войны с китайцами совершенно неизбежны.

Ф. Мартенс.

Август 1900 г.

Письма Г. Ф. Здановича.

Процесс 50-ти, полвека тому назад обрекший на каторгу, поселение и тюрьму 46 юношей и девушек, был завершением второй фазы движения в народ, которую можно было бы назвать «малым походом» в противовес «большому походу» 1874 года. Группа трузин и цюрихских студенток, бросив заграничные университеты, приехала в Россию на смену товарищам, потерпевшим поражение в 1874 г. Стихийности порыва своих предшественников они пытались противопоставить строго-регламентированную организацию. Наученные горьким опытом, они не «нырнули в народ» в одиночку, не пошли летучими пропагандистами в деревню, а направили свою деятельность по линии наименьшего сопротивления, сулившей в то время наибольший успех, — в среду фабричных рабочих.

К фабричным тяготели революционеры с самого начала 70-х годов. Многие пытались браться за этот рычаг, который, как им казалось, мог поднять крестьянскую массу. Еще чайковцы отдавали явное предпочтение фабричным рабочим перед заводскими. Их близость к земле, к крестьянским интересам заставляла предполагать, что они могут быть лучшими проводниками пропаганды в народ. Но чайковцы были их «учителями», они читали им лекции, преподавали разные предметы, просвещали их, не входя всецело в их среду. Лозунгом же новой смены было: «итти в народ в качестве рабочего».

Мы — мирные пропагандисты, — говорила потом на суде С. Бардина. Мы — революционеры, — вот смысл рассуждений на эту тему Г. Здановича. К чему же призывали эти пропагандисты-революционеры? Что мы знаем об их программе? Очень мало, почти ничего. Могут ли служить материалом для суждения о том, с чем шли они на работу в 1875 г., программные речи, произнесенные ими на суде в марте 1877 г.? Вряд ли мы ошибемся, предположив, что программные вопросы продумывались ими задним числом, в тиши одиночек, при подведении итогов, в «лаборатории» революционного движения, как называл Джабадари дом предварительного заключения. Но в конце 1874 г. — в начале 1875 г., когда они начинали работу, у них не было определенной программы. Они не примыкали ни к одному из господствовавших тогда течений. Не будучи вполне бакунистами, они отрицательно относились и к лавристам. Даже более, они вообще отрицательно относились к теоретизированию. Это было естественной реакцией после бесконечных споров в кружках молодежи Петербурга и эмиграции. Джабадари пишет об этом в своих воспоминаниях: «Споры петербургских представителей бакунистов и лавристов были чисто академические... Лучшая часть молодежи внимательно прислушивалась и к тем и к другим, но сама намечала свой путь. Она быстро разобралась в этих, иногда бесплодных, теоретических спорах и произнесла свой приговор над обеими партиями: лавристов она признала резонерами, не способными к активной работе, бакунистов

назвала вспышкопускателями, которые толкают молодежь на многочисленные вспышки, кончающиеся горьким разочарованием, а потом и бесплодной гибелью сотен молодых жизней... Теоретические споры надоели всем... Бросив бесплодные споры и узкие односторонние программы, молодежь ринулась в народ, ища там ответа на свои наболевшие вопросы [1])». Вся энергия этой молодежи была направлена на организационную, практическую сторону дела, интерес и внимание сосредоточены на том, к а к заводить связи, к а к добывать литературу и средства, к а к организовать сношения. Тема их рефератов: «итти ли в народ в качестве рабочего или нет», при чем и этот вопрос рассматривается не столько с этической точки зрения, сколько с точки зрения «пользы». Даже тема их позднейших, уже тюремных размышлений—и то чисто практическая [2]). Практицизм — чрезвычайно характерная черта всероссийской социально-революционной организации. В этом ее сила и ее слабость. При изучении ее деятельности поражает несоответствие между организационными и пропагандистскими рессурсами. Как далеки они даже от той незаконченной «программы революционной пропаганды», которую составил В. Дьяков, ведший приблизительно в то же время работу среди петербургских фабричных рабочих! Но организационно участники «малого похода» были значительно сильнее своих предшественников. Их устав — вот то реальное и положительное, что они внесли в революционную борьбу. Дальнейшая работа — «Земли и Воли», «Народной Воли» развивались, несомненно, не без влияния их организационных идей.

Если Джабадари сыграл видную роль в самом начале, при объединении заграничных кружков и собирании остатков революционных сил, разгромленных в 1874 г., то позже, с апреля по сентябрь 1875 г., в известной степени «ответственным организатором» был Г. Зданович [3]). Он ведал техникой, транспортом, сношениями. В его руках, как члена администрации, сходятся все организационные нити.

Отсюда — интерес печатаемых ниже писем.

Мы видим, как строилась, направлялась работа организации, как, даже за решеткой, продолжалась она в том же деловом духе, как при полном уже разгроме мысль была направлена на то, чтобы спасти деньги, людей, связи. Затронуты в этих письмах, правда, бегло, вскользь, и общие вопросы. Для выяснения теоретической позиции периода работы хотя бы отдельных лиц (взгляды Здановича не могут быть признаны взглядами всей организации в целом, так как программного единомыслия у них не было, поскольку не было единой программы), письма 1875 г., конечно,—более достоверный и ценный источник, нежели речи 1877 г.

Письма воспроизводятся с расшифрованных копий, хранящихся вместе с подлинниками в вещественных доказательствах при деле особого присутствия сената, № 17. Первое письмо печатается с подлинника. Как материал для обвинения, оно было оглашено на суде, остальные опубликовываются впервые.

Э. Корольчук.

---

[1]) «Былое», 1907 г., кн. VIII, стр. 14—15.

[2]) «Красный Архив», т. XV, А. Лукашевич: «Нечто из попыточной практики (к материалам об ошибочных и надлежащих формах, способах, приемах и пр.)».

[3]) К сожалению, приходится отметить, что впоследствии, лет через 15 после отбытия каторги (14 лет в Новобелгородской каторжной тюрьме и на Каре), не сломивших его убеждений, он от них все же отказался и ушел совсем из революционного лагеря. В 1904 г. он даже подавал прошение на высочайшее имя о восстановлении в правах дворянства.

1. Письмо Г. Ф. Здановича Иваново-Вознесенской группе 19 июля 1875 г.

Вы начинаете свое письмо словами: «прежде всего»; начнем и мы тем же манером. Прежде всего, мы должны поставить вам на вид, что вы имеете неимоверные претензии, будто не знаете здешних условий; 2-е, напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно: никакой чорт его не поймет. Мы его храним как документ. Мы не крючкотворы и на этом покончим полемику с вами, хотя, при желании, можно было бы найти многое, за что вас выругать следует. Но бог с вами, прощаем!

Новостей много есть — и хорошие и скверные. Начнем с «отцов». Приехали отцы Михайла [1]) и Бетьки [2]). Прежде первый, а затем и второй. Дело Михайла, как передавал отец, стоит очень хорошо: его, быть может, выпустят на поруки под залог. Посмотрим! Дело Бетьки неизвестно. Отец поехал хлопотать в Питер. Интересно, что не мы их отыскали и познакомили друг с другом, а сами снюхались и рассказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имеют точки соприкосновения — и соединились. Мы думаем, что скоро составится кружок «отцов». Отыскали Тетку [3]); она сидит в Городской части; написали письмо; она почему-то побледнела, разорвала его и бросила на пол. Не знаем объяснения этой странности. Письмо писано рукой Веры [4]). Дело Федора будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношения прекращены [5]). Михайло просит уговорить Ивана Вас[ильевича] [6]) отказаться от своего показания на него, что он познакомился с ним через Николая [7]) и знал, как Михаила Петрова. Жени [8]) нет, уехала домой. Я думаю скоро уехать по делу о пути. Путь пропал: перехватили гинцбурята [9]), т.-е. устроили таким образом, что и их книги должны провозиться чрез наш путь. Нужно уничтожить подкопы. Вот каковы эти гинцбурята проклятые, а мы большие дураки: доверяем им, а они проводят нас.

С юга вообще неутешительные вести. Ив. Ал. и Соня [10]) наотрез отказались остаться в Одессе и уехали в Киевскую губернию в деревню. С ним в Одессе имели наши разговор, и он вышел из нашей организации, разошелся с нами. Мотивирует это тем, что он прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь «организация». Сколько его ни убеждали, он остался непоколебим, как скала. Поступил в какую-то шайку, не признающую будто бы организации, но вместе с тем, с сильной централизацией; члены не должны знать друг друга, разделяются на разряды и т. д., как обыкновенно бывает. Из Одессы пишут, что насчет этой компании ходят неодобрительные слухи. Вообще мы мало что понимаем в этой комедии. Это писали наши, а он сам ничего об этом нам не писал, только мотивирует свой отъезд из Одессы тем, что ему там опасно оставаться, имея много знакомых. Ерунда, тысячу раз ерунда! Здесь что-то неладно. Узнаем, посмотрим.

Была Вера в Туле. Тульские ведут себя преступно. Огромное у них знакомство между рабочими — и еще ни одной революционной

книги не читали им, «по осторожности», мол. Хороша осторожность. Почва очень хорошая, сделать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо более энергичного, чем эти рыбообразные деятели, «осторожные пропагандисты», осколки Ив. Ал—ва. Мы думаем, что Ольге [11]) и Ванюше [12]) не мешало бы туда переселиться, так как им положительно нельзя в Одессе оставаться. Их ищут, на них сделан донос негодяем Зигером. Вахтель по тому же доносу сидит. Надя [13]) нашла уже работу, Василию тоже обещали. Если только почему-нибудь нельзя будет Ольге уехать в Тулу, то придется отнять человека от вас, так как это необходимо в виду, во-1-х, того, что там огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкивание, а во-2-х, этого Злобина [14]) может Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у нас из рук, а этого нельзя делать. Сапогов [15]) ни откуда нет. Никаких вестей ни от Саратовца, ни от Егора, а в Туле подавно: сменили писаря, есть новый, с которым Злобин обещался поговорить, но, аллах ведает, когда все это будет. Впрочем, Женя [16]) пишет, что «есть надежда», что Маня [17]) скоро получит. Надежд-то много, да толку мало. Феклюша вышла замуж за князя Мутрука [18]). Свадьба сыграна, отец доволен. Обещал деньги, но теперь не имеет на руках; и то хорошо. О Гамке [19]) знаете... Кабарда обвенчалась с Россиею. К вопросу о Кабарде. Приехал Мут(рук) сюда и рассказал много утешительного насчет Кабарды. Сильное возбуждение в местной молодежи, борьба партий (политиканов и социалистов), социалисты берут верх. Вообще страшная оживленность и жизнь. В Сванетии (местность на Кавказе, племя с особым языком, но большинство говорит по-грузински, живут в неприступной котловине, в горах) — бунт; вырезали гарнизон солдат, перебили начальников, засорили дороги. Все это произошло по поводу акциза; наложили акциз на водку. Они не признают такого беззакония, и вольные сванетинцы, сговорившись, взялись за свои всегда готовые оружия. Подробности еще неизвестны, но дело, должно быть, жаркое; послан Трубецкой усмирять бунт от наместника; в Кутаисе схвачены осетинцы, пригнавшие табун лошадей. Арест мотивируется тем, что будто бы они присланы от осетинцев к грузинам для «переговоров». Дай Бог! Поговаривают, что взбунтуется Абхазия. Черкесы, прогнанные в Турцию, настороже, готовые совершенно, только ждут случая. Кавказ, словом, на военной ноге. Туда наслали вдесятеро больше солдат, чем было до сих пор. Это — Кавказ. А вот поглядите и на Россию. 1) Посылаем корреспонденцию (другую) о Чигирине. 2) Был бунт рабочих в Серпухове, на фабрике Коншина. Бунтовало 4.000 чел. Требовали отмены работы под праздник, т.-е. ночь субботы. Отказались работать. Стачка продолжалась 14 дней. Их удовлетворили вполне. Приезжал туда губернатор Воейков и т. п. сволочи, обходились с народом очень вежливо, льстили рабочим до безобразия. Видно, струхнули. Подробную корреспонденцию получите скоро [20]). 3) Был бунт в Туле, на казенном заводе. Мастера потеряли или прокутили машины (сколько-то), стали спрашивать с рабо-

чих. Они отказались и стали бунтовать, когда на них наложили штраф в уплату растраченных машин. Подробностей не знаем. Злобин обещал корреспонденцию. 4) В Питере была стачка каменщиков против частного хозяина. 5) На-днях в Главном Штабе крикнули: «да здравствует революция». Сейчас обыск, но ничего не нашли. Хотели прогнать писаря, крикнувшего такую «дерзкую фразу», но почему-то помилосердствовали. 6) В Питере читали, недели три или четыре тому назад, на Конной площади приговор одному «адъютанту», который, как говорят одни, найден за печатным станком во Владимирской губернии, в с. Павлове, другие говорят, что на фабрике. Так этот «адъютант» говорил революционную речь: «Это ничего, ребята, что нас казнят, ссылают, не падайте духом, продолжайте свое дело. Долой царя, помещиков», etc., etc.

Телеграфировали и прислали барабанщиков, которые заглушили «проклятого революционера» [21]). Вот оно как! А прочтите вдобавок циркуляр Палена, который пересылаем вам, как трусит наше правительство революционеров и ничего поделать не может. Делает промахи, ряд непоследовательностей: для них гибель, нам на руку. Циркуляр послан для отпечатания за границу отдельною брошюрою, с должными комментариями. Он будет иметь успех громадный. Платье получите с Катею [22]), с нею же книги дозволенного содержания. Так как здесь не особенно много имеется денег, то пока посылаем 100 руб. Посылаем книги, посылаем револьверы с патронами. Убивайте, стреляйте, работайте, бунтуйте. Горькая наша доля! Карабкаться приходится Вере и мне: мы думаем сбежать. Началось дело Дьякова. Мы будем посылать номера газет, где будет отчет о деле. Первый номер отсылаем теперь же.

Кажется, не успеем выслать интересного циркуляра. Пошлем с Катею.

P. S. Не желаете ли получить по почте m-lle Гамку (хотя она и вышла замуж за Катю, но все-таки не теряет права называться m-lle'ю). Одесская община предложила принять в нашу организацию Санчо [23]), мотивируя тем, что, кроме его качества, как человека, еще и то, что он будет на Кавказе и нам необходимо иметь там своего человека. Московские члены организации согласны и поддерживают предложение одесских; вообще остановка только за вами, а то все согласны *).

2. Письмо Г. Ф. Здановича из тюрьмы без даты.

Братцы! Дерзкая и отчаянная мысль пришла мне в голову: не только доказать, что я не «рыжий», но даже выпутаться самому! Я хочу надуть, провести подлецов и, если ловко приготовить обстоятельства, то наша взяла и мы можем выиграть; если заключенные будут показывать согласно и если вы, друзья, ловко исполните выпадающую на вашу долю работу, то успех едва ли сомнителен. Только вам надо

*) Последние две фразы приписаны рукою Веры Спир. Любатович.

постараться, иначе все рухнет, все пропадет. Не знаю, враги ли, приятели ли внутренние, а все подсказывает: дерзай, выиграешь. И действительно, смелость города берет. Декабрист Рылеев говаривал: «Дерзайте! Это первое дело!» Я хочу «дерзать», хочу начать, выпутаюсь — хорошо, а нет — то и беда невелика, хуже не будет. Для моего плана требуется — как бы вам сказать — не мало, но и не много. Больше энергии, стойкости, чем труда. В чем же он, наконец, заключается, желаете вы знать? Извольте, я, пожалуй, изложу его пред вами, судите и рядите.

Прежде всего надо, разумеется, доказать, что я вовсе не «проклятый рыжий»; как это сделается, вы это отчасти знаете, прибавлю кое-что: 1. Надо передать записку через какого-нибудь жандарма психопату о «рыжем» (это вам известно). 2. Надо немедленно послать письмо в Одессу по следующему адресу: Его сиятельству, князю Микеладзе, Ямская ул., д. № 16. На внутреннем: передать «Рыжему». Письмо все-таки должно быть написано шифром, тем, что я вам уже писал из Одессы в Питер, начало: «скрывая» и конец: «развади». Письмо такого содержания: «Друг Рыжий! Письмо ваше получил третьего дня. Вы жалуетесь, что не имеете от меня известий, я жалуюсь на вас, что вы не отвечаете на мое письмо. Вы спрашиваете: получил ли я посланные вами мне вещи, вот что я вам скажу: «большой дурак» (извините за выражение, но я так зол). Ну, скажите же, пожалуйста, посылать такие вещи с подобным плутом, как присланный тобой? Насколько я мог узнать его в это короткое время, в которое я говорил с ним, я вывел заключение, что он халуй первой руки, доктринер, болтун, хвастун, чорт его совсем дери. Ты, может быть, знаешь, что этот господин влопался. Вот вам наказание! Наболтает он, должно быть, просто страсти! Не говорить же на ваше благородие приятные вещи! Вот как дело было: я его встретил на вокзале, как вы телеграфировали, и он хотел передать мне квитанции и программу, дурак. Даже стал отвязывать на вокзале револьвер, чтобы передать мне и уехать в Питер. Но чорт попутал меня уговорить его остаться, хотел кое о чем расспросить, но, конечно, оказалось, что ничего не знает. Он навязывался ко мне на квартиру под тем предлогом, что забыл дома свой вид. Напрасно я старался уговорить болвана, что на несколько дней не потребуют вида. Распинался так, что я принужден был одолжить ему недавно приобретенный прелестный вид (так просил он, чтобы пусто ему было!). Затем попросил оставить у него револьвер и некоторые из присланных вами бумаг и на другой день отправился вместе с ним на вокзал (дернул же меня чорт!). Его послал получить ящик, а сам условливался с ломовым, только вижу, он бежит (осел!), а за ним жандармы. Его, разумеется, схватили. Я тотчас же дал деркача, полагая, что он показал на меня и меня схватят. Вот, брат, история какая! Хотел воспользоваться его видом, его франтовитостью, — на вот, воспользовался! Или он по своей крайней непрактичности (в чем сам мне сознался) накуралесил на вокзале, или же следили за ящиком. Я скорее

предполагаю первое. Итак, тебе, любезный, следует принять меры для своей безопасности. Я уезжаю отсюда тоже, хотя он и хвастал предо мною, что никого решительно не выдам. Но на это плоха надежда, — не такие болтали. Но чего надо им? У нас дело идет порядочно, о чем я скоро напишу по случаю: едет к вам один мой знакомый, а теперь жму твою руку. Ваш Коренной.

P. S. Как жаль, что пропал револьвер, он был такой хороший. Свой взгляд о программе скоро сообщу. Кто ее составлял? Не анархисты ли? Нельзя ли прислать еще экземплярчик?»

Не забывайте, что это письмо должно быть послано немедленно. Смысл этого: 1) Доказательство, что «рыжий» цел. 2) Что квитанция передана мне этим злосчастным «рыжим». Письмо раз будет перехвачено, а прочесть не могут, пока не сообщу шифра, а сообщу тогда, когда все будет готово. 3) Далее Мавр [24]) покажет, что по фамилии «Рыжий» — Николай Семенович Доброхотов, сибиряк, наружность, приметы и свойства Рыжего: 28 л., лицо старое не по летам, брюнет, маленький, жиденький, с черною бородкой, сильно близорукий, так что постоянно в очках, говорит скороговоркой, картавит, никак не может произнести букву ж, почему и назвали «Рыжим», имеет очень много знакомых, вообще у него способность легко знакомиться с людьми. Обыкновенно постоянного местожительства не имеет: больше всего частию в разъездах, частию бывает за границею, телосложения слабого, мал ростом, тщедушен, на лице большое родимое пятно, потому иногда зовут его «Бородавкой». Все это, конечно, мало похоже на меня. Далее Мавр покажет, что познакомился с «Рыжим» за границей, был им выписан из-за границы (но зачем?). Раз идут в Москве по улице Мавр с Рыжим, встретили старого знакомого Мавра Гамку [19]), который его познакомил с Рыжим. Гамка объявил, что занят, так как скоро у него свадьба, и приглашал нас обоих. Рыжий вызвался отыскать. Пока я был на свадьбе (при этом меня могут показать попу, который, разумеется, меня не признает, стало быть, я не Рыжий). Спросят, вероятно, и Катю [22]), как жену Гамки, был ли на свадьбе Рыжий, она для разнообразия может сказать, что никакого Рыжего она не знает, а Доброхотова видела на свадьбе (сообщит некоторые признаки Рыжего, если спросят). Вообще надо повести дело: не надо показывать вида, что особенно откровенничает насчет Рыжего, и 2-ое, чтобы показания не были абсолютно одинаковы, а то это покажется подозрительным. Затем Рыжий заходил в «Украйну» [25]), там тоже меня не признают. Микеладзе может показать, что с Доброхотовым (он же Рыжий) он познакомился в Одессе, адреса своего не давал, а не говорил до сих пор о знакомстве с Рыжим потому, что не помнил, кто такой Рыжий, т. к. Доброхотов как-то вскользь сказал: имейте в виду, что меня иногда зовут Рыжим (сообщите признаки, если спросят). Таким образом, я думаю, что будет возможно доказать, что я не Рыжий. Затем начинается второй акт комедии, касающийся лично до меня. Как-то свою роль сыграет несчастный Рыжий? Начинаю излагать свою эпопею.

В первых числах января я поехал к своим родным на родину, во-1-х, потому, что долго не видался с нежно любимой мною матерью, а, во-2-х, у меня стала болеть грудь от влияния петербургского воздуха. Подтвердить это могут: студент университета Андрей Эристов и бывший студент Технологического Института Леван Абдушели (оба из моей гимназии); разумеется, с ними нужно сговориться предварительно или же других кого-нибудь найти из кавказцев через этого Эристова (это вещь нетрудная); ехал я сухим путем, так, чтобы в Тифлис (я из Кутаиса) проездом, и видал там товарища по Технологическому Институту Михаила Кипиани [26]) (условиться с ним, он согласится, порядочный человек). Ему я говорил, что думаю остаться дома до августа, а потом ехать обратно в Питер, держать экзамен в Медико-Хирургическую академию. В Кутаисе видался с Виссарионом Гоголеридзе, с гимназистом... *) (Александровым) и с моими братьями и всем им говорил то же самое, что и Кипиани (если кто-нибудь из них не согласится быть свидетелем, то всегда найдутся люди, только вести дело нужно осторожнее, так как Кутаис, как и все провинциальные города, отличается крайней болтливостью); пробыл несколько дней в Кутаисе (у кого? условиться!), я уехал в деревню, к себе, к родным (главное дело, уломать родных, чтобы они показали, что я жил у них все время, им надо втолковать или, вернее, их надо напугать, что от их показаний зависит погубить или спасти своего сына, расписать в ужасных красках последствия их отказа и до тех пор не открывать им, где я сижу, пока они не согласятся извинить меня в том, что я не подавал вести о себе, но причину я объясню при свидании с ними). Надо им объяснить, чтобы они сами не заявили обо мне, пока их не потребуют для показаний. Имейте в виду, что в Кутаисе, кроме жандармского управления, у них есть много знакомых, даже есть какой-то дальний родственник. Дело на Кавказе или Кутаисе лучше всех уладить может Кикодзе, в деревне я занимался французским языком, а на каникулах учил братьев и сам готовился к экзамену в академию, и, вообще, пусть сложат какую-нибудь басню и напишут — в начале августа я хотел уехать уже в Питер, но заболел лихорадкой и принужден был остаться до сентября (число напишите, рассчитав на дорогу. Я пойман 19 сент., приехал сюда 18 (20). Приехав в Одессу (когда? справиться в путеводителе), я захотел осмотреть город и с этою целью поехал в гостиницу. (Было бы прелестно, если бы кто-нибудь ехал со мною вместе, и мы приехали в Одессу вместе, хотели взять номер один для обоих. Нельзя ли подыскать кого-нибудь? Это просто восхитительно.) Только на улице встретили мы (если нас будет двое) моего старого знакомого Доброхотова, он остановил нашего извощика, и стал разговаривать, откуда и куда etc., узнав, что в Питер, сильно обрадовался и пригласил нас к себе, сказав, что не стоит тратиться на гостиницу. Мы согласились и пошли к нему, кажется, на Полицей-

*) Далее в копии пропуск.

ской, хорошо не помню, а товарищу по дороге... *), где-то около части, но где? не помню. Рыжий спросил меня, мог ли бы я остановиться денька на два в Москве, если это понадобится, и, получив утвердительный ответ, предложил мне завезти к его знакомому некоторые вещи; он мне передал квитанцию и маленькие записочки, завернутые в заклеенную бумагу и револьвер. На мой вопрос, как я найду его знакомого? — он сказал: я сейчас ему телеграфирую, чтобы он вас встретил на вокзале. Выходя на вокзал, перевяжите руку платком — это будет условным знаком, по которому он вас узнает. Я согласился, и мы (я и мой товарищ, который должен показать, тоже знать наружность Рыжего) приехали утром, 18 сент. Приехал в Москву, действительно, на вокзале меня встретил этот господин. (На вопрос, кто он и как его рапортовать? Полагаю, что удобнее всего назвать самую запятнанную фамилию, вроде Клеменса. Если бы нашлась какая-нибудь квартирная хозяйка, которая согласилась бы показать, что около этого времени, 10—12 сентября, у нее поселился тот господин, на которого я похожу, то это было бы как нельзя лучше. Это, братцы, всецело зависит от ваших стараний. Хозяйка не должна сбиваться, а то беда. Она должна показать, что 10—18 сентября у нее поселился «этот господин», и 19 сентября, к ее удивлению, съехал, уплатив деньги. Он не прописывался. Вообще насчет московского у меня загвоздка, придумайте, братья, как быть. Если все это удастся, то я укажу квартиру, где «этот господин» жил. Я отвечу: я должен был передать вещи, а показание хозяйки подтвердит мое. Постарайтесь как-нибудь. Я хотел «этому» передать все ему следуемое и ехать с моим товарищем дальше, но он попросил меня остаться, так мой товарищ и уехал один в Питер. Я хотел ехать на квартиру к нему, но он сказал, что он недавно там живет и не знает еще хозяйки, полагая, что она... **). Я был в неловком положении: номер я не мог нанять, не имея вида (я все бумаги позабыл дома, у родителей, они должны заявить, что не посылали их мне потому, во-1-х, что сами не знали об этом, а, во-2-х, не имели от меня известий). Я об этом заявил «этому», на что он ответил, что пустяки, я вам одолжу прекрасный вид (Вернера). Я нанял номер. «Этот» попросил сходить меня на вокзал, на что я согласился. На другой день мы отправились на вокзал, — меня послал получать товар, а сам пошел нанимать ломового. Меня схватили, а он удрал. Вот, господа, мое чистосердечное признание.

Вообще в Питере кто-нибудь заявит, что я писал что-нибудь в Питер. Познакомился с Рыжим еще в 1872 году на Московской выставке, встречался по временам в Питере, а потом долго уже не видал, до встречи в Одессе. Он мне обещал написать письмо в Питер «до востребования», так что письмо из Одессы должно быть на мое имя (Здановича, Георгия), ему, вместо «Модестова», как я писал прежде вам. Передал мне шифр: «Скрывая» и взял слово написать ему «конец».

*) Не разобрано в тексте.

**) В тексте неясно написанное слово, которое можно прочесть: дрянь.

Как вам, братцы, это кажется? Быть может, мне, как заинтересованному лицу и заключенному, все это кажется в розовом свете. Это очень вероятно. Посмотрите лучше трезвыми глазами и напишите свое мнение. И если вы найдете, что это невыполнимо, я буду упорно продолжать свое молчание: не произнесу ни единого слова. Замечу кстати: прокурор все ко мне пристает, чтобы я им, подлецам, назвал свою фамилию и открыл свою душу. Я все им обещал, не скрою, любезные, дождутся. Я жду вашего ответа с (естественным в этом случае) нетерпением. Что, братья, если я, великий грешник, их проведу и меня надо будет освободить? Вот наклеим им нос-то! Какой еще большой. Успех дела, друзья, зависит исключительно от вас. Требуется: осмотрительность, энергия и наивозможнейшая быстрота действий. Быстрота — это главное условие успеха и вот на каких основаниях:

1) чтобы мое молчание не продолжалось особенно долго,

2) чтобы не узнали мою фамилию (что легко — мерзавцы) и не навели справку у моих родных, тогда все пропало и

3) чтобы скоро не прекратилась возможность переписываться — тогда даже если все будет готово, то напрасно, я не буду знать, стало быть, показывать не буду. Словом, чем скорее, тем лучше. Удобнее всего отрядить на Кавказ Кикодзе. Потребуйте его, если он цел, или же Ардасенова [27]), только чтобы он устроил свой отъезд, или пошлите кого-нибудь на ... *). Требуемые на все это деньги, если у вас нет, потребуйте немедленно от «Мирной Веры» [28]). Надо будет съездить в Питер (там же можно отыскать товарища) мне по дороге. Если только мой план может иметь в ваших глазах успех, то я надеюсь, вы приложите все усилия к его осуществлению.

P. S. Не приехал ли кто? Нет ли Ардасенова? Нет ли вестей от «Мирной», из Киева, Тулы, Одессы? Жду!!

3. Письмо Г. Ф. Здановича (из тюрьмы без даты). В город **).

Вы жалуетесь на отсутствие квартир и на неудобства трактирных свиданий. Я вполне разделяю ваше мнение. Трактир неудобен не только тем, что там бывает всякий народ (и сыщиков не редкость встретить), но там решительно невозможно говорить, в особенности, если желательно, чтобы народу между собой побольше, да, наконец, просто даже книжки неудобно передавать. Теперь вопрос, как устранить невыгодное неудобство? Вы находите практичным открыть в разных частях города где трактир, где мастерскую, где лавочку и т. д. Соглашаясь с вами в принципе, выскажу, однакоже, несколько замечаний насчет практической стороны вашего плана. Чтобы открыть трактир, надо ведь взять патент — внести, кажется, даже залог — есть ли у вас такое лицо, которое могло бы без подозрений со стороны полиции предъявить свои права на открытие трактира? Будет ли это

*) Не разобрано.

**) Следует два шифрованных слова.

подставное лицо или же свой человек? Обыкновенно, трактиры открывают люди более или менее достаточные, больше из купцов и редко из интеллигенции или дворянства. Конечно, можно было бы взять трактир на имя какого-нибудь купца, а распоряжаться трактиром, но, во-1, надо иметь такого купца, а во-2, нужно ловко вести дело, чтобы не сделалось известным его назначение. Если откроется на имя какого-нибудь «подозрительного», неизвестного никому выскочки, — то ведь, знаете, насколько любопытны другие сотоварищи-трактирщики (они наперечет знают все трактиры). А окружающие ваш трактир лавочники? ведь без сомнения, крайне будут интересоваться всем: кто хозяин? откуда он? на какие средства открыл заведение? чем занимался и чем занимается? etc., etc. Они обыкновенно знают всю подноготную своих сотоварищей-торговцев и по привычке, по заведенному обычаю, они будут добиваться узнать и вашу биографию. В трактире, конечно, должно иметь половых. Кто они будут? свои или наемные? Если наемные — насколько это удобно? Как они отнесутся ко всяким там вашим сходкам и рассуждениям? Насколько они будут болтливы и распространят слух о «необыкновенном» трактире и делах, там совершаемых? Не в диковинку ли им будет все это? Наконец, каких размеров будет трактир? Ставлю этот вопрос потому, что ничто под луной не вечно *), и он может провалиться — один неосторожный шаг для нового трактира и неизвестного хозяина, и заведение пропало, если притом же не пропадет масса людей: печальный конец для нового дела! Бесспорно, если будут устранены эти и им подобные препятствия, то трактир представляет собой массу незаменимых удобств, т.-е. если трактир дает много полезных выгод, то за то же, без сомнения, он требует весьма осторожного и расчетливого ведения дел, надо много ловкости и умения, много лавирования и хитрости, чтобы продержаться на первых порах, а когда он получит права гражданства, когда к нему привыкнут и власти, и соседи, и посетители, когда он, словом, сделается «стариком» — о, тогда он застрахован от всяких полицейских нашествий! В России «беззубость» есть гарантия безопасности. Правительство наше любит стрелять в «молодую» дичь: нельзя отнять у него хорошего вкуса.

Другое дело — мастерские; они не возбуждают ничьего подозрения, стоят дешевле, надо меньше гораздо хлопот, и удобнее еще в том отношении, что постороннего народа не бывает. При том же можно работников иметь из своих и с большой пользой для дела. Мастерские важны не только для сходок, но они представляют еще незаменимые выгоды в другом отношении, — постараюсь объяснить свою мысль яснее — поэтому мне придется быть не кратким. Я пришел к тому заключению, что нашему брату интеллигентному — быть праздношатающимся, «не работающим рабочим» положительно невыгодно, даже вредно для дела. Непосвященным, свежим рабочим пря-

*) В тексте: не видно.

мо бросается в глаза, что люди не работают, а рабочими величаются, говорят о бедности рабочего люда, а сами деньги имеют, не работая, — достаточно этих сомнений, чтобы они (рабочие) стали относиться к пропагандисту не искренно, по-братски, а как к «непонятному для них барчуку», хуже этого быть ничего не может! Пошло недоверие и доносы и всякая гадость: бывали, к величайшему прискорбию, и такие случаи, когда рабочие смотрели на знакомство с подобными пропагандистами как на выгодный источник в денежном отношении! Что может быть хуже и мерзее подобного отношения? Не говорю уже о нравственной раздвоенности в пропагандисте, красноречиво болтающем о «тяжелом, невыносимом труде рабочего люда», когда он сам ни единым пальцем не пробовал этого тяжелого труда! Не знаю, как другим, но мне всегда в сношениях с рабочими было очень уж... *) разглагольствовать о притеснениях, когда сам вовсе не притеснен, о непроизводительности труда для рабочих, когда сам не пробовал даже работать! Но оставим то нравственное чувство в стороне! Будем рассуждать со стороны пользы. Действительно, работая, напр., на фабрике — мало уже остается времени для пропаганды — и в этом главное неудобство работы, но, с другой стороны, принимая во внимание отношение рабочих к праздношатающимся, — я считаю положительною необходимостью как в отношении дела, так ради нравственной чистоты пропаганды (с каким поддельным жаром должен говорить о бремени труда человек, вовсе им необремененный! И какое право имеет он, человек непритесненный, говорить именем притеснения и бесправия!), чтобы пропагандисты работали — и если не так безобразно много, как рабочие, то нормальное количество времени; при этом остается время и для пропаганды, и он, пропагандист, смелее уже может заявить не только свои убеждения, но и свою принадлежность к трудящемуся классу. — Но как создать подобные условия? По моему, единственная возможность — это иметь свои мастерские, которые выгодны еще вот в каком отношении. В этих мастерских с громадной пользой для революционного дела мо[жет] **) освоиваться с условиями труда, с условиями пропаганды — молодеж[ь] интеллигентная, желающая быть революционерами. Она будет приглядываться к рабочим, к их манерам, к их образу жизни, она будет усваивать себе их говор, их привычки (хорошие, конечно) — словом, она приучится обращаться с рабочими, приучится пропагандировать без книжной примеси, приучится, наконец, трудиться, а это весьма много и так необходимо для наших революционеров, не умеющих заговорить с простым человеком. Я не думаю, как некоторые у ч е н ы е л ю д и [29]), что достаточно прочесть несколько толстых книг — в том числе, разумеется, их жалкие царапания! По их просвещенному (светом толстых многотомных сочинений) взгляду, вишь, выходит, что молодежи л е н ь читать да поучаться,

*) Повидимому, пропущено слово.
**) В копии пропуск.

а я им скажу, что им лень работать и с нечесанным народом возиться, им с к у ч н о проводить время с сиволапыми мужиками (известно, неучи!)! По моему же непросвещенному взгляду, недостаточно прочесть «Капитал», да «Логику» Милля, да еще в придачу несколько толстых книг, чтобы стать порядочным революционером и умелым пропагандистом! Нельзя стать революционером в д р у г, нельзя вычитать из книг умения пропагандировать, — покоптеть в кабинете над книгами — еще не значит быть революционером! Да знаете ли что, я даже думаю (даже уверен), что у нас в России весьма и весьма мало революционеров; у нас есть и могут быть теоретики-социалисты, но революционеров пока, повторяю, мало! Революционеров дают жизнь, практика, общественные треволнения, а разве наша молодежь ж и в е т? Нет, она читает и мыслит, а в жизнь редко бросается, а подобным образом революционер получиться никогда не может! Хотя Декарт и сказал: «Cogito, ergo sum», но я говорю не о такой жизни.

Итак, говоря без всяких рассуждений, я полагаю, что революционером можно [сделаться(?)] единственно путем жизни и постепенно, поэтому мастерские принесут громадную пользу в этом отношении; к тому же их легче открыть и держать даже в нескольких экземплярах. Добавьте ко всему этому еще их дешевизну. Я хотел воспользоваться этим случаем (вашим вопросом) и высказать мой взгляд на некоторые общие вопросы. Я только что узнал, что на-днях троих из нашей пугачевки увезут куда-то, — я имею основания предполагать, что один из них буду я, — поэтому спешу кончить общие разсуждения. Итак, я вполне согласен с вашею мыслью завести в разных частях города мастерские и вообще места для сборищ; я с своей стороны предложил бы завести также порядочную интеллигентную квартиру, и с этой целью было бы недурно устроить такую штучку: снять квартиру под магазин или маленькую лавку и открыть табачный или галантерейный магазин; как мастерскую придется открыть на имя мужчин, то лавку с удобством можно открыть на имя бабы, только, конечно, с совершенно незапятнанной репутацией, недорого будет стоить, а удобств не мало — да им сказать: продажею можно оплачиваться.

Прескверная штука, если меня увезут, все наши конспирации и подвохи как будто в воду канули! Говорил ли я: скорее, скорее, а то не успеем! И, кажись, действительно, не успеем сговориться, потому что я не имею известия ни из Питера (на счет свидетелей и попутчика — я не знаю даже их фамилии), ни из Кавказа (о свидетелях) и родных. Если не получу на днях этих нужных сведений, т.-е. до тех пор, пока увезут, то прощай свобода, прощай воля-волюшка! Полагаю, что этим и кончится, потому что не имею основания предполагать противное! Жаль, но что же делать! Тем не менее надежды терять не следует. Поэтому предлагаю немедля телеграфировать Ардасенову, чтобы с е й ч а с же отвечал — д а или н е т, согласны родные, свидетели или нет, подробности можно потом. Господа, спешите, а то не стыдно ли будет, если наш план пропадет вследствие медленности? Я как будто

поласкал, полакомился им и в самый момент, когда все должно итти в осуществление, он выплывает из моих рук! Мое положение похоже на расплакавшегося ребенка, которого обманывают лаской, чтобы унять его плач. Мне тоже суждено, кажись, только обманывать себя его осуществимостью. Посмотрим однако, посмотрим!

Прошу немедленно сообщить: 1) пересланы ли мои документы к моему родителю и нет ли вестей с Кавказа; 2) если да, то какие, если нет, то, повторяю, телеграфируйте Ардасенову и потребуйте ответа телеграммой же; 3) кто свидетели в Питере, кто мой попутчик; 4) нет ли ответа от Медведихи [30]) и если не поспеет для меня, то передайте его Мавру, хотя он и не знает по-грузински, но может прочесть Гамка, а для Мавра ответ Медведевой важен.

Имейте в виду, что меня могут увезти в Питер — Одессу — Киев — Кишинев или же, наконец, на Кавказ — сообщите на всякий случай какой-нибудь адрес для писем и квартиры, быть может, где с дороги удастся бежать: не стану ждать плана.

4. Письмо Г. Ф. Здановича 28 ноября 1875 г.

В письме от пятницы вы пишете, что по тону моего письма будто отгадали, что я впал в мизантропию — как горько вы ошиблись и как неловко вы угадали! Если бы вы взялись быть ворожеею, вы не только умерли бы с голода — но вас довольно таки часто угощали бы пинками да колотушками! Как же? Если бы вы стали так же неудачно предсказывать, как мне,—вам помяли бы наверно бока! Но не думайте, чтобы я тоже воспользовался подобной расправой — нет! боже избавь меня от такого варварства и невежества! Я выкажу более приличные стороны моей гуманной натуры и объясню, в чем тут было дело. Нужно вам знать, что жизнь наша острожная крайне разнообразна и многосложна, условия нашего существования так хитро и разнохарактерно переплетаются меж собой, что поводов, причин для расстройства необыкновенно много — было бы излишне приводить примеры. Говоря без шуток и откровенно, я должен вам доложить следующее: во 1-х, в мизантропию я не впадал, всевышний избавил меня от этого греха и милосердно даровал мне спокойствие душевное: слава всевышнему создателю неба и земли! Во 2-х, неверно угадали причины моего маленького и временного (скоропреходящего) расстройства. Вы каетесь в своей ошибке, что вы написали т а к и е вещи (какие это?) и добавляете: «я виновата, что написала т а к и е вещи», — а я вам скажу, что вы виноваты не тем, ч т о пишете, а тем, что ничего н е п и ш е т е — вот где вина, а не в том, что вы написали такие вещи — нужно вам знать, что я не обладаю слабыми нервами и могу перенести самые ужасные вещи без особенного расстройства, — впечатлительность и слабонервность две вещи разные, — и поэтому я вам заявляю раз навсегда: пишите самые ужасные, самые горькие и неприятные вещи без малейшей боязни за мои нервы, только ради бога п и ш и т е!

Я был не расстроен, а вернее, взволнован — сердито взволнован, рассержен резонерством Мавра и писал ему в тот же самый день ругательное письмо — затем вот еще какой странный казус со мной приключился в тот же день: днем я писал несколько (опять таки весьма ругательных, такой *) этот день как бы пришел для моего бездонного ругательства) писем; было довольно холодно, я лег, и укрылся пальто, унтер (редкий мерзавец — продувная шельма) заносит лампу, я ему говорю, что ужасно холодно — он скорчил гримасу и трагически: «да — холодно! Вы тут занимаетеся, я вижу!» — я вскочил, как ужаленный: «что? что?» — он: «ничего-с» и вышел — это-то и навело также на размышления грустного неприятного оттенка: «неужели негодяй заметил, что я позволяю себе заниматься, грешным делом, пописыванием? не донесет ли он? да не будет [ли] у меня обыска? — да полно: заметил ли он еще что-нибудь? может, он на счет чего другого сказал? а? нет, надо его спросить, что он хотел сказать! На этом останавливались мои мысли, но после долгого раздумья я пришел к тому неминуемому заключению, что спрашивать отнюдь не следует и надо себя держать при нем гордо, непринужденно — расчет оказался верен: — он теперь изволит со мной шутить, — но, конечно, ужасно плоско! — но чорт с ним, отпустим его! надоел шельма! Имейте при всем этом в виду еще то, что за мною ужасно как следят, т.-е. приходится писать не без опаски. Унтер, проходя около часового и указывая на мою дверь, грозно ему замечает: «Смотри! хорошенько смотри!» и несчастный смотрит, но ничего не высмотрит. А знаете ли, когда я пишу письма и как я к этому же пригнал мой образ жизни? Ложусь большею частью в 5—6 часов вечера и просыпаюсь в 2 ч. и принимаюсь работать, т.-е. пописывать — кругом все спит, тихо, малейший шум — шорох — часовой слышит (но больше и они дрыхнут!) напр., я осторожно, бережно переворачиваю бумагу — часовой услышал, подходит к дверям — смотрит — я лежу — дотронется до окна, я молчу — стукнет шашкой об дверь — ни единым членом не шелохнусь, смотрит, смотрит, да и отойдет: «спит!» — как бы не так, я пишу, пописываю! — Другому лень встать да подойти — так он повертится на стуле или каской об стену ударит, или ногами стучать начнет— это все для того, чтобы показать, что он не спит — «Смотри, мол, не шуми!» — А некоторые так спят себе сном праведным — беззаботным: ничего не видят и ничего не слышат! Признаться, я, грешный человек, последних больше всех уважаю: уж такова моя испорченная натура!

Но давно пора кончить это длинное, ни к чему не ведущее введение, да от нечего делать просто пишется! Да не вменится мне это в обвинение в словоохотливости. Вы мне писали, чтобы я докончил бы шифр для телеграмм — мне это положительно неудобно, да и нет возможности при условиях нашего существования. Я лучше вот что сделаю:

*) В тексте: такому.

я напишу, как дополнить и составить его, а также способ его, а вы, вольные казаки, потрудитесь над ним поработать: оно проще и практичнее — в имеющихся у вас черновых сделано больше половины работы — остается расклассифицировать слова и добавить некоторые. Дело вот в чем: берется известное количество групп — положим 18—20, в каждой группе такое же количество слов, 18—20, что составит около 460 слов — количество порядочное. Слова, конечно, берутся самые употребительные и необходимые, сюда же включаются названия городов, имена собственные и фамилии (или псевдонимы); когда, таким образом, имеются слова, то берется равное числу групп количество букв более употребительных, как начальные, и вся механика заключается в следующем: напр. я хочу телеграфировать, что «книги получены»; я ищу в группах слов (для удобства расположенных по алфавиту) каждое из данных слов — положим, что первое слово выразится так: 5—7, т.-е. 5 — группа, 7 — слово; я беру 5—букву и 7, ну хоть — 53 и 63. Я уже составляю телеграмму и стараюсь подыскать слова, начинающиеся буквами 53 и 63 — напр. «дождь идет» и т. д. и для остальных слов — дело легкое и удобное.

Вы пишете мне об анархистах и их предложении — какие это анархисты и кто переговаривался с вами от их имени? Нужно вам сказать, что о русских анархистах я слышал не особенно завидные отзывы, и что в самом деле у всех теперь разыгралась такая связоохотливость, связомания? Мне представляется, что весь воздух заряжен какими-то «нами», предлагающими свою готовность связаться.

Порешили ли, т.-е. покончили ли дело с деньгами? Смотрите, чтобы они не пропали, а если вас, не дай бог, сцапают, ведь пропал капитал для дела. Устройте так, чтобы он не пропадал: это ваша нравственная обязанность. Я хотел послать вам это письмо в среду, 26 ноября, но я был извещен о вашем отъезде. Сегодня же, 28-го, я был извещен, что троих из нашей пугачевки увезут на днях — я полагаю, что меня в том числе и вот на каком основании: вчера смотритель меня спросил: «скоро вас отсюда возьмут?» — поэтому я спешу докончить это письмо и послать Р. К.; быть может, не придется больше не только свидеться, но и списаться. Мне жаль, что наш план, вся наша хитрость и конспирация кончаются такою плачевной кончиной: умирает без всякого практического существования, разлетается в прах, как шаловливая мечта, предназначенная только побаловать меня и моих друзей! Если меня куда-нибудь увезут, то уже трудно будет сообщить мне результат переговоров с родителями и свидетелями, хотя в вагоне можно передать записку, поэтому прощаюсь с вами и свободой, если еще не удастся бежать откуда-либо. Имейте в виду, что если меня перевезут в Питер и если мне непременно придется назвать свою фамилию, то я потребую свидания с каким-нибудь кавказцем, он же может носить мне книги — так можно переписываться по ней Г. О. 5: под-

черкивать слегка некоторые буквы (стараться надо как можно реже, чтобы не было заметно) — на странице 2—3 буквы, — можно также во время лобызания (я непременно буду целоваться) передавать в виде шариков в рот. Что вы скажете, ведь было бы недурно, если бы удалось удрать где с дороги: посмотрим.

Да, вот какая история! Мерзавцы знают, что существует компания людей — «гинсбурят»; весьма нетрудно предположить — что доберутся до г. Лейба [31]) — поэтому я предлагаю всем, чтобы они след. манером объяснили: «гинсбуряты», «гин» называется компания людей в насмешку, которые проповедуют, что без денег, мол, ничего не сделаешь и поэтому надо прежде всего доставить капитал etc. — Названы «гин» в честь банкира, известного Гинцбурга. Этим путем можно будет отвлечь грозу над головой иерусалимского дворянина.

Мой план спасал не только меня, но и Мавра. Если мне не удастся выпутаться, то пусть воспользуется, по крайней мере, он — если еще хуже: докажет несомненно, что я «рыж», то пусть он и тогда продолжает показывать условленное: я приму все на себя, а на счет личности Рыжего, что это не я, пусть скажет, что я еще на воле так с ним условился; познакомился он со мной на Кавказе — хоть кого-нибудь да надо спасти хитростью. Я сделал отчаянную штуку, подобную прогуливанию акробата по канату, перекинутому через водопад: я все открыл стерве Медведевой и написал ей, как она должна показывать; если провалюсь, беда невеликая, но мне думается, что нет, — потому, что если бы она хотела бы быть окончательной шлюхой, то ведь она могла указать бумаги, назвать мою фамилию (верно, спрашивали), однако, живы будем — все увидим!

Быть может, милый друг, я пишу это письмо в последний раз, как знать! Как бы там ни было, но я буду эксплоатировать каждый данный случай, т.-е. где найду возможным, везде буду пробовать улизнуть из рук негодяев! Ждать, надеяться на план ужасно томительно и не придется, кажись, более баловать себя этой иллюзией! Так лучше всегда без иллюзий! Быть может, я ухитрюсь написать с дороги письмо, так подпись будет «Тупицына». Высылайте Давиду (за границу) деньги аккуратно: вы знаете насколько необходимый человек. Если мне не удастся осуществить план и если откроют фамилию, то я покажу, что жил в Питере до июля, а потом уехал в Одессу пользоваться морем — квартиры в Питере не имел, шлялся по товарищам. Да, я позабыл сказать, что переписка по книге с 25-й страницы. — Если... где-нибудь (напр., в вагоне) можно будет передать о согласии родных и свидетелей, то записку можно написать кратко: место, время и фамилию — я пойму, напр., так: Пит. — Андрей — 5 июня etc..

Прощайте, дорогой друг, последняя быть может просьба: не попадайтесь, не попадайтесь! крепко-на-крепко жму вашу дружескую руку. До гроба ваш — нуль.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Джабадари, Иван Спиридонович, вел пропаганду среди рабочих под именем Михаила Петрова и был под этим именем арестован 4 апреля 1875 года.

2. Каминская, Бетя Абрамовна, б. цюрихская студентка. С начала 1875 г. работала ткачихой на фабриках под именем Маши. Была также арестована 4 апреля 1875 года. Не судилась по процессу 50-ти, так как заболела психически.

3. «Теткой» еще в Цюрихе называли Бардину, Софью Илларионовну. Стояла во главе кружка «фричей» (цюрихских студенток).

4. Любатович, Вера Спиридоновна. Входила в это время вместе с Здановичем в «администрацию», т.-е. в организационный центр, ведший сношения с провинциальными группами, с арестованными и пр.

5. Чекоидзе, Михаил, вел пропаганду в Москве под именем Федора. Был арестован 4 апреля 1875 г. и до конца дознания отказывался назвать свое имя и дать показания. Речь идет о готовившемся побеге его.

6. Баринов, Иван Васильевич, рабочий, давал показания, уличавшие Джабадари в распространении нелегальных книг. Впоследствии от них отказался.

7. Васильев, Николай, рабочий, игравший видную роль в работе московской группы.

8. Субботина, Евгения Дмитриевна, из центральной группы организации и процесса.

9. Так называли лавристов по имени одного из наиболее известных последователей Лаврова — Льва Савельевича Гинцбурга. Речь идет о транспорте литературы, которым ведал Зданович. Для устройства контрабандного пути он ездил на границу, возле Кишинева.

10. «Ив. Ал.» и «Соня» — лица, нераскрытые дознанием.

11. Любатович, Ольга Спиридоновна, переехала вскоре в Тулу и устроила под именем Махоткиной рабочую квартиру. Была там арестована.

12. Окладский, Иван, известный впоследствии провокатор. Переехал в Тулу вместе с О. Любатович, под именем Петра, ее брата. При аресте ему удалось бежать.

13. Субботина, Надежда Дмитриевна. Работала в это время в Одессе.

14. Злобин, Иван Андреевич, вел пропаганду в Туле, работал там на заводе.

15. Подложных паспортов.

16. Субботина, Евгения Дмитриевна.

17. Субботина, Мария Дмитриевна, не принимала, вследствие болезни, активного участия в работе организации.

18. Хоржевская, Александра Сергеевна, вышла фиктивно замуж за кн. Александра Цицианова, чтобы получить для нужд организации деньги, предназначавшиеся ей в приданое. Цицианов был в то время на Кавказе, а в Одессе 13 июля 1875 г. по бумагам Цицианова обвенчался с ней Кикодзе.

19. Гамкрелидзе, Антимоз Евдов, один из активных членов организации, был арестован 9 августа при попытке завязать сношения с арестованными в Иваново-Вознесенске членами организации. Дальше речь идет о фиктивном браке Гамкрелидзе и Тумановой, Екатерины Петровны.

20. Речь идет, повидимому, о корреспонденции, напечатанной впоследствии в декабрьском № газ. «Вперед» (№ 22). Сведения, сообщенные Здановичем, не совсем соответствуют документальным данным. По делу об этой стачке (III отделение с. е. и. в. канцелярии, 3 эксп. 1875 г., № 509 ч. I) бастовало всего 2.500 рабочих, с 24 июня по 4 июля 1875 г.

21. Речь идет, вероятно, о приговоре над Долгушинцами, прочитанном 5 и 6 мая 1875 г. на Конной площади в Петербурге.

22. Туманова, Екатерина Петровна, уехала вскоре в Иваново-Вознесенск.

23. Цицианов, Александр.

24. «Мавром» в организации назывался Ст. Кардашев, который был «кассиром» организации. При его аресте было захвачено около 9.000 денег организации.

25. Гостиница в Москве.

26. Печатаемое письмо было взято у Кипиани. Значит, находившиеся на воле члены организации приступили к выполнению плана Зановича.

27. А. Ардасенов привлекался тоже к дознанию по делу о пропаганде в Московской губ.

28. «Мирная Вера» — вероятно, Вера Шатилова, уцелевшая от арестов и располагавшая средствами Субботиных.

29. Зданович имеет в виду, без сомнения, лавристов.

30. Медведева, Елена Петровна (Мачтет), на имя которой шли письма.

31. Гинцбург, Лев Савельевич.

Из народовольческих автобиографических документов.

Публикуемые ниже документы принадлежат трем видным членам народовольческой организации: если Н. Н. Колодкевич довольно рано был арестован (в январе 1881 г.), то Ю. Н. Богданович, как Кобозев ставший почти легендарным после 1 марта, оказался одним из центральных деятелей 1881 г.—1882 г., московского периода Исполнительного Комитета, а Савелий Златопольский именно в этот же год выдвинулся как один из главных деятелей народовольческой военной организации в Петербурге. Печатаемые показания их, носящие и автобиографический и программный характер, существенны как для изучения основных этапов революционного движения 70—80 г.г., так и еще более, пожалуй, для определения социального состава и социально-политической идеологии «Народной Воли». Для характеристики последней чем более материалов оказывается в наших руках, тем определеннее должен быть выставлен тезис, что поставленная «Народной Волей» задача политического переворота и еще более — ее решительная террористическая борьба с самодержавным правительством привлекла к ней также и представителей тех социальных групп, которых ранее анархизм, а позднее те же анархо-социалистические тенденции в землевольчестве отталкивали от революции. Показания Савелия Златопольского ценны именно в этом отношении. До сих пор, когда желали указать на тенденции чистого политического радикализма в «Народной Воле», обычно ссылались на мемуарные заявления о тех либо иных высказываниях Желябова, хотя значение этих заявлений отнюдь не безусловно и еще должно быть подвергнуто соответствующему критическому анализу. Гораздо существеннее, конечно, был бы ряд документальных доказательств. Некоторые из них все-же можно отыскать в народовольческой прессе, а путь к народовольчеству Златопольского — наглядная автобиографическая иллюстрация наличия подобных радикально-политических элементов в среде народовольчества. Признавая, что «Народная Воля» — «социалистическая, в научном смысле этого слова, партия» (что это определение результат влияния «Капитала» Маркса, тому доказательство другой одновременный документ, автор которого Герасим Романенко, тоже член, хотя и недолговременный, Исполнительного Комитета, прямо указывает, что научное значение социализм приобрел лишь 20 лет тому назад, со времени появления работы Маркса), Златопольский, однако, заявляет, что он-то лично не примкнул к «Земле и Воле» потому, что землевольческая программа оттолкнула его «по своей отчужденности от вопросов чисто политического характера и по преобладанию в ней элементов чисто социалистических»; мало того, даже программа Исполнительного Комитета не удовлетворила Златопольского «в виду отсутствия прямого заявления о политическом перевороте как задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуще-

ствлением социалистических идеалов», хотя нужно признать, что задачи политического переворота определены этою программой в достаточной мере отчетливо. Поэтому, признавая и «социалистичность» «Народной Воли», Златопольский все же сводит ее суть к одному лишь политическому «основному догмату» — «необходимости ввести народное представительство в русскую государственную жизнь и сделать народную волю ее верховным принципом».

Иначе — в документах, вышедших из-под пера Ю. Богдановича. Однако, прежде всего, несколько слов об их происхождении и значении. Ю. Н. Богданович был арестован 13 марта 1882 г. в Москве под фамилией Владимира Николаевича Прозоровского. Уже к 17 марта он был опознан и дал в этот день свое первое показание в качестве Богдановича, признав свою принадлежность к «Народной Воле», указав в качестве своего занятия «деятельность на пользу освобождения народа» и сообщив самые беглые биографические сведения, из которых можно отметить разве то, что выход из Медико-хирургической академии, в который он был вольнослушателем в 1872—73 г., им объяснен «требованиями революционного дела». Автобиографическое показание, как видим ниже, Богданович дал лишь 22 сентября 1882 г., в частности объяснив здесь также только что упомянутый уход свой из академии. Однако, еще ранее, 5 мая им была написана записка, не имеющая в подлиннике никакого ни заглавия, ни обращения. Она имеет по содержанию своему программно-декларативный характер и указывает в конечных своих частях на те правительственные мероприятия, которые могли бы повести к прекращению террора и повели бы страну по пути «спокойного развития». Не только форма документа и его содержание не подходят под рубрику показаний обычного типа: подлинник записки Богдановича приобщен не к актам дознания по процессу 17-ти, а находится в соответствующем деле департамента полиции. Думается, что накопляющиеся и мемуарные и документальные факты позволят в совокупности объяснить все эти особенности публикуемого документа. В своих воспоминаниях О. С. Любатович рассказала, как с ней начал переговоры тов. прокурора петербургской судебной палаты известный Доброжинский, впоследствии недолгое время бывший директором департамента полиции. «Скажите, на чем помирилась бы революционная партия, на каких условиях она отказалась бы от террора, нельзя ли установить перемирие хотя бы до коронации?» После реплики Любатович на этот вопрос Доброжинского последовало новое предложение прокурора: «Напишите письмо государю и изложите то, что говорили нам». Любатович отказалась, и вторичное предложение было ей сделано уже самим Плеве. «Простите,— сказал он мне,— сообщает Любатович,— что я побеспокоил вас, но я хочу предложить вам еще раз то, что советовал вам сделать Доброжинский: напишите государю искреннее письмо, ваши чувства и мысли. Государь любит народ и весь проникнут желанием сделать все возможное для блага его». Любатович, которая к тому времени уже и не была в Исполнительном Комитете, отказавшись как от этого, так и от предложенного ей освобождения, с целью переговоров с Исполнительным Комитетом попросила свидания с Герасимом Романенко, одновременно с нею арестованным и вошедшим после приезда своего из-за границы летом 1881 г. в состав Исполнительного Комитета, в котором, впрочем, он не оставил по себе доброй памяти. «Не знаю, моя ли то вина, что я не умела объяснить суть моих разговоров с Доброжинским и Плеве, или Романенко, как человек, в деятельности еще не очень опытный, слишком резко поставил большие требования, или стал играть на угрозах, но переговоры сейчас же порвались, и почему, я не знаю: Доброжинский отвечал мне уклончиво», заключает Любатович свой рассказ — об этом эпизо-

да. Как и во многих других случаях, архивы преподносят нам факты, которых не могли знать сами современные деятели. Очевидно, Романенко было сделано то же предложение относительно письма на имя царя, которое было сделано Любатович, и Романенко взялся за эту задачу. Обширная его записка, о которой мы уже упоминали, имеет на себе пометку Плеве: «Доложено его величеству господином министром внутренних дел 3 марта 1882 г. в Гатчине». Нам кажется, что оба только что изложенные эпизода, с Любатович и с Романенко, по времени чрезвычайно близко примыкающие к к публикуемому нами документу от 5 мая, проливают свет на его происхождение: несомненно, что перед нами еще один документ к истории нескольких в этом году правительственных (надо вспомнить также мысли Нивинского и Николадзе) попыток найти пути соглашения с народовольцами.

После этих предварительных разъяснений, возможно перейти и к оценке этого документа с двух точек зрения, и той, с которой мы выше считались, говоря о показаниях Савелия Златопольского, и той, которая связана с его назначением и содержит практическую платформу реформаторской правительственной работы. С первой точки зрения, интерес документа несомненно в том, что Богданович продолжает стоять на старой народнической точке зрения и, исходя из нее, оценивает так же народнически «Народную Волю»,—прямая противоположность тому, что мы видели у Златопольского. В своей записке Богданович пишет, что в 1876 г. произошла «выработка новой программы, так называемой народнической, которая легла в основание всей последующей деятельности революционной партии и была только дополнена в 1879 году вновь организованной фракцией «Народной Воли», но по существу уже не изменялась более», а в своем сентябрьском показании коротко повторяет об этой программе 1876 г.: «теоретическая часть этой программы сохранилась и по настоящее время». Та же традиция, в отличие от Златопольского, подчеркивается Богдановичем и в личном составе народовольческих рядов: «это новое направление не было внесено в нее (партию) извне, а принято теми же лицами, которые пережили весь предыдущий период деятельности и для которых политическая борьба явилась неизбежным логическим выводом из всего прошлого». «Народная Воля» — по своему составу, своим целям и средствам — то же самое, чем были раньше народники... тот же самый организм, только окруженный новыми условиями».

Однако, в записке Богдановича ее практическая сторона не менее интересна, особенно, если сопоставить ее с другим основным для этой эпохи народовольческим документом — письмом Исполнительного Комитета Александру III, документом, который после своего появления заслонил собою программу Исполнительного Комитета. Напомним, что письмо от 10 марта выставляло два основных требования: «общую амнистию» и «созыв представителей от всего русского народа» — «Народного собрания», избранного свободно, от которого сама верховная власть должна получить свою «легализацию» т.-е. созыв не чего иного, как Учредительного Собрания. У Златопольского видим в его показании одно пожелание—того же Учредительного Собрания: «ближайшие задачи партии, пишет он, будут осуществлены, когда созван будет Земский Собор с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особой монарха». Предложения же Богдановича резко отступают от этих положений, казалось бы общепризнанных, и носят тот же явный отпечаток его народнического традиционализма. Вопрос о «народном представительстве» — у него самый последний, и один из вопросов лишь «ближайшего будущего», требующий к тому же «продолжительной и серьезной работы», и само это «народное представительство» не носит народовольческих черт центрального

представительного учреждения; оно должно быть создано длительным по существу путем расширения «местного самоуправления в смысле подготовления естественного перехода к народному представительству». В то же время тот ряд мероприятий, пусть даже и очень умеренных, которые имеют отношение к крестьянскому быту, перечисляются Богдановичем так детально, как этого нет в других аналогичных документах. Несомненно, что у Богдановича народнические воззрения довольно сильно сказались на положениях его записки, почему она и может показаться чрезвычайно умеренной, даже необычно умеренной в сравнении со всеми другими документами того времени. Однако, именно на тех же народнических убеждениях основана перспектива будущего у Богдановича, отнюдь не столь пессимистическая, какою она оказалась вскоре на самом деле. Говоря о возможностях будущего в том случае, если правительство не станет на путь реформ, Богданович рисует картину того, как «недовольство в массах будет расти и обостряться и, наконец, выразится в явном нарушении порядка», чем революционная партия, «конечно, постарается воспользоваться», «в сравнительно непродолжительное время стать во главе уже значительных сил» и, «пользуясь общим недовольством, вызвать, наконец, страну к революции». Что для Богдановича это не было одною лишь литературною фразою в документе, написанном для врага, а народническою верою в возможность такого исхода, доказывает один эпизод, рассказанный В. Г. Короленко. Именно Короленко, жившего в ссылке в Перми, посетил Богданович и изложил план, «к которому пришла партия». Вот этот план: «Нужен толчек. Предполагается, что в известный день большое количество решительных людей отправится по селам, соберут сходы и объявят, что вся земля отдается крестьянам. Здесь (т.-е. на Урале) пришлось бы объявить это на заводах, которые тягаются из-за земли с самого освобождения с заводоуправлениями». Можно категорически утверждать, что рассказ Короленко неточен, особенно там, где речь идет о решении «партии». Однако, для оценки, нас интересующей, достаточно даже приблизительного содержания рассказа, относящего нас далеко назад от народовольчества к народничеству. Именно эти народнические точки зрения придают народовольческим документам Богдановича значение существенных материалов при изучении социально-политической идеологии «Народной Воли»: достаточно их сопоставить с этою целью с показаниями Златопольского.

Одно лишь можно было бы еще добавить и по адресу Златопольского, и по адресу Богдановича: это об их категорических рассуждениях относительно монархии. В такой форме они, конечно, написаны ad usum delphini. Достаточно взять №№ 5 и 6 «Народной Воли», передовые которых в части своей посвящены «народной вере в царя и судьбам монархизма», чтобы согласиться с этим.

Печатаемый рядом с показаниями и запискою Ю. Н. Богдановича «Устав Общества Освобождения» в значительной мере должен быть сочтен произведением Богдановича же. «Общество Освобождения» — другое, более раннее название «Красного Креста Народной Воли», для которого дошло и еще третье названье — «Креста мучеников». Несколько данных об участии в этом деле Богдановича находим у М. Н. Ошаниной, впрочем, данных, которые теперь можно было бы разносторонне дополнить. Отмечу здесь лишь то, что Ошанина, действовавшая в Москве вместе с Богдановичем, сообщает, что для существовавшего «с незапамятных времен «Красного Креста» правильная организация создана Богдановичем в Москве п о с л е 1 марта; он же и писал устав (правда, с помощью других, так как Богданович слишком мало полагался на себя, чтобы брать что бы то ни было на свой страх)». Устав этот ценен и как материал для изучения органи-

зационных принципов «Народной Воли», тема, теперь требующая особого рассмотрения, для которой все еще слишком мало данных.

Третьи из печатаемых показаний — Н. Н. Колодкевича, которые вносят новые живые черты в известный уже облик «народолюбцев-семидесятников» и народовольцев.

Все документы ,кроме «Устава», печатаются по автографам; показания Н. Н. Колодкевича и Ю. Н. Богдановича находятся в соответствующих делах особого присутствия Сената; заявление Ю. Н. Богдановича и «Устав» — в деле деп. пол. 1883 г. № 42 т. I; данная копия «Устава» сделана с того его экземпляра, взятого по обыску у П. А. Теллалова, который был переписан, по поручению Богдановича, для пересылки за границу.

С. Валк.

I.

1. Показание Н. Н. Колодкевича 12 февраля 1881 г.

Зовут меня Николай Николаевич Колодкевич. Еще в юношеском возрасте меня крайне интересовал вопрос об отношении класса имущего — как в материальном отношении, так и во всех других, — как казалось моему юношескому уму, неразрывно связанных с этим правах и преимуществах, — к так называемому, на либеральном языке, народу, лишенному не только всех прав свободного человека, но даже той обеспеченности с материальной стороны, которыми пользуется, положим, лошадь или какое-либо другое домашнее животное, пользуясь услугами которого человек, поскольку он способен здраво и не в ущерб себе мыслить, доставляет все нужное как-то: пищу, питье и кров. Видя с одной стороны, т.-е. со стороны народа, труд и труд, который, как казалось бы, должен обеспечивать положение труженика своим трудом, конечно, личным, а не обоснованным на эксплуатации другого такого же труженика, купившего право жить и пользоваться плодами своих трудов [1]). Что может быть естественнее и справедливее этого, как мне, юноше, казалось! Но и этого не было. С другой стороны, т.-е. со стороны привилегированного класса почти полное отсутствие какого-либо производительного труда, роскошная до разврата жизнь на счет труженика-народа! Итак труд и вопиющая бедность — с одной стороны; роскошь, ничем не отличающаяся от разврата, и полное отсутствие продуктивного труда — с другой стороны... Почему и отчего так? Вот вопросы, которые мне, еще 17-летнему юноше, ставила окружающая меня жизнь! Не нигилист студент, не запрещенная брошюрка, напечатанная где-то за границей, не цензурная какая либо книга, осторожной предусмотрительностью, в смысле уловления и пресечения, изъятая потом из употребления, натолкнула меня на эти вопросы, а жизнь, и только жизнь, с ее ужасами в борьбе за существование вечно голодного труженика, поставила мне эти вопросы! Думаю, что так же, как мне, так точно и другим тоже, самая суровая, строгая, но фактически правдивая жизнь ставила, ставит и впредь будет ставить такие же вопросы, может, точнее и определеннее, чем

[1]) Так в подлиннике.

мне, а может, еще менее определенно, до тех пор, пока не изменятся царящие теперь социально-экономические отношения. На эти вопросы, поставленные мне суровой правдой жизни, ответа я долго не мог получить: ни люди, которые меня тогда окружали (это было в период моей гимназической жизни), ни книги, которыми окружал себя, ничто сразу не давало мне на эти вопросы ответа. И только лишь чрез достаточно продолжительный период времени, после достаточно усиленных трудов, изучая жизнь родного мне народа, а также историю культуры других народов, культура которых стояла значительно выше культуры родного мне края, нашел ответы на мучившие меня вопросы! Сами вопросы, как и следовало ожидать, выяснились, оформились, при чем определились причины ненормальных отношений общественных, или, вернее, определился состав фундамента, на котором построено здание, — само собой разумеется, что этим разрешался самый трудный вопрос, — вопрос, каким путем разрушить здание...

Остановившись на избранном и верном, как мне казалось, — и тогда оно было так, — пути, начал сближаться с людьми, мыслящими со мной одинаково; составили кружок с революционными задачами и тогда только, выяснивши себе окончательно наше положение, как борющиеся с единственным и величайшим злом на земле, что можно формулировать так: эксплуатация сравнительно интеллигентным меньшинством невежественной массы, причем система эксплуатации организована таким образом, что эксплуатируемые никоим образом не могут выйти из своего положения благодаря прогрессивно увеличивающейся бедности, вследствие чего возрастающий физический труд отнимает всякую возможность умственного прогресса. Все это относится к 1875 г., с которого я начал свою революционную деятельность, а начал тогда, когда вполне сознательно относился ко всему окружающему. Время, а главным образом поход правительства против социалистов заставил видоизменить несколько программу и кроме требований экономического характера внести и политические требования; это уже относится к позднейшему периоду моей революционной деятельности, так что мой взгляд в настоящее время вполне совпадает со взглядами, изложенными в программе, помещенной в 3-м № «Народной Воли», издание относится к генварю 1880 года. Таким образом, в изложенном заключается мой ответ на вопрос о принадлежности моей к социально-революционной партии. По поводу ответов на следующие вопросы прошу отложить до следующего раза.

Николай Колодкевич.

2. Из показания Н. Н. Колодкевича 13 февраля 1881 г.

Зовут меня Николай Колодкевич. По поводу участия моего на Липецком съезде, имевшем место в июне 1879 г., могу сказать следующее. Липецкий съезд не занимался решением практических вопросов, а также не занимался избранием членов в Исполнительный Комитет,

как говорится в обвинительном пункте, предъявленном мне, будучи вызван почти исключительно походами правительства против социалистов; походы доведены были до беспредельной жестокости, не могущей быть ничем оправданной и не имевшей до того времени места в сколько-нибудь цивилизованном государстве [1]). Конечно, всякий другой, но только не революционер, под страхом виселиц и других прелестей, на которые так щедро правительство и чем особенно [оно] рассчитывало запугать, решил бы совершенно бросить пропаганду и агитацию не только среди народа, но и вообще среди всяких общественных сфер, и, отойдя в сторону, спокойно созерцать, как это способны делать российские культуртрегеры, в тиши своих рабочих кабинетов печалующиеся о «низшей братии», как хищническая система ежеминутно, может даже для близоруких незаметно, подтачивает главную основу государства, благосостояние народа, понимая под этим не только материальные средства народа, его богатство, как избыток его же личного труда, но, что главнее всего, не давая ему возможность прогрессировать в умственном отношении, а напротив употребляя все имеющиеся в распоряжении средства, а таковых много, и подобраны они, правду сказать, довольно искусно, доводящие до полнейшего отупения и развращения. И, конечно, такому благодушному созерцателю можно нарисовать такую картину будущего рус[ского] народа, а в то же время и государства, что при своей достаточно испорченной нравственности легко может сойти с ума. Но до этого в таковой момент, т.-е. когда пишешь протокол, очень мало дела, так как протокол не его достояние. В виду вышесказанного Липецкому съезду пришлось заниматься разрешением теоретических вопросов и, главным образом, решением вопроса «политической борьбы», т.-е. борьбы с правительством, а не только борьбы экономической, как делалось прежде, ибо правительство есть и было главным тормозом, хотя нужно прибавить, что тормоз еще более сильный это — невежество массы. Но и само правительство только лишь на этом и зиждется, а посему и все заботы его направлены на усиление и проповедь невежества, если так можно выразиться, но пока возможно! Поставивши такой, для многих прибывших на съезд — новый вопрос, а если даже не новый, то, во всяком случае, серьезный и важный вопрос, долженствующий войти в программу к[ото]рая, кстати сказать, окончательно была разработана впоследствии, и приняв во внимание 3 или 4 дня, которые съезд имел в своем распоряжении, не было места для практических вопросов и всяких трактований об Исполнительном Комитете, о выборах в члены и проч. и проч., что пылкая фантазия психически больного человека, а может и ренегата, приписывает съезду. Из всего сказанного следует, что в Липецке в июне 79 г. был, участие в съезде принимал, но в какой гостинице жил и под какой фамилией, сказать отказываюсь.

[1]) Так в подлиннике.

II.

1. Из показания Ю. Н. Богдановича 22 сентября 1882 г.

О прежней своей жизни и революционной деятельности имею показать следующее. По окончании курса в Псковских землемеро-таксаторских классах я поступил на службу великолуцким уездным землемером, кажется, в 1869 году. В 1871 году у меня был произведен первый домовой обыск, причем конфискованы все книги литературного содержания, составлявшие мою личную библиотеку. Причина этого обыска мне не была объявлена, но, судя по конфискации книг, между которыми не было ни одной запрещенной или бесцензурной, можно предположить, что она и заключалась именно в тех научных занятиях, которым я посвящал свободное от службы время. Предположение это не покажется странным, если прибавить к тому, что ближайшими моими знакомыми были [не] [1]) сослуживцы, а прежние товарищи по гимназии, с которыми я имел гораздо больше общего как по летам, так и по всему душевному складу. Косвенным последствием этого обыска было распоряжение губернатора, лишавшее меня летних командировок, т.-е. единственного живого дела и главного ср[едства?] заработок. Отчасти вследствие этого обстоятельства, а также желая продолжать свое образование, [я] [1]) подал в отставку и переехал в Петербург. Я посещал лекции общеобразовательных наук в Медико-хирургической академии в качестве вольнослушателя и участвовал в нескольких кружках самообразования. В 1873 году, во время известного самарского голода, я, с целью изучения на месте этого явления, а также вообще с целью практического ознакомления с народною жизнью, поехал в Саратов, откуда пешком обошел все голодающие местности Новоузенского, Николаевского и Бузулукского уездов. Поездка эта имела важное значение в моей жизни, так как в то время я решился навсегда отказаться от личной карьеры и посвятить себя народному делу. Чтобы иметь возможность стать в более близкие и постоянные отношения к простому народу — не для политической агитации, а для изучения его жизни, — для определения возможности форм деятельности, которые приходилось вырабатывать вновь, так как в прошедшем русской жизни я не имел никакого образца для того, я из Самары поехал в имение старшего брата Николая, в Торопецком уезде, где в течение года хорошо изучил кузнечное производство и мог сам открыть такую же мастерскую. Мастерские брата, при своем учреждении, не имели другой цели, кроме обыкновенных целей всех промышленных заведений, но я просил его принимать к себе учениками тех моих знакомых, которые бы, подобно мне, пожелали изучить кузнечное мастерство, на что он изъявил полное свое согласие. Я забыл сказать, что до отъезда моего в Самару я был в Петербурге арестован, причем пробыл под арестом две недели. Причина

[1]) Край листа оборван.

этого ареста мне совершенно неизвестна; мне был назван целый ряд незнакомых фамилий, которые затем оказались причастными к делу Долгушина. При освобождении с меня была взята подписка, обязывавшая сообщать адреса полиции, но я от этого после уклонился. Во время моей жизни в с. Воронине, по приезде из Самары, у меня вновь был произведен обыск, причем ничего запрещенного не найдено, и причина его также мне не была объявлена. В 1875 году из Торопца я проехал в Москву, где был назначен съезд представителей кружков разного направления, а также отдельных лиц, с целью сделать первую попытку объединения разрозненных кружков и лиц. Но попытка эта удалась только отчасти. Выработки общей программы деятельности не последовало, и было лишь принято решение совместно поселиться в некоторых центральных губерниях, вмещающих в себе все разнообразие форм народной жизни, с тем, чтобы в течение года составить уже совершенно определенные и точные ответы на выработанные на этом съезде вопросы. Для этой цели я, с своей стороны, открыл кузнечную и слесарную мастерскую, которую, впрочем, мне скоро пришлось оставить, так как в руки полиции попалось одно из моих рекомендательных писем, данных к самарским знакомым, и мне угрожала опасность быть арестованным и привлеченным к делу о 193 лицах. С этого времени я решился уже не жить под своею фамилиею.

Предпринятая работа, о которой я только что упомянул, привела в 1876 году к новому съезду в Петербурге, который и положил основание обще-революционной русской партии, названной народническою. Теоретическая часть этой программы неизменно сохранилась и по настоящее время. Она развивала три основных требования: политической свободы, подразумевая под этим право и обязанность каждого подчиняться только закону; народного представительства, как единственного учреждения, могущего оградить эту свободу и дать ей истинное толкование, и разрешение аграрного вопроса в смысле установившегося обычного народного права, в чем и заключается вся сущность русского практического социализма.

Практические задачи партии определялись таким образом. Партия не должна стремиться вызвать революцию, так как эта последняя есть результат общих условий жизни и, вызванная искусственно, делает успех ее больше чем сомнительным. Каждый же член партии, пользуясь существующими правами и учреждениями народа, как-то: сельскими и волостными сходами и судами, правом представительства в земствах, школами, товариществами и артелями и т. д., должен возвышать эти учреждения до их истинного назначения, вызывать в народе и обществе сознание общности интересов, защищать народ от угнетения его со стороны всех народных паразитов, причем стараться вызвать в народе чувство собственного достоинства и сознание своих прав и т. д.

К числу членов партии принадлежал и я, согласно этой программе работал в течение 77, 78 и 79 гг., принадлежа к самарской и саратовской группам. Формальная сторона жизни моей за это время достаточно исследована, и потому я не буду о ней говорить. В это время последовали одно за другим временные распоряжения, усилилась практика политического доноса, и вместе с тем прекратилась последняя возможность легальной деятельности. Как известно, на Липецком съезде (на котором я не был) была принята всею партиею программа политической борьбы. В 79 году из Саратова я проехал в Петербург с целью примкнуть к действующей в то время организации «Земли и Воли», но прибыл туда накануне покушения Соловьева и вследствие розысков, направленных против меня, должен был вновь уехать в провинцию. В 80 году вновь прибыл в Петербург, где и получил приглашение от Исполнительного Комитета принять участие в подкопе на Малой Садовой. После первого марта 81 г., переждавши в Петербурге наиболее горячее время розысков, я через $1^1/_2$ или 2 месяца переехал в Москву для организационной работы, где и был арестован в марте 1882 г. Более по делу добавить ничего не имею.

Зачеркнутое и сверху приписанное сделано мною.

Юрий Богданович.

2. Записка Ю. Н. Богдановича от 5 мая 1882 г.

Обвинения, предъявляемые к партии «Народной Воли», сводятся, в существенном, к следующему: партия стремится к насильственному ниспровержению государственного строя; лучшим средством для проведения своих идей она признает динамит и кинжал и таким образом личную расправу возводит в руководящий принцип. Ее не могут удовлетворить никакие формы общежития, кроме полной анархии, и потому она никогда не остановится в своих революционных попытках. Всегда призывать общество к насильственному низвержению существующего строя — вот ее цель, а политическое убийство и самоуправство — ее средства.

Такой взгляд на партию, сам по себе совершенно ошибочный, заставил правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам, которые, в свою очередь, послужили к обострению борьбы и, увлекая по этому пути обе стороны, отражаются не только на авторитете власти и гибели членов партии, но и на жизни всего общества. Все усиливающиеся реакционные меры производят умственный и промышленный застой, вызывают глухое недовольство в обществе и массах народа, парализуют всякое проявление таланта, творчества. Общественная жизнь, литература, школа — все, что служит к развитию народной жизни и обеспечивает благосостояние на будущее, на всем лежит печать омертвения, застоя. Если такое положение вещей и создалось, в значительной степени, под влиянием деятельности революционной партии, то, во всяком случае, она не желала этого. Единственною же причиной всех внутренних беспорядков, переживаемых Россией в текущее пяти-

летие, послужил именно тот предубежденный взгляд на партию, который превращал ее в сообщество, враждебное всякой общественности.

Я постараюсь правдиво изложить действительный взгляд партии «Народной Воли» на ее задачи и средства, служащие к достижению этих задач.

Восемь лет назад мы, действительно, были анархистами, врагами существующего государственного строя. Наши общественные идеалы сводились к уничтожению всех ныне существующих границ, всякого деления на племена и народности и водворению вольных экономических, промышленных и ученых ассоциаций, связанных между собою свободным договором. В то время мы были глубоко убеждены, что такая система общественной жизни не заключает в себе ничего неисполнимого, ничего мечтательного, и мы стали проповедывать ее в народе, обществе, среди учащейся молодежи, распространяя в то же время целые массы брошюр и прокламаций. В этом заключалась самая характерная сторона деятельности так называвшихся пропагандистов. Эти пропагандисты, и только они, и были действительными врагами государства, но то были враги неопасные. Первое же столкновение с действительной жизнью убедило их несравненно сильнее, чем преследования, которым они подверглись, что все их мечты не имеют под собою никакой почвы в настоящем, ничего реального. Это первое разочарование заставило их убедиться, что правда жизни и программа деятельности человека могут быть определены только путем всестороннего изучения самой жизни, а не из сочинений, хотя бы и гениальных, утопистов. Трехлетнее затем изучение жизни народа, его нужд и истории привело в 1876 году к выработке новой программы, так называемой народнической, которая и легла в основание всей последующей деятельности революционной партии и была только дополнена в 1879 г. вновь организованной фракцией «Народной Воли», но, по существу, уже не изменялась больше. Основные начала ее таковы: естественный путь прогресса заключается в постоянном удовлетворении насущных и уже сознанных потребностей народа. Всякая система, несоответствующая сложившимся в народе представлениям, его умственной и нравственной природе, не служит к улучшению его жизни, поэтому должно стремиться к таким государственным формам, при которых бы народ мог не только выразить свое понимание жизни и свои нужды, но удовлетворить их и итти дальше по пути развития. Исходя из такого основного начала, программа ставит только такие требования, как обязательные, которые признаны уже наукой и историей всех народов необходимыми условиями прогресса, без которых невозможно всестороннее развитие так же, как дыхание без кислорода, а именно: свобода мысли, совести и слова, уничтожение всех сословных привилегий, право каждого на землю и орудия труда и свободу обществ и ассоциаций, не имеющих явно вредных целей, которые будут определены законом. Вот единственные регламентированные требования партии; что же касается остальных экономических

и политических вопросов, то, если партия и имеет свои собственные взгляды по поводу их, она не признает за собой права и компетентности ставить их как обязательные, так как истину в этом случае может сказать только сам народ. В виду этого партия находит нужным, для решения всех общегосударственных вопросов, созвание Земского Собора.

Такая программа по отношению к России, конечно, революционна, но она не заключает в себе ничего антигосударственного; напротив, при установлении этих новых начал жизни русское государство достигло бы наибольшей силы единства, наибольшего материального благосостояния и культурного развития. Но партия не только не враждебна государству, она не враждебна и существующей форме правления, т.-е. монархии. Если в революционных изданиях и встречаются обращения [1]), направленные против государя, то это объясняется теми условиями борьбы, в которые принуждена была стать партия, и носят на себе чисто агитационный характер. Но никогда за все время своего существования она не выражала стремления пропагандировать какой-либо иной способ правления. Да этого и не могло быть. Живя долго и близко с народом, мы не могли не видеть, что монархический принцип силен и живет в народе. Мы убеждены, что если бы даже совершилась революция, то и она, изменивши все, не коснулась бы принципа монархии, но еще санкционировала и укрепила бы его, создавши действительную, жизненную связь народа с его государем.

Насколько неверно обвинение, направленное против задач партии, настолько же, если не больше, ошибочно и то, будто бы лучшими средствами она признает самоуправство и политическое убийство.

Только с 1879 года народническая партия выступила на путь непосредственной борьбы с правительством; но это новое направление не было внесено в нее извне, а принято теми же лицами, которые пережили весь предыдущий период деятельности и для которых политическая борьба явилась неизбежным логическим выводом из всего прошлого. В течение шести лет наша практическая деятельность выражалась в следующем:

Мы делились на группы, которые и расселялись в определенных местностях, в Петербурге же оставался центральный кружок, на обязанности которого было вести орган партии и сношения со всеми группами. Кружок этот не был руководящим центром партии, так как каждая группа пользовалась совершенной самостоятельностью в своих действиях, и его скорее можно назвать центральным бюро. Такая федеративная организация естественно вытекала из самой организации партии. Мы явились в новую для нас местность без всяких предвзятых планов. Прежде всего старались занять определенные и, по возможности, влиятельные в народе положения и затем, озна-

[1]) Первоначально было: нападки.

комившись уже с местным населением и его нуждами, вырабатывали местный план действия. Обыкновенно он не заключал в себе ничего революционного и сводился к тому, чтобы путем личного примера и влияния вызвать крестьянство к живому участию в мирских делах, приучить его отстаивать его общие интересы от кулаков и других врагов крестьянского мира и, наконец, вселить в нем уверенность в возможность удовлетворения своих нужд посредством легальных требований, выраженных в мирских приговорах. Мы не старались вызывать такого сильного недовольства, которое могло бы выразиться в восстании, так как не признавали пользы за местными бунтами [1]). Деятельность наша была настолько законна и плодотворна, что не только местное общество, но и местные власти, включая и полицейские, относились к нам с полным доверием и сочувствием. Тем не менее мы подвергались постоянным и жестоким преследованиям. Гонения эти, хотя и не могли не отзываться на нас весьма тяжело, но не они сами по себе заставили нас изменить нашу программу. Нам приходилось бросать начатую работу, вновь приискивать себе места и занятия, вновь начинать дело; но едва только мы успевали вызвать в себе необходимое доверие для дальнейшей работы, как опять постигало преследование; происходили аресты, бегство спасшихся и новые начинания.

Так продолжалось в течение шести лет. Мы занимали всевозможные положения в обществе: докторов, учителей, земских деятелей, простых рабочих, волостных писарей, и всех постигала та же участь. Ее не избегли и другие общественные деятели, не принадлежавшие к нашей партии. Казалось, будто все, что выходит из рамок безличности, обречено на погибель. Рассудок отказывался понимать, во имя чего происходит такая гибель людей. Многие из нас были уже не в силах вновь приниматься за такую безнадежную работу и молча сносить гонения. Они не имели перед собою никакого посредника, — даже суд и тот не желал выслушивать их оправданий. Руководимые одним стремлением посвятить свои силы на служение народу, они объявлялись врагами отечества, не зная за собой ни одного проступка, они ссылались на каторгу, как преступники, не признающие ничего святого. Такое положение было выше сил многих, и они, чувствуя свою правоту, решились защищать себя сами. Под такими влияниями произошло первое вооруженное сопротивление Ковальского, выстрел Засулич, и организовался первоначальный Исполнительный Комитет, который представлял тогда самостоятельное тайное общество и не имел организационной связи с остальною партией. Но это все-таки было меньшинство, громадное же большинство решилось попытаться продолжать работу в том же направлении, и были вновь организованы группы саратовская и тамбовская. В это время были введены новые репрессивные меры: генерал-губернаторство, усиление административной власти, воен-

[1]) Далее зачеркнуто: отчасти.

ные суды, институт урядников и др., и преследования усилились в небывалых размерах. Тогда к чувствам людей, преследуемых выше вины своей, присоединилось еще ясное сознание в невозможности самой скромной культурно-прогрессивной деятельности.

В итоге всей шестилетней жизни партии была утрата более 1.000 человек и последовательное разрушение всех ее поселений: нижегородского, самарского, саратовского, тамбовского, воронежского, Земли Войска Донского. Теперь мы имели перед собою только два выхода: безусловно отказаться от всех своих стремлений и признать невозможность самостоятельного движения или вступить с силами самой партии в непосредственную борьбу с правительством. Не от нашего произвола зависел выбор, и мы должны были взяться за последнее средство, ибо возможность нравственной жизни для человека определенного уровня развития столь же обязательна, как и удовлетворение его физиологических потребностей. Некоторые, не имевшие сил вступить на новый путь, кончили самоубийством, иные стали ренегатами, вся же остальная масса решилась или умереть или добиться возможности свободной, полезной общественной деятельности.

Из этого краткого очерка, в котором я не мог, конечно, представить полную картину деятельности партии, тем не менее можно видеть, что задачи ее не заключают в себе ничего демагогического; они только наиболее определенно и полно выражают те самые требования, которые существуют уже в народе и обществе в отрывочных, неясных формах. В этом и заключается та поистине изумительная жизненность, которую проявляет партия при самых, повидимому, невозможных условиях для своего существования. Обвинение же в анархизме и других антигосударственных стремлениях перенесено на нее с предшествовавшего ей общества пропагандистов без всякого действительного основания. Это составляет первую и самую существенную ошибку со стороны правительственного суда. Покуда преследования были направлены против действительных анархистов, которых ни общество, ни народ не понимали и которым не могли сочувствовать, то деятельность правительства в этом случае являлась в глазах народа целесообразной и направленной к общему благу, ибо искоренялось то, что было чуждым общественности. Но те же самые обвинения, перенесенные на народников, были на самом деле фикцией, которая и разоблачилась перед обществом по мере их деятельности, а гонения, перешедшие вместе с обвинениями, поставили как суд, так и правительство в весьма ложное положение, ибо на народников падало обвинение в таких преступлениях, которых они не совершали. Далее видно, что партия не только не желала перейти на путь насилия, но всеми силами старалась постепенно проводить свои идеи путем нравственно-культурной деятельности и не совершила ни одного насилия, пока направленные против нее меры грозили только жизни ее членов, но когда они стали угрожать и самой возможности проявления в обществе тех стремлений, которые служат единственным залогом его развития, тогда только

партия сочла своим нравственным правом употребить все средства борьбы. В доказательство того, что такой взгляд разделяется всею партией, я сошлюсь на объявления Комитета по поводу террористических актов и на обращение к американскому народу по поводу покушения на Гардфильда.

Теперь мне остается ответить на один еще вопрос: если все, что сказано, верно по отношению к народникам до 79 года, то может ли быть применимо то же самое и к фракции «Народной Воли»? Для человека, незнакомого с историей жизни партии или желающего видеть в ней нечто совершенно аномальное, не имеющее своего зародыша в самой русской жизни, а принесенного извне, может показаться, что я мистифицирую, утверждая, будто бы «Народная Воля» по своему составу, своим целям и средствам то же самое, чем были раньше народники, и что она, таким образом, есть тот же самый организм, только окруженный новыми условиями. Такое недоразумение весьма возможно и понятно и происходит вследствие тех изменений, которые пришлось внести партии в свои приемы и способ организации; но еще в большей степени оно зависит от того бросающегося в глаза упорства, с которым, несмотря ни на что, продолжается террористическая деятельность. Если бы произошло несколько покушений, которые затем не повторялись бы больше, тогда, я уверен, всякий объяснил бы их тем особенным, временным душевным настроением отдельных единиц, которое возможно везде и всегда благодаря случайным обстоятельствам; никто не обвинил бы их в извращенности натуры, а тем более в проповеди убийства. Их назвали бы несчастными жертвами случая, а не преступными отрицателями всякого закона. Именно такого рода явления происходили на наших глазах почти во всех государствах Европы. Приведение же их в систему, как то случилось у нас, обыкновенно приписывается исключительно злой воле людей, совершивших их, и ничему больше, тогда как на самом деле подобное явление весьма понятно: стоит только окружить теми же условиями не отдельные единицы, а тысячи людей, сделать эти условия постоянными, и вот получится целый, непрерывный ряд таких явлений. В объяснение к сказанному можно указать и у нас на покушение Каракозова. Он бесспорно принадлежал к движению, зародившемуся еще раньше его и продолжающемуся до сего времени, и тем не менее его поступок не нашел себе продолжателей в течение 16 лет, хотя за это время, без сомнения, было много людей, способных совершить его. Были те же люди, но были другие условия.

Насколько переход к политической борьбе был неизбежен для партии и не зависел от желания отдельных лиц, можно видеть и из следующего примера: при обсуждении программы «Народной Воли» от первоначального состава партии отделилась фракция «Черного Передела», которая желала остаться верной прежней программе, и, несмотря на упорство и настойчивость ее членов, с нею произошло то же, что со всеми народниками, т.-е. лучшие силы ее примкнули

к «Народной Воле», а остальные или выбыли из России или стали ренегатами. Та же непреложность в подчинении действий возможному обнаружилась и на пропагандистах 73—74 годов, которые стремились вызвать в народе бунты и восстания во имя своих идей и, несмотря на всю свою страстность, не нашли к себе ни одного отклика и принуждены были убедиться в бесплодности своих желаний. Так, под влиянием внешних условий, и партия народников, преобразуясь в фракцию «Народной Воли», изменила свой внешний вид и приемы борьбы, но по своему существу осталась тем же, и стремление продолжать террор, несмотря ни на что [1]), столь же чуждо этой фракции, как и первоначальной партии. Но не от ее желания зависит решение этого вопроса. Желать прекращения террора и привести это желание в исполнение может только правительство и никто больше.

В заключение этого очерка я позволю себе высказать свое мнение по этому поводу.

Не подлежит никакому сомнению, что прекращение террора есть только вопрос времени, ибо то внутреннее состояние общества, о котором я упомянул вначале, неопределенно долго длиться не может и должно найти себе выход. При этом я вижу только три случая: или путем мер, направленных против террора, в настоящее время будут обнаружены и заарестованы все лица, участвующие в движении, и немедленно затем правительство даст необходимые реформы, которые и произведут должное равновесие общественных сил, или, при неуспешности полицейских мер и при той заброшенности народа и общества и невнимании к его интересам и нуждам, которые естественно являются вследствие преимущественного сосредоточения забот правительства на борьбе с террором, недовольство в массах будет расти и обостряться и, наконец, выразится в явном нарушении порядка. Существующая еще революционная партия, конечно, постарается воспользоваться этим недовольством для увеличения своих сил и тем отложить еще свое поражение. Таким образом она может в сравнительно непродолжительное время стать во главе уже значительных сил и, пользуясь общим недовольством, вызвать, наконец, страну к революции. Третий и последний случай может быть тот, когда правительство, зная самую природу и условия появления террора, пожелает прекратить его не путем уничтожения лиц, в которых он проявляется, а самых причин его появления. Второй случай составляет сам по себе неизбежность, против которой воля человека бессильна, но первый и последний зависит всецело от выбора правительства. Не входя в подробную оценку того и другого, я решаюсь указать лишь на тот факт, что во всяком случае время, в которое могут быть обнаружены все лица, участвующие в движении, весьма неопределенно, и существуют все основания предположить, что контингент таких лиц будет постоянно пополняться, и потому первый способ представляет собою много случайностей.

---

[1]) Первоначально было: во что бы то ни стало.

Последний же может быть приведен в исполнение в каждую данную минуту и не заключает в себе ничего гадательного; он представляет еще и то преимущество, что не только не отвлекает правительство от его высших забот о благе всего народа и регулировании его жизни, но сам по себе составляет первый и неизбежный шаг к восстановлению должного влияния авторитета власти и спокойного развития страны.

Придавая такое преимущественное значение этому последнему средству, я позволю себе выразить его в более определенной, конкретной форме. Весь жизненный опыт мой приводит меня к тому заключению, что террор в том виде, в каком он существует у нас в России, есть результат чрезмерного несоответствия между накопившимися духовными и материальными силами народа, которые он может проявить в жизни, и теми внешними формами, которые задерживают не только их проявление, но и самую возможность стремления к тому. Поэтому не только во имя прекращения внутренних беспорядков, но и во имя дальнейшего развития и счастия народа эти формы должны быть изменены.

Первым словом должно быть слово прощения [1]), ибо это лучший способ забвения тяжелого прошлого. Я не касаюсь подробностей амнистии, но, думаю, было бы справедливо отнести ее как к лицам, причастным к политическим делам, так равно и пострадавшим за свободное исповедание религии. Затем, отмена всех тех постановлений, которые вызваны этим прошлым и которые при новых условиях являются напрасною тяжестью над всем обществом. Я разумею здесь как все временные положения, вызванные борьбой с революционной партией, так и все дополнения, которые с момента введения положения 19-го февраля служили не к расширению, а к ограничению вложенных в них начал первоначальными предначертаниями покойного государя императора, то-есть: 1) все ограничения свободы местного самоуправления насчет усиления административной власти, имевшего первоначальной своей целью постепенное политическое, экономическое и духовное развитие народных масс, посредством самостоятельной заботы о своих местных нуждах, земского представительства, свободы народной школы и местной литературы; 2) ограничения компетентности суда совести, свободы защиты и следствия и самостоятельности мировых судей, подрывающие собой авторитет суда и закона и проявление справедливости; 3) ограничение свободы прессы посредством подчинения ее предварительной цензуре и администрации и 4) ограничения самостоятельности высшей школы.

Но последние 19 лет обнаружили уже многие несовершенства и пробелы в системе управления и многие неотложные нужды народа, а потому недостаточно ограничиться этими отрицательными действиями; необходимо удовлетворить те из народившихся нужд, которые носят на себе более острый характер и для своего осуществления не требуют

[1]) Первоначально было: высочайшего милосердия.

время и медленной разработки. Необходимо издать ясно выраженное законодательство о политических преступлениях с строгим подчинением таковых общему суду, за исключением преступлений, направленных против личности государя, и совершенно изъять политические преступления из ведения администрации и тем оградить право и безопасность личности. Необходимо признание свободы вероисповеданий, отсутствие которой поселяет бесплодную вражду между миллионами людей; уничтожение паспортной системы, служащей только к обременению народных масс и вызывающей собою бесчисленные злоупотребления; окончательное уничтожение телесного наказания; прощение всех недоимок и совершенное сложение выкупных платежей, с пополнением государственного бюджета из источников, не падающих на народные массы. Эта мера послужит к успокоению наиболее сильно выражающегося недовольства масс. Затем — как дела, требующие продолжительной и серьезной работы в ближайшем будущем: пересмотр и реорганизация всей податной системы с целью поднятия народного благосостояния, пересмотр уставов фабричного и промышленного и вопроса о расширении местного самоуправления в смысле подготовления естественного перехода к народному представительству.

Вот те простые и возвышенные меры, которые, по моему мнению, при введении их единовременно и совокупно, прекратят все наиболее крупные, наболевшие страдания народа и общества, вызовут к жизни и плодотворной деятельности лучшие силы страны, усилят чувства любви к своей родине и доверие и преданность к ее государю и сделают совершенно невозможным проявление самоуправства и насилия, а при возможности дальнейшего развития будут вернейшим залогом внутренней и внешней силы и величия нашего отечества.

5 мая 1882 г. *Юрий Богданович.*

3. Устав Общества Освобождения [1]).

I.

§ 1. Общество Освобождения есть специальный отдел общей организации партии «Народной Воли».

§ 2. Цель его: а) материальная помощь (деньгами, платьем, доставлением мест и т. п.) всем лицам, подвергшимся гонению и пострадавшим за свободу мысли и совести, без различия партий, к которым они принадлежали, и религиозных учений.

б) Нравственная помощь тем же лицам посредством защиты и восстановления их прав путем словесной агитации в обществе, легальной и нелегальной прессы и воздействия на местную и центральную администрацию.

---

[1]) При воспроизведении «Устава» редакцией дописаны недописанные в копии слова и введены знаки препинания там, где они отсутствуют. *(Прим. ред.)*

в) Установление правильных и постоянных сношений [между] ссыльными и заключенными и

г) организация побегов и освобождения лиц заключенных.

II.

Состав Общества Освобождения.

§ 3. Общество Освобождения составляется из постоянных членов, испытуемых и случайных агентов.

§ 4. Постоянными членами могут быть только лица, вполне согласные с настоящим уставом и готовые безусловно подчиниться ему.

§ 5. Прием постоянных членов производится местным отделом и центром, при чем вступающий член должен иметь за себя поручительство двух постоянных членов.

§ 6. Для вступления членов нужно пробыть испытуемым агентом не менее полугода.

§ 7. Все члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всем, что касается общего дела, член подчиняется администрации отдела или центру, к которым принадлежит.

§ 9. Каждый член правообязан привлекать случайных агентов, о чем немедленно сообщает администрации, для привлечения же испытуемых агентов должно быть и согласие администрации.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организации.

§ 11. За все проступки против организации член подлежит суду товарищей.

§ 12. Если по суду член будет исключен из общества, то постановление об этом с подробной мотивировкой передать в Исполнительный Комитет.

§ 13. О выходе своем из общества или о переходе в другой отдел член обязан своевременно заявить администрации.

§ 14. При выходе члена из общества или исключении ему ставятся определенные обязательства, охраняющие целость организации и дальнейшее успешное ведение дела.

§ 15. Все имущество, переданное членом обществу, по выходе его, считается собственностью этого общества и ему не возвращается.

§ 16. Испытуемыми агентами могут быть лица, способные, по своим умственным и нравственным свойствам, стать постоянными членами, но еще недостаточно известные местному отделу.

§ 17. Испытуемые агенты могут быть посвящены во все дела местного отдела, но ни в каком случае не в общие дела организации.

§ 18. Не имея права голоса в общих делах, они не имеют и строгих обязательств, но местный отдел должен стремиться поставить их в полную от себя зависимость.

§ 19. По прошествии полугода испытуемые агенты могут быть приняты в постоянные члены.

§ 20. Случайными агентами называются лица, привлеченные для отдельных дел и предприятий членами на свой риск.

§ 21. Они не стоят ни в каких обязательных отношениях к организации, и за все их поступки ответствует член, привлекший их к делу.

§ 22. Кроме специального дела, к которому они привлечены, им не должно быть ничего известно об организации, как и вообще всем посторонним лицам.

III.

Организация Общества Освобождения.

§ 23. Все дела и учреждения Общества ведутся местными отделами и центром.

А. Местный отдел.

§ 24. Местный отдел составляется из всего наличного числа членов данной местности.

§ 25. Все дела местного отдела ведутся администрацией, состоящей из трех членов и двух к ним кандидатов, избираемых отделом без срока простым большинством голосов.

§ 26. Администрации отдела подлежат все дела местной организации, а именно:

а) Ведение и заведывание денежными средствами и всем имуществом (кассою, складами имущества, оружия и т. п.).

б) Устройство конспиративных квартир, складов, притонов.

в) Заведение связей, полезных для обеспечения побегов и сношений и для защиты гонимых от произвола местной администрации.

г) Хранение всех имеющихся в отделе сведений о проезжих и таежных дорогах, населенных местах и лицах, могущих быть полезными делу, о количестве и расположении местных войск, планы мест заключения, этапов и проч.

д) Составление подробных списков о всех ссыльных и заключенных с обозначением их биографий, средств к жизни и отношения их к революционному делу.

е) Распределение помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организация побегов в том случае, если на это требуется затрата, не превышающая сметной суммы на 500 руб. единовременно и 1.000 р. в год; в случаях более сложных должно быть спрошено согласие центра [1]).

---

[1]) *Примечание.* О лицах, желающих бежать, отдел и уполномоченные агенты заблаговременно извещают центр, при чем сообщают все имеющиеся о них сведения — имя и фамилию краткую характеристику и намерения бегущего.

В видах сохранения организации и пользы революционному делу им не должна оказываться помощь в побеге до получения ответа из центра

При самом побеге отделы и уполномоченные агенты предупреждают бегущих, что по прибытии их в Россию им будет оказана помощь только в течение одного месяца. За это время они должны или пристать к революционной организации или избрать себе род жизни. *(Прим. в оригинале.)*

з) Созывать отдел для приема новых членов и других экстренных надобностей.

§ 27. Все вопросы в администрации решаются простым большинством голосов.

§ 28. Распределение занятий между членами администрации делается самими ими по взаимному соглашению.

§ 29. Совещания администрации происходят еженедельно.

§ 30. Два раза в год администрация отдает подробный отчет в своей деятельности наличному числу членов отдела, при чем адреса, притоны и фамилии могут не сообщаться.

§ 31. Для сношений с администрацией между собою ими устанавливается особый шифр сношения с центром по §... [1]).

§ 32. Все имеющиеся сведения администрация передает в центр по мере их накопления.

§ 33 [2]). Два раза в год с 1 января и 1 августа администрация представляет подробный отчет в своей деятельности центру и подробную смету необходимых для нее затрат на текущее полугодие. В экстренных же случаях она сносится, не дожидаясь срока.

Б. Центр Общества Освобождения.

§ 34. Центр Общества Освобождения составляется не менее как из 5 (человек) членов и не более числа всех существующих отделов. Касса отдела составляется из сумм, отпускаемых центром.

§ 35. Каждый отдел имеет в центре одного своего представителя. Каждому отделу известен только свой представитель. Полный же состав центра составляет его тайну.

§ 36. Представитель должен быть утвержден центром.

§ 37. Если число отделов в Обществе менее пяти, или который-нибудь отдел не избрал представителя, утвержденнного центром, то состав центра пополняется Исполнительным Комитетом.

§ 38. Один из членов центра, сверх числа представителей, назначается Исполнительным Комитетом.

§ 39. Член центра может выйти из общества не иначе, как с согласия центра.

§ 40. Член, назначенный Исполнительным Комитетом, может быть всегда смещен или отозван самим Исполнительным Комитетом, но на его место должен быть немедленно назначен новый.

§ 41. Все дела и вопросы в центре решаются простым большинством голосов.

§ 42. Для ведения своих дел центр, кроме своих членов, может иметь неопределенное число запасных агентов, избираемых им самостоятельно.

---

[1]) § Сношения происходят через лиц, назначенных для этого администрацией из своей среды. Кроме этих лиц, отделом и уполномоченными агентами не должен быть извещен личный состав отделов. *(Прим. в оригинале.)*

[2]) Зачеркнуто: «Все имеющие». *(Прим. ред.)*

§ 43. Запасный агент должен удовлетворять всем требованиям, упомянутым в §§ 4—16, и стоит в таких же отношениях к центру, как исполнительный агент к отделу.

§ 44. Ведению центра подлежат:

а) Центральная касса.

б) Центральный архив.

в) Сношения с местными отделами и Исполнительным Комитетом.

г) Суд над своими членами, запасными и уполномоченными агентами.

Примечание. Суд над членом, назначенным ИК, подлежит самому ИК.

д) Ведение всех предприятий, учреждений и связей, обеспечивающих целость всей организации и успешность в достижении общих задач ее.

§ 45. Центральная касса составляется из имущества, внесенного всеми членами Общества, добровольных сборов среди лиц, сочувствующих его задачам, и временных, случайных взносов членов и посторонних лиц.

§ 46. Два раза в год, по получении отчетов из отделов, центр составляет смету на все необходимые затраты Общества, распределяет денежные расходы и сметы на текущие расходы, представляет их в Исполнительный Комитет.

§ 47. Раз в год центр составляет подробный отчет о деятельности всего Общества, один экземпляр которого передает в ИК, другой с нарочно посланным агентом рассылает всем местным отделам и уполномоченным агентам.

§ 48. В центральном архиве хранятся все сведения, полученные центром из отделов.

§ 49. Для сношения с отделами центр устанавливает общий всему Обществу шифр.

§ 50. Центр заботится об увеличении денежных средств Общества, о целости всей организации, о привлечении лиц, могущих так или иначе быть полезными Обществу (литературным содействием, влиянием на центр. адм. и т. п.).

§ 51. Все дела Общества центр ведет совершенно самостоятельно.

§ 52. Если центр пошлет от себя по специальному делу своего агента, то администрации отделов и уполномоченные агенты оказывают ему доверие, как вообще постоянному члену, для полного же доверия необходима рекомендация Исполнительного Комитета.

Уполномоченные агенты.

§ 53. В местах, где за малочисленностью не может быть образован местный отдел, центр ведет дело через уполномоченных агентов, которых или избирает на месте или нарочно назначает из числа запасных агентов.

§ 54. Правообязанности уполномоченного агента те же, что и местного отдела с ограничением в следующем:

Они не имеют права:

а) Принимать новых членов и испытуемых агентов.
б) Начинать самостоятельно дело освобождения и
в) Расходовать выше сметной суммы.
Во всех означенных делах должно быть испрошено согласие центра.

Примечание. Если желающий бежать имеет свои средства, то уполномоченный агент может оказать ему содействие в побеге, не спрашивая согласия центра при условии не подвергать риску как себя, так и других лиц, которые окажут бегущему дальнейшую помощь.

§ 55. Уполномоченный агент не может выйти из Общества или перейти в другой отдел прежде, чем сдаст свои дела заменившему его место.

Члены Общества, притоны, шифры, имеющиеся связи и самая организация Общества составляют тайну его, и обнаружение ее перед посторонними есть преступление против организации.

III.

I. Из показания С. С. Златопольского 4 мая 1882 г.

Зовут меня Савелий Соломонович Златопольский. Признав свою принадлежность к партии «Народной Воли», я, в дополнение к предъидущему показанию своему, излагаю в нижеследующих строках задачи партии, как они представляются мне.

Партия «Народной Воли» по существу своему не есть фракция русской социально-революционной партии, как это принято было понимать до последнего времени; она сама по себе включает строго определенные задачи, обнимающие собою интересы народа и его благо. Будучи по основным своим воззрениям социалистическою, в научном смысле этого слова, партия «Народной Воли» признает основным своим догматом — необходимость ввести народное представительство в русскую государственную жизнь и сделать народную волю ее верховным принципом. Поскольку современное государство враждебно этому принципу — постолько партия «Народной Воли» революционна. В общей терминологии принято задачи партии «Народной Воли» определять — «политическим переворотом»; этот термин указывает лишь на господствующее убеждение в рядах социалистов, что правительство отрицает необходимость такого status quo, которое признает партия. Таким образом вопрос о совместимости народоправления с монархией, с принципиальной его стороны, решается в положительном смысле, подтверждением чему служит письмо императору от 10 марта.

Конкретно — ближайшие задачи партии будут осуществлены, когда созван будет Земский Собор, с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особою

монарха. Что же касается средств, которыми располагает партия, то они, с точки зрения закона, все «преступны»: 1) критика существующего порядка, вернее — политического строя, 2) пропаганда идеи политического переворота, в том его смысле, в каком я выше пояснил, и 3) организация сознательных сторонников партии в такую силу, которая в глазах правительства приобрела бы значение и вес. Террора же, как средства борьбы п а р т и й н о г о, признаваемого всеми членами партии «Народной Воли», — нет. Не все народовольцы — террористы и, в свою очередь, не все террористы — народовольцы. Иначе говоря, террор не есть система, которую практиковала до сих пор партия, а в каждом отдельном случае проявление террора обусловливается сочетанием ч е л о в е к а и п о л и т и к и п р а в и т е л ь с т в а. Ясно, что и цареубийства, как системы, в партии также нет, как нет вообще и каких бы то ни было предрешенных политических убийств, демонстраций и пр. Никогда партия, в ее целом, не решает вопросов, каждый замысел, каждое революционное предприятие возникает по инициативе ограниченной группы людей и остается тайной для партии до проявления того [или иного?] замысла или предприятия. Партия включает в себе понятие об единстве миросозерцания по общим вопросам, и в этом смысле каждый признавший 1, 2 и 3 пункты программы действия является фактическим членом партии; организация же «Народной Воли» есть часть партии, и в ней нужно подразумевать и подмечать единство действий; по условиям своей деятельности, деятельности пропагандиста, я стоял слишком далеко от организации «Народной Воли» и о ней никаких новых сведений дать не могу, кроме того, что случаи, подобные Меркулову, возбудили в партии оживленные стремления и энергичные усилия отрешиться от тех организационных ошибок, которые ведут за собою несвоевременную гибель десятков деятелей.

2. Показание С. С. Златопольского 23 сентября 1882 г.

Зовут меня Савелий Златопольский. Со времени выхода моего из Технологического института в 1875 году — я проживал в г. Николаеве, занимаясь уроками и отчасти литературным трудом. Сочувствуя революционному движению, выразителем которого был журнал «Вперед», сочувствуя ему по общей его тенденции — призыв интеллигенции на помощь народу, — я в то же время находил, что теоретическая сторона учения страдает уклонением в чересчур отдаленное будущее, вопросы которого, главным образом, разрабатывал журнал. Это обстоятельство, в связи с сознанием необходимости личного серьезного развития и знакомства с современной русской жизнью во всех ее проявлениях, побудили меня в бытность мою в Николаеве замкнуться и жить отшельником. Совершенно случайно, по литературным отношениям своим к «Николаевскому Вестнику», я столкнулся в 1876 году с корректором его И в а н о м К о в а л ь с к и м (казненным в Одессе

в 1878 году). Это было первое мое основательное знакомство с практическим деятелем. Ковальский также оказался человеком, не разделявшим тенденций лавризма и упрекавшим его теорию в шаткой постановке, вследствие кабинетности ее, разобщения с русской народной жизнью. В этом смысле Ковальский нашел во мне единомышленника, так как на «хождение в народ» я смотрел, с одной стороны, как на очистительную жертву за грехи отцов, а с другой — как на депутацию от интеллигенции к народу, представлявшим [1]) своего рода «terra incognita». Практическая деятельность Ковальского выражалась исключительно в изучении штундизма, как самостоятельного духовно-нравственного движения в малорусском народе, в отыскании причин возникновения и крайне быстрого распространения этого учения. К этой деятельности примкнул и я после некоторой подготовки в этом направлении. В конце 1876 года Ковальский уехал в Одессу, избегая, как он выразился, «ежемесячных позорных осмотров до-гола в полиции», а в начале 1877 года я уехал на некоторое время в Одессу, а затем в Калужскую губернию для изучения однородного штундизму учения так наз. «воздвиганцев» в среде великорусского населения. В конце того же года приехал в Петербург для свидания с своим братом и столкнулся у него с Софьей Перовской, а потом независимо уже и с некоторыми другими подсудимыми процесса 193. Процесс тем более имел глубокий интерес для меня, что большинство подсудимых было арестовано, как в бытность свою в народе, так и при деятельности сообразно программе журнала «Вперед». Определенного вывода [2]) о переломе во взглядах трудно было сделать, но ясно было, что все слабые стороны лавризма оценены по достоинству и что в нарождавшемся направлении исходной точкой программы будет русская жизнь, во всем ее отличии от жизни западно-европейской. Первую половину 1878 года я провел в занятиях в Публичной библиотеке и уехал в Одессу ко времени суда над Ковальским, где и проживал легально, не скрываясь, до повальных административных ссылок, введенных ген.-губ. Тотлебеном. Возникшая в этот период газета «Земля и Воля», хотя и больше, чем «Вперед», соответствовала моим взглядам, но по своей отчужденности от вопросов чисто политического характера и по преобладанию в ней элементов чисто социалистических не привела к сближению с существовавшими в то время в Одессе кружками «землевольцев». Разногласие коренилось, главным образом, в оценке той роли, которую играет государство в сознании и жизни народа, и тех общих задач, которые партия ставит на очередь. Руководящим взглядом моим было признание за социализмом значения вероисповедания партии и отвести ему соответственное место [3]); ближайшая задача — существующий строй политической жизни видоизменить настолько, чтобы народ получил возможность участвовать в решении вопросов обще-русской

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Так в подлиннике.

жизни, т.-е. формулировал я: революционная партия не упраздняет ни государства, ни религии, ни собственности, ни семьи, а, исходя из существующего политического и общественного строя, должна все силы направить к введению в России представительных народных учреждений.

Мои воззрения вышеизложенные ставили меня в положение, изолированное от всей «землевольческой» одесской публики, и отсюда же проистекает целый ряд знакомств, имевших задачей выяснить и отстоять эту точку зрения. Так, в конце 1878 года я познакомился с Михаилом Грачевским, а потом и с Андреем Желябовым; были беседы, не приведшие, впрочем, к соглашению по основным вопросам программы; знакомство это было непродолжительно, так как Грачевский был сослан, а Желябов скрылся. Деятельность моя в Одессе за все время пребывания посвящена была пропаганде идеи политического переворота в том его смысле, как я выше упомянул. Вплоть до июля 1879 года я не приобрел никаких новых знакомств с лицами уже осужденными, — и, кажется в июле, я познакомился с Николаем Колодкевичем и через него я впервые имел возможность ознакомиться с характером тех взглядов, которые были преобладающими в С.-Петербурге; он же сообщил мне, что новое направление имеет выразиться в органе «Народная Воля», программу которого он изложил на словах и в общих чертах. Частые разъезды его мешали более близкому знакомству с программой. С получением лишь 1-го № «Народной Воли» и с поселением Колодкевича на жительство в Одессе, знакомство с ним и его взглядами приняло более деятельный характер. Солидарность во взглядах лично с Колодкевичем оказалась полная, хотя полученная впоследствии программа Исп[олнительного] Ком[итета] несколько нарушила эту солидарность в виду отсутствия прямого заявления о политическом перевороте, как задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуществлением социалистических идеалов; посещая квартиру Колодкевича, я встречал разных лиц, разновременно, при чем ни фамилии их, ни деятельность их мне неизвестны. К этому же периоду относится знакомство с Колодкевичем Герасима Романенко чрез мое посредство; знакомство это состоялось в виду заявленного со стороны Романенко желания поговорить с «иноземцем», разделяющим необходимость представительных учреждений в России. В августе месяце 1879 года приехал в Одессу Гольденберг, с которым я был знаком еще в Петербурге в 1874 г.; на бульваре меня свел с ним Колодкевич, и встреча эта ограничилась самым обыкновенным разговором. По каким делам приехал Гольденберг, я не знаю и больше его не видел за этот приезд. В начале ноября он опять приехал в Одессу — прямо на квартиру Колодкевича, о чем я узнал на другое утро при свидании с Колодкевичем, заявившим мне, чтобы я принес данные им чрез меня на хранение 500 рублей; явившись на квартиру, я не застал Колодкевича, а одного только Гольденберга, а затем пришел и Романенко, в присутствии

которого завязался разговор обыкновенного революционного содержания, при чем продолжался до прихода Колодкевича, которому я и вручил деньги. (Романенко был с Колодкевичем познакомлен мною незадолго до приезда Гольденберга.) Больше я не виделся с Гольденбергом в присутствии Романенко, а в отсутствии последнего я видел его в ресторане «Славянской гостиницы», вместе с Колодкевичем, куда последний приходил обыкновенно ужинать. Таким образом, встреча с Гольденбергом в ноябре месяце ничем по характеру своему не отличалась от встречи в августе месяце, и показание Гольденберга относительно бывшего у него со мною и Романенко разговора о приготовлениях к покушению в Москве является с его стороны ложным оговором, вызванным, вероятно, неприязненным его ко мне отношением.

Савелий Златопольский.

Из записной книжки архивиста.

Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 г.г.

(Письмо бар. Лессепса Таллейрану.)

Верхи русского общества привлекали внимание иностранцев, посещавших малознакомую и во многом диковинную северную монархию, издавна: еще со времен Московского государства исследователь встречает среди исторических материалов ряд характеристик, часто очень резких и метких, правящих кругов России. Одной из таких является и предлагаемое письмо на имя знаменитого Таллейрана [1]).

В России знали об этом письме, несмотря на то, что оно, очевидно, предназначалось не для широкого распространения: еще в 1805 г. некий эмигрант и тайный агент Бурбонов, шевалье д'Антрэг, писал князю Адаму Чарторыйскому, что он перехватил письмо, и сообщал князю некоторые из него частности [2]); в 1830—31 г.г. князь Василий Викторович Кочубей [3]), сын известного сотрудника Александра I кн. Викт. П. Кочубея, затронутого также в письме, будучи с дипломатическим поручением в Дрездене, снял в дрезденских архивах с письма копию. Наконец, исследователь времени Александра I, Н. К. Шильдер, указал на существование в Госуд. Архиве — очевидно копии — письма, привел из него характеристику Г. Р. Державина, но не использовал его совершенно в своем труде. Последнее замалчивание объясняется, конечно, тоном сообщений письма, дающих очень безотрадную картину стоявших у власти лиц в первые годы царствования Александра I, сообщений, может быть, в известной степени и субъективных, но, во всяком случае, — ярких и образных.

Автор письма устанавливается упомянутым выше письмом шевалье д'Антрэга: это был барон де Лессепс [1]), торговый агент французского правительства в С.-Петербурге; датировка письма — конец 1802 г., начало 1803 г. (очевидно, вскоре после ухода с поста морского министра гр. Н. С. Мордвинова и до отставки министра юстиции Г. Р. Державина). — Для живого, энергичного и деятельного француза много было удивительного в совершенно чуждой для него, пышной, полуазиатской среде, а определенное англофильство некоторых из сановников наложило на его характеристики их безусловный отпечаток пристрастности. Однако, даже принимая во внимание последнее обстоятельство,

---

[1]) Де Таллейран-Перигор, Шарль-Морис, виконт, князь Беневентский, герц Дино, р 1754 г. ум. 1838 г. При Наполеоне, после 18 брюмера, — министр иностр. дел.

[2]) В. кн. Николай Михайлович, «Граф П. А. Строганов (1774—1817)», т. I, СПБ. 1903, стр 113.

[3]) Кочубей, Вас. Викт., кн., р. 1812 г., ум. 1850 г., известный коллекционер-нумизмат, потом попечитель Петербургского учебного округа.

[1]) Де Лессепс, Жан-Батист-Бартелеми, бар., госуд. деятель и путешеств., р. 1766 г., ум. 1834 г., назначен 8 марта 1802 г. главным коммерч. агентом в СПБ (Commissaire général des relations commerciales).

все же в послании Лессепса остается для читателя богатый, крепко выжатый экстракт из всего, что по крохам разбросано в других показаниях современников. К сожалению, язык донесения излишне цветист и вычурен — автор явно склонен к антитезам и другим риторическим приемам и далеко не прочь щегольнуть витиеватым выражением, иногда в ущерб смыслу.

Донесение Лессепса дошло до Наполеона — д'Антрэг, видевший подлинник письма, уверяет кн. Ад. Чарторыйского, что на нем была помета секретаря Бонапарта Буреенна: «M-r de Talleyrand temoigne à Lesseps ma satisfaction de cette lettre et l'assurera de ma bienveillance et de ma confiance. Signé: Bonaparte» [1]). Повидимому, и в России придавали ему значение: недаром юноша Кочубей, очевидно по приказу отца, разыскал и списал его в архиве... Нелишней поэтому будет, думается, и настоящая его публикация.

Донесение Лессепса издается в переводе с копии, сделанной кн. Вас. Викт. Кочубеем и хранящейся в фамильном архиве Всеволожских (Ленинградский Центр. Ист. Архив, Архивохранилище Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел); копия на 4 листах почтовой бумаги крупного формата, сшитых тетрадкой, с пометой на обложке: «Lettre à M-r de Talleyrand, tirée des archives de Dresde». Бумажный водяной знак — «1814».

П. Садиков.

Гражданин министр!

Представляю вам мои наблюдения и характеристики лиц, с которыми мне приходится жить и работать. Представляю их вам скорее как объект для забавы, чем для работы и размышлений. Двор, кабинет и министры в Петербурге — все люди известные, имеющие вес, и горе тому, кто в течение двухнедельного пребывания среди них не оценит их по их настоящей стоимости. Для наблюдателя, действенного уже в силу своего долга, в силу самого положения своего преданного общественному благу, страстно его желающего, ничто, конечно, не представляется столь странным, как проявляемая повсюду и каждым значительным лицом медлительность и фразы, лишенные содержания и выводов. Я принимал в начале за меры осторожности то, что оказалось лишь безрассудством и бездарностью. Я ошибочно полагал, что имею дело с прекрасно продуманными планами и самыми мудрыми проектами; на самом же деле во всем этом скрывался лишь тупой эгоизм и в конце концов равнодушие. Император в такой же мере тяготится своим положением, в какой министры тяготятся своими обязанностями, внушающими им отвращение. Первый царствует так же как булочник печет свой хлеб: он делает это, как бы отбывая барщину. Министры ненавидят друг друга, враждуют между собой, друг друга презирают. Слишком ограниченные, слишком ничтожные сами по себе, нимало не способные руководить государем, который им не доверяет, они не могут друг друга опрокинуть, но взаимно друг другу вредят; ни один из них не пользуется уважением императора и все имеют одинаковое влияние. Они возвышаются, терпят поражение, пытаются противодействовать, в свою очередь терпят противодействие и ни о чем не говорят так охотно, как о своих отставках. Таковы они в целом; посмотрите теперь каждого в отдельности.

В о р о н ц о в [1]), глава министров, является тем лицом, относительно которого делают вид, что с ним более всего советуются и которого в сущности слушают менее всего. Он превосходно отвечает тому представлению, которое вы мне [о нем] дали, но в настоящее время вся его энергия, ослабленная возрастом и болезнями, выражается только в непомерном личном честолюбии, тем более низком, что оно обращено только на его соб-

*) (Г-н де Таллейран засвидетельствует Лессепсу мое удовольствие по поводу этого письма и удостоверит его в моей благосклонности и моем доверии. Подписал: Бонапарт.)

ственные выгоды и на преуспеяние своих близких. Два племянника, Татищев [2]) и Бутурлин [3]), обремененные долгами и преступлениями, являются его интимнейшими клевретами: оба они — низкие царедворцы, бесчестные шпионы, — доносят ему по вечерам обо всем, что им представляется способным его позабавить, запугать и, главное, удержать его на месте. Он проявляет очень большое желание возвратиться к своему мирному существованию, но никто не подходит на его место и он уже слишком слаб, чтобы стряхнуть иго своих пошлых льстецов, которые только и держатся благодаря своему дядюшке. Последний отнюдь не преследует интересов общественного блага и, кажется, пока Воронцов будет иметь власть, — петербургский кабинет будет в руках того, кто больше предложит. Столь же жадный до прибыли, сколь беззаботный в остальном, он не имеет иных расчетов, кроме расчетов собственной выгоды. Он — фальшив по натуре, вероломен из принципа, спокоен из расчета, плохой гражданин, плохой друг, отвратительный министр, внушающий страх и презрение, недоступный и пресмыкающийся, надменный и раболепный, сообразно обстоятельствам и людям, в настоящий же момент разбитый параличом, что ставит его более чем когда-либо в зависимость от его племянников.

К о ч у б е й [4]) обладает известными достоинствами, достаточными для того, чтобы в качестве придворного играть роль при дворе в Мадриде, Лиссабоне или Дрездене, но у него нет и признака тех способностей, которых требует значительность его положения; он не плут, хотя малороссы редко бывают лишены этого порока, он, как и император, очень хотел бы блага, но у него нет и намека на понимание своей должности и своих обязанностей. Он полагается на своих канцеляристов, у которых привычка и навык к канцелярской работе заменяют способности [5]). Все предоставлено на разграбление, все в империи продажно и [человек] достойный, но слабый постоянно бывает жертвой богача-интригана.

Д е р ж а в и н [6]) — министр юстиции или генерал-прокурор. не знает иного языка, кроме своего, — говорят, хороший поэт, но министр-поэт никогда не будет ни Сюлли [7]), ни Шапталем [8]); он и не похож на них. Это пес Фемиды, которого берегут, чтобы спустить против первого встречного, не понравившегося министерской шайке; но он мало выдрессирован и часто кусает даже своих товарищей, которые многое дали бы, чтобы его погубить.

Министр просвещения [9]) сам погружен во мрак XV века, педант и софист, царедворец и философ, игрок и рогоносец, имеющий самодовольный вид и ничтожные способности; он более других стремится налагать на все свое veto, в действительности же он имеет наименьшее значение. Он также только обременяет свою отрасль управления, которую считают мало существенной, так как она наименее прибыльна.

Г р . Р у м я н ц е в [10]) — министр торговли — был когда-то во Франкфурте и около правящих кругов; этим, конечно, исчерпываются все его способности; руководимый хорошим секретарем, он мог бы там оставаться без ущерба для своего государства; занимаемое же им ныне положение не только, конечно, превышает его способности, но никогда у него не было даже и самого отдаленного понятия о торговле. Находясь с ним часто в сношениях, я никогда не уходил от него без чувства крайнего недоумения, вызываемого каждый раз тысячью новых проявлений пошлости и доказательств его бесконечной глупости; он говорит много, но это — болтовня старой вандейской дворянки [11]). Сказанное им невозможно ни повторить, ни удержать. Однако вот такое смешное и ограниченное творение находится во главе торговли, сухопутных и водных путей сообщений.

Министр финансов В а с и л ь е в [12]) — существо одинокое и вышедшее из канцелярии прежнего министра финансов князя Вяземского [13]). Он обделывает значительно лучше свои дела, чем государственные; я никогда не говорил с ним иначе, как через переводчика, и был гораздо более дово-

лен его манерой рассуждать, чем его образом действий.

Военный министр Вязмитинов [14]) — ничтожество. По основным законам [15]) сам император является военным министром и ведает этой отраслью управления; она во всем так же плоха, как и остальное. Его брат [16]) разделяет с ним, эту важную обязанность и они находят, что покрой какого-нибудь платья, поля шляпы и изящество какого-нибудь экзерсиса на параде составляют всю тактику. Нет старого офицера, который бы не боялся войны; нет ни одного молодого военного фаворита, который бы ее не желал. Первый с грустью наблюдает наступившие вдруг перемены; вторые — этим восхищены.

Скоро, быть может, увидят разницу, и тогда решится, является ли она на пользу страны или врага [17]).

Министр морской, Мордвинов [18]), уволен, так как его место было необходимо, и оба Воронцовы [19]) стремились изо всех сил доставить его одному молодому контр-адмиралу по имени Чичагову [20]), англичанину по духу, англичанину по связям и обязанному англичанам; как и Воронцовы — изворотливому интригану, умному, но целиком презираемому своими сотоварищами-моряками, теперь его подчиненными.

Товарищи министров — надежда е. в. Он [21]) очень хочет видеть их на месте стариков, которых он презирает, так как знает их, но он не отдает себе отчета в том, что молодых он ценит именно потому, что не знает их.

Строгонов [22]) — управляющий внутренними делами вместе с Кочубеем, — имеет ум, достоинства и, может быть, это один из лучших. Он обожает первого консула [23]) и в своем энтузиазме говорил сто раз, что он предпочел бы лучше быть простым адъютантом Бонапарта, чем первым министром Александра.

Чарторыйский [24]) — поляк. Его рождение и обстоятельства несомненно возвели бы его фамилию, без императрицы Екатерины, на трон Польши. Он этого не забыл и всегда будет это помнить, питая вечную злобу к русским, которых он проклинает, к императору, которого он обманывает, и к министрам, которых он презирает, но он всегда остается сам собою — и в том, чем он будет, и в том, что он сделает...

Остальные не заслуживают чести быть названными: интриганы или, скорее, люди без идей, без желаний, без ума, без каких-либо талантов, кроме одного: способности пресмыкаться и сохранять за собой место. Таковы суть: Гурьев [25]), Голицын [26]), Бутурлин и т. п.

Примечания.

1. Воронцов, Александр Романович, гр., р. 1741 г., ум. 1805 г., сначала в военной службе, с 1761 г. — поверенный в Вене, затем в Англии; при Екатерине II — сенатор и президент коммерц-коллегии, но находился вдали от двора; при Павле I — в отставке; в 1802 г. — государственный канцлер и министр иностранных дел. Воронцов был сторонником союза с Австрией и Англией против Наполеона, способствуя разрыву с Францией. Александр I относился к гр. А. Р. Воронцову неприязненно (см. в. кн. Николай Михайлович, «Гр. П. А. Строганов», т. I, СПБ. 1903).

2. Татищев, Дмитрий Павлович, р. 1767 г., ум. 1845 г., двоюродн. племянник гр. А. Р. Воронцова, д. т. сов., обер-камергер, член Гос. Сов., сенатор, крупный дипломат, участник почти всех конгрессов.

3. Бутурлин, Дмитрий Петрович, гр. р. 1763 г., ум. 1829 г., родной племянник гр. А. Р. Воронцова, известный коллекционер рукописей и владелец библиотеки, сгоревшей в 1812 г.

4. Кочубей, Виктор Павлович, гр. (с 4/IV 1799), с 1831 г. — князь, р. 1768 г., ум. 1834 г., видный госуд. деятель, дипломат, посол в Константинополе (1793—98 гг.), вице-канцлер, друг Александра I, член «Негласного комитета», в 1801—1802 г. — президент коллегии иностр. дел, в 1802 г. — 1807 г. — министр внутренних дел. Его помощником был гр. П. А. Строганов. В 1792 г. В. П. Кочубей предполагал, действительно, поехать в Лиссабон и Мадрид; в 1800—1801 гг. — он проживал в Дрездене.

О кн. В. П. Кочубее см. биографию его, написанную проф. Н. Д. Чечулиным в «Русском биограф. словаре».

5. «Канцеляристы» у кн. Кочубея были выдающиеся — гр. М. М. Сперанский, Балт. Кампенгаузен (известн. своими трудами на немец. яз. о России) и Габлиц, Карл Ив., участник экспедиции акад. Гмелина и также автор ряда научных трудов.

6. Державин, Гавриил Романович, р. 1743 г., ум. 1816 г., известный поэт, сенатор, министр юстиции в 1802—1803 гг.; его заносчивость и резкие приемы на этому посту, а также консерватизм в вопросе о законе о «вольных хлебопашцах» поссорили его с «Негласным комитетом» Александра I и принесли ему отставку.

7. Сюлли, герцог (Максимилиан де Бетюнь, герц. де Сюлли), р. 1559 г., ум. 1641 г., знаменитый французский госуд. деятель, министр и помощник короля Генриха IV.

8. Шапталь, Жан-Антуан, граф де Шантелу, р. 1756 г., ум. 1832 г., известный французский химик; был с 1800 г. мин. вн. дел при Наполеоне I.

9. Завадовский, Петр Васильевич, гр., р. 1739 г., ум. 1812 г., бывший фаворит имп. Екатерины II (об его переписке с ней см.: Я. Л. Барсков, «Письма Екат. II к П. В. Завадовскому», «Русск. Ист. Журн.», кн. 5), при Павле I — в опале; мин. нар. просв. 1802 — 1810 гг., открывший ряд учебных заведений (университеты в Харькове, Казани, Дерпте, Педагогический институт в С.-Петербурге); при нем выработаны новые уставы для университетов, Академии Наук, духовн. академий и цензурный устав (1804). Ленивый и любитель вина, Завадовский вызывал отрицательное к себе отношение Александра I, называвшего его «un vrai mouton» («сущая овца») и ничтожеством. (Н. К. Шильдер, «Имп. Александр», т. II, СПБ, 1897, стр. 96).

10. Румянцев, Николай Петрович, гр., р. 1754 г., ум. 1826 г., канцлер (1809 — 1814 гг.), мин. коммерции (1802 — 1814 гг.), мин. ин. дел (1808 — 1814 гг.). Ранее своего министерства Румянцев был с 1781 г. полномочным мин. (послом) при курфюрстском округе Нижнего Рейна и при многих других владетельных князьях ближайших округов Германии (с пребыванием во Франкфурте) до 1795 г., играя довольно большую роль в германских делах и одно время состоя послом при «регенте Франции» гр. Прованском (эмигранте, брате Людовика XVI). — Современники (Н. И. Греч, кн. А. А. Прозоровский, Н. Н. Новосильцов, Бунина) очень резко отзывались о Румянцеве, считая его неспособным, говоруном, глупцом, безумцем и т. п. (см. П. Майков, «Румянцев, Н. П., гр.» — «Русский биограф. словарь»).

11. В подлиннике: «...c'est une langue d'une vieille marquise du Marais». Le Marais — местность в Вандее, французской провинции, известной своим реакционным дворянством.

12. Васильев, Алексей Иванович, гр., р. 1742 г., ум. 1807 г., обер-секретарь Сената, участник Комиссии уложения при Екатерине II; при Павле I — директор медицинской коллегии, сенатор и государственный казначей, затем в опале; при Александре I Васильеву возвращена должность госуд. казначея, а с учреждением министерств — он назначен мин. финансов.

13. Вяземский, Александр Алексеевич, кн., р. 1727 г., ум. 1793 г., генерал-прокурор, несший обязанности и государственного казначея. Его правою рукою в финансовых вопросах и близким по родству человеком был А. И. Васильев. Кн. Вяземского документ ошибочно называет «министром финансов».

14. Вязмитинов, Сергей Кузьмич, гр., р. 1744, ум. 1819 г.; начав с военной службы, он затем был могилевским губ.; по усмирении уфимских киргизов — губернатор оренбургский; при Павле I — Вязмитинов был в опале; в 1802 г. назначен военным министром, с 1805 г. также и петербургский главнокомандующий по охране спокойствия в столице; в 1812—1819 гг. — мин. полиции.

15. В подлиннике — «par la constitution».

16. Константин Павлович, вел. кн., цесаревич, р. 1779 г., ум. 1831 г., с 1801 г. — председатель «воинской комиссии».

17. О военщине при Александре I см., напр., в записках А. С. Шишкова, т. I., стр. 84—85; также: А. Е. Пресняков, «Александр I», П. 1924, стр. 33—34.

18. Мордвинов, Николай Семенович, гр., р. 1754 г., ум. 1845 г., адмирал, известный экономист и государственный деятель. Морским министром был всего три месяца (с 8 IX 1802). Его помощником был к.-адм. П. В. Чичагов (О Н. С. Мордвинове см.: акад. В. С. Иконников, «Граф Н. С. Мордвинов», СПБ, 1873 г.).

19. Канцлер гр. Ал. Ром. Воронцов и его брат, посол в Англии, гр. Семен Романович (р. 1744 г., ум. 1832 г.).

20. Чичагов, Павел Васильевич, контр-адмирал, р. 1765 г., ум. 1849 г., бывший товарищ гр. Н. С. Мордвинова, заменил его в мин. 31/XII 1802. Он, действительно, был англоманом и был встречен резким антагонизмом со стороны командного состава флота; современники отзываются о нем с большою неприязнью (В. С. Иконников, op. cit., стр. 66—69 и Н. К. Шильдер, «Император Александр I,» т. II, СПБ, 1897, стр. 114—115).

21. Очевидно — Александр I.

22. Строганов, Павел Александрович, гр., р. 1774 г., ум. 1817 г., близкий друг имп. Александра I, член «Негласного комитета», тов. мин. внутр. дел с 1802 г. Энтузиаст-мечтатель, он был в юности членом Якобинского клуба в Париже (о нем см.: вел. кн. Николай Михайлович «Граф П. А. Строганов», тт. I—III, СПБ, 1903 г.).

23. Наполеон Бонапарт — «Первый консул Французской республики» — 1799—1804 гг.

24. Чарторыйский, Адам, князь, р. 1770 г., ум. 1861 г., друг Александра I, член «Негласного комитета», тов. мин. ин. дел (1802 — 1804), затем, с уходом гр. А. Р. Воронцова, — мин. ин. дел, автор известных «Мемуаров». Его характеристику см. в указ. сочинениях Н. К. Шильдера и в. кн. Николая Михайловича. В 1807 г. Чарторыйский отошел от участия в госуд. управлении, в 1830 г. примкнул к восставшим полякам и эмигрировал.

25. Гурьев, Дмитрий Александрович, гр., р. 1751 г., ум. 1825 г., служил в Сенате, затем тов. мин. финансов (1802—1810 г.), с 1806 по 1810 г.— мин. уделов, с 1810 г.— мин. финансов.

26. Голицын, — вероятно — кн. Александр Николаевич, р. 1773 г., ум. 1844 г., близкий друг Александра I.

Петиция литераторов Николаю II в 1895 г.

20 октября 1894 г. закончилась 18-летнее царствование Александра III, исполненное самой мрачной реакции и усиленных репрессий. К этому времени сознание необходимости коренного изменения нашего политического и административного строя созрело в прогрессивной части общества. Казалось, что со вступлением на престол нового императора должна была воцариться и долгожданная «весна». Хотя ни малейших шагов к смягчению реакционного направления сделано не было, хотя все орудия бюрократического и полицейского гнета продолжали существовать попрежнему, тем не менее среди литературного и ученого мира появились неясные надежды и упования. Находя совершившуюся перемену царствования наиболее благоприятным моментом для выступления, представители ученых и литературных кругов обратились 8 января 1895 г. к императору Николаю II с петицией, в которой ходатайствовали о «принятии русской литературы под сень закона... дабы русское печатное слово, подчиненное лишь закону, огражденное от непосредственного воздействия светской и духовной цензуры, могло послужить славе, величию и благоденствию России». К петиции была приложена особая записка, где в ярких красках изображалось бесправное положение печати и приводилась критика действующих о ней законополо-

жений, с указанием целого ряда злоупотреблений, совершавшихся под прикрытием закона. Вместе с этим записка намечала ряд желательных улучшений в законах о печати, т.-е. отмену предварительной цензуры, стеснительных циркуляров и всякого рода административных воздействий и кар, концессионной системы выпуска в свет повременных изданий и установления ответственности виновных за преступления путем печати исключительно по суду; в заключение авторы записки указывали, что «с осуществлением этих улучшений умственная жизнь России войдет в правильные, устойчивые нормы, а созданная почином Петра Великого печать, верная заветам гениальнейших представителей русской литературы, получит возможность оберечь себя от порчи, которая начала вкрадываться в нее в последние годы под действием постановлений, заимствованных из наполеоновской Франции и извративших французскую журналистику в такой мере, что в настоящее время потребовались особые усилия для очищения ее от дурной накипи. Законность и правосудие избавят русских писателей от ярма, налагаемого на печать промышленною предприимчивостью и угодничеством перед низменными вкусами. Освобожденное от излишних стеснений слово будет неизменно сеять «разумное, доброе, вечное» [1]).

История подачи петиции и ее текст приведены в статье Пантелеева «Либеральная петиция 1895 г.», напечатанной в «Современнике» за 1913 г., ч. 4. Статья эта заканчивается указанием, что петиция была отклонена, но в ней ничего не говорится о тех «глубоких» соображениях и доводах, на основании которых правительство сочло возможным не только оставить петицию без последствий, но и усмотреть в ней одно из проявлений крамолы.

Петиция вместе с запиской была передана Николаем II на рассмотрение и заключение особого совещания из министров внутренних дел (Дурново, И. Н.), юстиции (Муравьева) и обер-прокурора синода (Победоносцева). Совещание это было признано, очевидно, наиболее компетентным по вопросу о предоставлении печати свободы, так как именно подобному совещанию из министров внутренних дел, юстиции и обер-прокурора синода закон предоставил право безапелляционного прекращения периодических изданий, не угодивших правительству или казавшихся ему опасными. Насколько надежды и мечты подписавших петицию могли осуществиться и чего должно было ждать от совещания, в которое входили такие лица, как Дурново или Муравьев, и такой яркий реакционер и гаситель всякого проблеска независимой мысли, как Победоносцев, — это показали рассуждения совещания и решение, к которому оно пришло.

Совещание имело лишь одно заседание 18 марта 1895 г. Журнал его, сохранившийся в делах бывшего глав-

[1]) Фамилии лиц, подписавших петицию, — М. Альбов, С. Андреевский, М. Антонович, К. Арсеньев, К. Баранцевич, В. Бильбасов, А. Бекетов, Е. Белов, М. Бродовский, П. Вейнберг, М. Ватсон, Е.Водовозова, С. Венгеров, князь М. Волконский, А. Вольф, П. Висковатов, И. Василевский, М. Свешников, Д. Григорович, Г. Градовский, Е. Гаршин, В. Гайдебуров, Я. Гуревич, Н. Гарин (Михайловский), А. Трачевский, М. Загуляев, В. Зотов, К. Станюкович, В. Манасеин Н. Кареев, Н. Михайловский, В. Семевский, А. Кауфман, В. Мякотин, Е. Щепкина, Н. Котляревский, В. Яроцкий, В. Лашкин, Л. Оболенский, А. Скабичевский, А. Хирьяков, Г. Потанин, М. Меньшиков, Н. Рубакин, А. Слепцов, С. Южаков, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Пантелеев, С. Кривенко, Р. Минцов, С. Щепотьев, В. Спасович, Н. Лесков, А. Субботин, Р. Сементковский, Евт. Карпов, В. Лесевич, С. Шубинский, О. Нотович, В. Чуйко, П. фон-дер Флит, Л. Полонский, О. Шапир, М. Песковский, А. Тихонов-Луговой, Н. Лейкин, Д. Мордовцев, В. Сиповский, А. Пятницкий, В. Немирович-Данченко, В. Михневич, С. Булич, С. Смирнова, А. Поповицкий, М. Коялович, В. Лебедев, М. Слонимский, Н. Вагнер.

ного управления по делам печати, представляет собою один из наиболее ярких и характерных документов начальных годов царствования последнего Романова.

Совещание, по словам журнала, «обратило прежде всего внимание на подписи лиц, находящиеся под прошением. Оказалось, что только три редактора периодических изданий приложили к нему руку: Нотович (газета «Новости»), Гайдебуров (журнал «Неделя») и Вольф, редактирующий журнал «Новь». Редакторы периодических изданий, отличающихся благонамеренным направлением, уклонились от всякого участия в этом ходатайстве, которое, таким образом, является делом лишь одного лагеря, наиболее видными представителями коего в настоящем случае выступили: Бильбасов, один из главнейших руководителей газеты «Голос», причинявшей в свое время огромный вред; Григорий Градовский, постоянный сотрудник того же издания, который восторженно приветствовал Веру Засулич, покусившуюся на жизнь генерала Трепова, и заявил печатно, что в этом событии он видит наступление новой счастливой эры для России; Леонид Полонский, бывший редактор журнала «Страна», подвергавшегося строгим карам и, наконец, вовсе запрещенного. Что же касается значительного большинства других имен, выставленных под просьбой, то они вовсе неизвестны.

Задача просителей состоит в том, чтобы выставить в самом мрачном свете положение нашей печати, будто бы угнетаемой административным произволом, и доказать необходимость пересмотра действующих ныне цензурных правил. По мнению их, следовало бы утвердить у нас такой порядок вещей: 1) повременные издания, а также книги, должны быть повсеместно — в столицах и в провинции — освобождены от предварительной цензуры светской и духовной; 2) нет необходимости испрашивать разрешений на издание газеты или журнала; достаточно, чтобы всякий, кто желает заняться таким делом, заявлял о сем надлежащей власти; отказ ему был бы равносилен лишению или ограничению его гражданских прав; 3) всякие административные взыскания, вошедшие в действующее ныне законодательство о печати, как, например, предостережения, запрещения розничной продажи газеты или печатания в них газетных объявлений, подлежат отмене; 4) взыскания за правонарушения, совершаемые путем печати, должны быть налагаемы исключительно по суду. Если бы, — говорят просители, — дарованы были такие льготы нашей печати, то она сделалась бы, наконец, независимою в настоящем смысле слова, будучи подчинена лишь ограничениям закона и воздействию суда; она приобрела бы право не завидовать просвещеннейшим государствам Европы. Выражая такие пожелания, составители записки, приложенной к прошению на высочайшее имя, упускают из виду коренное различие между государственными учреждениями России и Западной Европы; очевидно, они не прониклись глубоким смыслом знаменательных слов, с которыми его величество государь император соизволил обратиться 17 января сего года к депутациям дворянств, земств и городов.

Если бы осуществились вожделения авторов прошения, то, несомненно, снова пробудилось бы брожение, причинявшее столько тревог в семидесятых годах. Пример прошлого достаточно убедительно свидетельствует об этом. Впервые цензурный устав 6 апреля 1865 г. предоставил значительный простор отечественной печати; правительство имело право рассчитывать, что она воспользуется дарованными ей льготами с надлежащим благоразумием и патриотизмом, но надежды эти оправдались относительно лишь немногих периодических изданий; что касается большинства их, то они усвоили себе столь неблаговидное направление, что в 1869 г. в высочайшем рескрипте на имя председателя комиссии для пересмотра цензурных правил статс-секретаря князя Урусова было указано на настоятельную необходимость «вооружить административную власть для борьбы с необузданностью печат-

ного слова». Та часть нашей прессы, которая особенно отличалась своею зловредною деятельностью, неоднократно заявляла, что был лишь весьма краткий период времени, когда она пользовалась некоторой свободой, а именно в управление графа Лорис-Меликова министерством внутренних дел. Действительно, он рассчитывал на возможность руководить печатью не столько репрессивными мерами, сколько увещаниями и советами, но ошибочность подобного образа действий обнаружилась очень скоро. Именно в самом начале восьмидесятых годов направление, известное под названием нигилизма, достигло у нас крайнего своего развития.

Если в течение последнего десятилетия наша печать, сравнительно с прежним, изменилась к лучшему, если уже не с такою дерзостью, как прежде, пытается она проповедывать вредные учения, обнаруживать неуважение к основам нашего государственного строя, то достигнуто это было не потворством ее притязаниями, а усилением мер для борьбы с нею.

В этом отношении особенную пользу принесли высочайше утвержденные в 1882 г. дополнительные правила к цензурному уставу. Именно они и возбуждают сильное неудовольствие лиц, выступивших ныне со всеподданнейшим прошением, но отмена этих правил повела бы к гибельным последствиям.

На основании вышеизложенного совещание министров, рассматривавших ходатайство о пересмотре цензурных узаконений, с которым выступило несколько лиц, действующих лишь в интересах своего кружка, отнюдь не призванных возбуждать вопроса, подлежащего усмотрению правительства, единогласно признают его незаслуживающим вовсе удовлетворения» [1]).

Содержание этого журнала не нуждается в комментариях.

Журнал совещания, при докладе министра внутренних дел, был представлен 19 марта императору Николаю II, который поставил на нем резолюцию: «Вполне согласен».

Так закончилась эта попытка. Единственным результатом ее было то, что директор департамента полиции Петров немедленно обратился в главное управление по делам печати с просьбой «не отказать в доставлении ему копии прошения некоторых литераторов и публицистов о пересмотре действующих узаконений о печати, а равно и списка лиц, участвовавших в подписании последнего»... Желание директора департамента полиции было удовлетворено.

С. Л.

Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г.

Назначение 11 января 1905 г. петербургским губернатором Д. Ф. Трепова — не случайно. Помимо того, что он мог импонировать своей решительностью и энергией, за ним числился опыт борьбы с рабочим движением своеобразными методами. Так, с его благословения, Зубатов начал свою деятельность среди московских рабочих. В своем докладе московскому ген.-губ. вел. кн. Сергею Александровичу Трепов писал, что правительство должно делать то, что делает революционер.

Эти зубатовские методы, в сочетании с полицейским кулаком и казацкой сотней, казались лучшим оружием против революции, которую начал рабочий класс на улицах Петербурга 9 января.

Трепов сразу же прибирает к рукам все, что может касаться рабочего вопроса, и по-своему пытается разрешить его.

На другой день после своего назначения Трепов принял «депутацию» путиловских рабочих. Эту депутацию прислал к нему вместе с нижеследующим письмом министр внутр. дел Святополк-Мирский.

---

[1]) Дело гл. упр. по делам печати, 1895 г., № 89, отд. III.

Многоуважаемый Дмитрий Федорович [1]),

У меня сейчас были трое рабочих из Путиловского завода, не принимавших участия в беспорядках и совершенно благоразумных. Не хочешь ли ты с ними поговорить или поручить кому-нибудь выслушать их? Они очень просят, чтобы их послушали, и говорят, что большинство рабочих Путиловского завода опомнились и желали бы приступить к работам.

Искренно преданный
Святополк-Мирский.

Петербург,
12 января 1905.

Возможно, что эта депутация и натолкнула его на мысль в большем масштабе изобразить представительство рабочих и выставить самодержавие перед рабочими в обеленном виде. Мысль эту он через полицейский аппарат привел в исполнение, и 19 января специальным поездом привезли в Царское Село 34 рабочих от разных заводов из числа «благонадежных», намеченных администрацией заводов. В Царском они выслушали прочитанную Николаем речь. Текст этой речи был тогда опубликован. Как и большинство (если не все) официальные обращения, исходившие от Николая, она была составлена не им — в данном случае Треповым.

Треповский проект речи Николая II к рабочим идентичен по содержанию с официальным текстом, напечатанным в современной прессе (см., напр., «Право» 1905, № 3, стр. 176), хотя и сильно отличается от него текстуально. Он сильнее, резче, определеннее. Официальный же текст более обработан, распространен, более расплывчатый, со смягчением некоторых резких углов.

Проект речи, печатаемый ниже, написанный рукою Трепова, сохранился в деле дворцового коменданта № 9,— озаглавленном «Материалы по рабочему вопросу». В том же деле находятся четыре перебеленных экземпляра речи, переписанных на машинке; первые два — более близки к черновому тексту, в двух последних имеются указанные ниже сокращения.

«Я принял вас, чтобы сказать после всего случившегося на этих днях в столице мое слово. Запомните его [1]) и верно передайте всем вашим товарищам.

Когда на улицах Петербурга пролилась кровь моих подданных, сердце мое тоже облилось кровью от скорби о несчастных, большею частью неповинных жертвах происшедшей смуты. Виновны в ней изменники и воры, которые вас обманули и которым вы к своей пагубе поверили.

Я верю, что, кроме горсти негодных и потерянных людей, рабочие в огромном большинстве были, есть и будут истинно русскими православными людьми, любящими бога, царя и отечество, верными сынами России, и прощаю им их вину.

Трудна жизнь рабочего человека. Многое нужно в ней исправить, во многом облегчить и упорядочить условия этой жизни. Знаю это; думаю и пекусь о всех вас и устрою так, чтобы все справедливые ваши нужды были удовлетворены, при соблюдении той же справедливости и относительно хозяев ваших.

Я позабочусь, чтобы и хозяева и рабочие всегда имели законную возможность заявлять о своих нуждах и чтобы никто никогда не был обижен и обездолен [2]). А теперь [3]) возвращай-

[1]) Сверху карандашная помета Трепова: «Деп[утацию] принял 12/I 1905».

[1]) В перебеленных текстах: «это».

[2]) Конец фразы: «и чтобы никто никогда не был обижен и обездолен» сначала рукою Трепова был изменен: «и чтобы не было обиженных и обездоленных», а потом им же зачеркнут. В перебеленных экземплярах этот конец фразы совсем выброшен.

[3]) После слова: «теперь» карандашом, рукою Трепова, вставлено: «осенив себя крестным знаменем», потом затерто резинкою. В первых двух перебеленных текстах эта фраза есть, но зачеркнута карандашом; в двух последних выброшена.

тесь на ваши заводы и фабрики и принимайтесь, благословясь, за дело.

Помните, что Россия воюет с сильным внешним врагом. Все русские люди от мала до велика, кто не изменник своей родины [1]), должны дружно приняться за общую работу, и тогда бог дарует нам победу».

Сообщил *И. Татаров.*

Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

15 января 1917 года один из виднейших монархистов, член главного совета союза русского народа, член Госуд. Совета А. А. Римский-Корсаков послал министру внутренних дел Протопопову письмо. «Посылаю вам, — писал он, — сводку общих положений и пожеланий, выработанных на происходивших у меня собеседованиях; они изложены в самой общей форме, так как подробная их разработка представлялась нам делом соответствующих ведомств».

Это письмо Корсакова и «Сводка общих положений» за его подписью находятся в делах Чрезв. Следств. Комиссии Временного Правительства [1]) (переписка Протопопова) и приводится нами ниже полностью.

Щегловитов во время допроса его Ч. С. К. не дал ответа на вопросы по этому делу, уклонился, представил дело это — мелочью.

Между тем программа эта, подготовлявшая новый государственный переворот, подобный акту 3 июня 1907 года, была принята к немедленному исполнению и, по многим данным, видимо, в полной мере отражала взгляд б. царя.

В этом свете очень интересным представляется содержание следующей, обнаруженной в переписке Протопопова, записки, помеченной 2 февраля 1917 г. без подписи:

«Относительно выборов в Государственную Думу V созыва член Государственной Думы Н. Е. Марков II полагает, что, прежде чем приступить к выборам, необходимо изменить избирательный закон, по примеру 3 июня 1907 года. Новый избирательный закон должен установить выборы по сословиям, ибо сословия являются бытовыми, жизненными ячейками русского народа. Сословная Дума либеральна не будет. В ней также не будет и партийности, ибо каждое сословие будет защищать только свои эгоистические интересы. Тем не менее и при действующей избирательной системе Н. Е. Марков считает возможным создать Государственную Думу V созыва относительно правой и консервативной. Для этого в первую очередь необходимо создать новые, широко поставленные органы правой печати и обуздать левую печать»...

Требование усиления власти на местах было основным в программе правых и самого б. царя, который приказал Штюрмеру разработать законопроект об областничестве; меры в отношении колеблющихся членов Государственного Совета и сенаторов принимались немедленно. «Колебание» должно было прекратиться с приходом в Государственный Совет в качестве его председателя Щегловитова.

Отметим еще только пункт 5-й программы, где намечалась борьба с «общественностью» путем дискредитации органов земского и городского самоуправлений, отдельных лиц, а также путем сдачи наиболее оппозиционно настроенных лиц в солдаты.

Накануне самой революции, 25 февраля 1917 года, в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», № 51, было помещено высочайшее повеление, предложенное Сенату министром юстиции, об утверждении наказа «По общей проверке всей постановки дела предоставления отсрочек и освобождения от призыва на службу военнообязанных, равно изъятий от военных повинностей и реквизиций».

---

[1]) Моск. Архив Революции и Внешней Политики.

[1]) Фраза: «кто не изменник своей родины» зачеркнута. В перебеленных текстах она выброшена.

Намеченная программа спешно проводилась в жизнь, и кто знает, как и во что бы она развернулась, если бы не наступила революция.

И. Тоболин.

Россия, несомненно, переживает тяжелое время; оно делается опасным благодаря постоянной политической смене убеждений, колебанию и расшатыванию властей; благодаря полнейшей неуверенности лучших слуг царя в завтрашнем дне; благодаря преступному попустительству общественности; наконец, благодаря отсутствию системы и программы в управлении страною, преемственно обязательной для каждого нового состава Совета Министров.

Только сильная воля способна вести нашу родину к светлому будущему, только при господстве православной церкви может процвести святая Русь.

Необходимы — в виде программы — нижеследующие общие меры:

1) Пересмотр основных законов в части, касающейся установления Государственной Думы, ее прав, обязанностей и пр.

2) Усиление власти на местах.

3) Необходимо назначение объединенного, правого, ответственного перед царем Совета Министров.

4) Однородности состава Совета Министров должны соответствовать и чины всех ведомств. Ненадежные элементы должны быть немедленно удалены. Содержание на казенный счет явных и тайных врагов самодержавия — недопустимо. При стройном подборе правительственного аппарата от верха до низа никакая ответственность, никакой натиск общественности не страшны.

5) Все силы объединенного правительства должны быть направлены к водворению порядка и спокойствия в стране. Только при таком условии возможно, когда придет время, заключение выгодного и славного мира. При другой обстановке, победа над врагом приведет к той же революции.

6) Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий.

7) Необходимо усилить правое крыло Государственного Совета надежными людьми. В отношении колеблющихся (членов Госуд. Совета и Сената) должны быть приняты меры. Способов для этого много.

8) Усиление вырождающегося дворянства свежими элементами.

Мероприятия по ведомствам.

По министерству внутренних дел.

1) Организация мощной, широкой ежедневной патриотической печати в крупных центрах столицы, не менее 10—12 органов. Влияние на существующие органы печати.

2) Цензура на все время войны для полного успокоения страны. Развитие и разумная постановка дел телеграфных агентств.

3) Основание патриотического книгоиздательства, ежемесячных журналов; книги для народа, школы для детей.

4) Не стесняя свободы печати, назначить драконовские наказания по суду за клевету, при чем возбуждение преследования за оклеветание должностных лиц должно быть в общем порядке, а не в порядке частного обвинения.

5) Ослабление Зем-Города [1]). Средства для борьбы: усиленная ревизия земских и городских самоуправлений при широком опубликовании результатов ревизий. Ревизия Зем-Города. Привлечение в строй значительного количества людей, освобожденных от воинской повинности по ходатайствам Зем-Города. Ревизии должны протекать при участии чинов министерства внутренних дел.

6) Там, где введено военное положение, таковое должно применяться в полной мере, — иначе получаются обратные результаты.

---

[1]) Речь идет о всероссийских объединениях земских и городских деятелей, принимавших активное участие в деле помощи фронту в 1914—1917 гг.

7) Военный закон о конфискации имущества государственных изменников, а также лиц, осужденных военным судом за попытку к ниспровержению государственного порядка, либо в возбуждении смут, крамол или волнений, могущих ослабить силу государственной власти и обороны государства во время войны.

8) Широкое награждение верноподданных, особенно низов. Умалилось значение высочайших наград, и для придания соответствующего значения желательно не придерживаться установленного порядка выслуги сроков.

9) Реформа полиции. Усиление наказания за оскорбление должностных лиц, ложные доносы и проч. Уездные начальники — увеличение содержания. Подчинение общей и жандармской полиции одному началу — взаимная поддержка и солидарность.

По свят. синоду.

Яркая поддержка православного духовенства. Реформа консистории. Упорядочение дел православной церкви.

По министерству земледелия.

1) Организация сельско-хозяйственных ремесленных мастерских-школ; усиление для севера мероприятий по рыборазведению и упорядочение лесных промыслов. Хозяйственная разработка казенных лесов. Развитие коневодства и животноводства. Покупка хлеба министерством для заграничного экспорта. Эксплоатация Сибири и Кавказа. Пересмотр лесоохранительного закона.

2) Разумное использование труда военнопленных.

3) Упорядочение продовольственного дела. Накопление, на случай недорода, запасов.

По министерству финансов.

1) Монополизация нефти и угля.

2) Покровительственное отношение к созиданию кооперативами мелких фабрик и технических производств.

3) Усиление добычи золота. Использование труда: каторжан, заключенных в арестантских отделениях, ссыльно-поселенцев. Монополизация золотого и платинового дела.

4) Переоценка городских имуществ.

5) Передача дел и сумм трезвости — духовенству.

По министерству путей сообщения.

Усиление железнодорожного строительства. Выкуп частных железных дорог.

По министерству народного просвещения.

Усиление правительственного надзора за школами. Пересмотр программ — последние должны преследовать не отвлеченные, а практические цели. Покровительственное отношение к ремесленному и техническому образованию.

По военному министерству.

1) Сокращение тыловых учреждений.

2) Сокращение отпусков с фронта.

3) Прекращение заигрывания с общественностью высших чинов армии.

По министерству ин. дел.

Реорганизация ведомства. Представители России должны быть русскими по духу. Только такой подбор лиц может внушить уважение к родине. Открытие за границей в крупных центрах органов печати, которые должны работать в наших интересах. Развитие коммерческой агентуры.

Римский-Корсаков.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией. *А. Л. Попов*	3—38
Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. С предисловием *Е. Мартынова*	39—55
Из дневника А. Н. Куропаткина. С предисловием *М. Н. Покровского*	56—77
Бухара в 1917 г. С предисловием *А. Шестакова*	78—122
Дневник Николая Романова	123—152
«Работа» эсеров в 1918 г. С предисловием *В. Владимировой*	153—174
Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». С предисловием *А. Ивина*	175—185
Письма Г. Ф. Здановича. С предисловием *Э. Корольчук*	186—204
Из народовольческих автобиографических документов. С предисловием *С. Н. Валка*	205—231

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. Сообщил *П. Садиков*	232—237
Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. Сообщил *С. Любимов*	237—240
Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. Сообщил *И. Татаров*	240—242
Программа союза русского народа перед Февральской революцией. Сообщил *И. Тоболин*	242—244

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАРХИВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. НЕВСКОГО
Вступительная статья В. Н. ФИГНЕР

Стр. 515. Ц. 5 р.

„Главная ценность дневников Тихомирова в том, что они — иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, которую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и наконец самый факт измены своей партии ее бывшего вождя, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения „героя безвременья“,—все это заставляет внимательно прочесть эту книгу“.

Из предисловия В. Невского.

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены. Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов. Идеология Общества Соединенных Славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над Славянами. Заключение.

Приложения. Список Общества Соединенных Славян. Примечания. Указатели: географический и именной. Таблицы символических знаков славян. Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.